

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ГВАРДИЯ, В ОГОНЬ!

Annotation

Лейтенант Илья Миронов, офицер Росгвардии, едет с бойцами своего спецподразделения на полигон для отработки метания боевых гранат. Один из молодых солдат роняет гранату себе под ноги, и лейтенант прикрывает парня от осколков своим телом...

А после взрыва Миронов приходит в себя от гула двигателей – мимо него проезжает колонна танков с крестами на башнях. Что это, снимают кино? Нет, Илья очутился в июне 1941 года.

Красная Армия под натиском превосходящих сил отходит, и гвардеец начинает свою войну. Единой линии фронта нет, танковые клинья гитлеровцев глубоко рассекли позиции наших частей. Зачем пробиваться к своим, если враг вокруг? Гвардия, в огонь!

-
- [Содержание](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Содержание

Юрий Григорьевич Корчевский

Гвардия, в огонь!

© Корчевский Ю.Г., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

«Несчастный случай»

Служба Илье нравилась, спецназ Росгвардии – это почётно и реальную пользу видишь. Настоящая мужская работа, не штаны в офисе протирать. После училища внутренних войск попал по распределению на юг страны, где рядом горячие точки. Лейтенант, командир взвода. Старослужащие сначала приняли доброжелательно, но настороженно. Человек раскрывает себя после первого боестолкновения. На третьем месяце службы вертолётami перебросили их в Дагестан, где в селении засели боевики, четверо отпетых головорезов, пособников ИГИЛ. Отстреливались из каменного дома, прикрываясь женой и ребёнком одного из членов банды. Кабы не живой щит, влепить бы им из огнемёта «Шмель», называемого террористами «Шайтан-трубой», в окно, и все дела. Пришлось вести переговоры, бандиты уступили, отпустили женщину с ребёнком на руках. Одного из бандитов сразу снайпер снял из АС «вал», есть такая снайперская винтовка. Илья поближе подобрался, выстрелил из «Мухи» в окно. Получилось – одним выстрелом двоих уложил. Последний, четвёртый, сделал вид, что сдаётся. Вышел, демонстративно автомат бросил, руки поднял, вроде безоружен. Наши стрелять перестали. А Илья сбоку и сзади дома позицию занимает, видит – «сюрприз» для неверных у террориста за спиной в виде рюкзака со взрывчаткой и провод от него к руке тянется. Выхватил из кобуры «Грач» и выстрелил смертнику в голову. «Грач» – пистолет под патрон 9×19, такой же, как у «Парабеллума», более мощный, чем у «макарова». Ныне половина армий мира имеет пистолеты под такой патрон. Конечно, стрелять в туловище лучше, больше шансов попасть, но на самом террористе взрывчатка, может сдетонировать. Всё тогда получилось. Бандгруппу ликвидировали, сами потерь не понесли.

Только после этого бойцы отряда признали Илью за своего. А позывной он выбрал сам – «Буратино». Почему? Сам ответа не знал, пришло в голову. Во всех переговорах по рации сотрудники называли себя по позывным, бандиты запросто прослушивать могли. Хоть рации кодированный сигнал имеют, так и у бандподполья зачастую все электронные новинки есть.

Большая часть сотрудников отряда – офицеры, но были и сержантского состава, прапорщики, набранные из отслуживших срочную

службу и проявивших себя в воинской специальности. Особенно ценились сапёры и снайперы. Для снайпера особый склад характера нужен. Быть в тире и стрелять по неподвижной мишени многие могут, некоторые даже очень точно. Снайпер же на позиции должен замаскироваться умело, чтобы с нескольких шагов его позицию определить было невозможно. А потом ждать, иногда не часами, а днями, когда появится нужная цель. А цель не стоит на месте, движется. За секунды нужно определить дистанцию, выставить оптику и произвести выстрел. Иной раз на такую дистанцию, что просто меткий стрелок – из спортсменов или охотников – даже стрелять откажется. Обязательно попасть в жизненно важные центры – сердце, голову, чтобы наповал. Как правило, снайпер имеет право на один выстрел. С одного выстрела его позицию не засекут, не откроют ответный огонь. Впрочем, с появлением у снайперов бесшумного оружия ситуация улучшилась. Но всё бесшумное оружие имеет ограниченную дальность поражения.

Сапёр не менее значимая фигура. Террористы зачастую устраивают минные заграждения у своих схронов, в землянках. Взрывные устройства самодельные, с разными типами взрывателей. Найти и обезвредить их – настоящее искусство в военном деле.

Во взвод несколько дней назад прибыли новички – пять человек. Илья с вновь прибывшими и одним сержантом Сорокиным отправился на полигон. Надо проверить стрелковую подготовку бойцов, а ещё гранатную подготовку. Отстрелялись бойцы неплохо, двое из АКСУ, ещё двое из снайперских винтовок, а ещё один из автомата АШ-12, созданного по заказу спецслужб. Не оружие – зверь! Калибр 12,7 мм, имеет и бронебойные пули, и бесшумные патроны, а ещё имеет подствольный гранатомёт револьверного типа. Бойцы во взводе имеют разнообразное оружие, чтобы максимально эффективно выполнять поставленную задачу.

Цели у армии и спецподразделений разные. Задачи «спецухи» – обезвредить террористов и очень желательно, чтобы не пострадал ни один мирный житель, поскольку большая часть спец-операций проводится в населённых пунктах. А армия должна воевать с внешним врагом всей мощью – танками, авиацией, кораблями.

Начали бросать гранаты – на дальность и точность. Попробуй, попади гранатой на двадцать пять – тридцать метров. Илья стоял позади бойца, наблюдая за его действиями. Все бойцы с опытом, прошли службу в армии, потом в учебном подразделении Росгвардии. Стреляли многие, а гранаты бросали не все. Потому бойцы волновались. Один бросил удачно. Два броска и обе гранаты попали в окно учебной деревянной избушки. После

броска прятались в окопе, после взрыва поднимались. Второй бросил не так удачно. Взрыв, дым, а граната, что первая, что вторая, упали перед стеной. Случись в здании настоящий противник, он бы не пострадал.

– Сорокин, завтра с утра на полигон, будете бросать учебные гранаты.

– Так точно.

А с третьим бойцом случилась неприятность. И только реакция Ильи спасла обоих от неминуемой смерти. Боец выдернул чеку, бросил гранату. Щелчок взрывателя, а граната ударилась в бруствер траншеи, покатилась назад. До взрыва три с половиной секунды! Илья сильно толкнул бойца в боковое ответвление траншеи, сам упал на него. Взрыв! Чёрный дым, осколки ударили по деревянной обшивке траншеи. В глазах темно, в носу запах сгоревшего тротила. Илья потёр глаза. Почему темно? Поднял голову – нет, не ослеп, чего сразу испугался. Остаться слепым в его молодые годы страшно. Звёзды видны в разрывах туч. Сразу мысли нелепые в голову полезли. Если он жив, почему сержант и бойцы его бросили после взрыва? Пошарил вокруг себя руками. И бойца нет, а ведь он на него упал, прикрывая. Встал во весь рост, крикнул. Только голос хриплый, во рту сухо, как с глубокого похмелья. Едва не застонал от досады. Бойцы бросили своего командира! Позор! Вытурят из Росгвардии, в лучшем случае – понизят в должности, на бумажную работу. Ну, повинится, не досмотрел. Повинную голову меч не сечёт, тем более никто не погиб. Если он сам уцелел, то боец, как его... Игошин, тем более должен остаться без царапины. Определился с направлением, зашагал к КПП. Там должен быть прямой телефон с отрядом. Каких-то десять минут, он созвонится, пришлют машину. Но шагал и десять минут и двадцать. КПП нет. Если ошибся с направлением, то должна быть колючая проволока по периметру стрельбища и предупреждающие таблички: «Стой! Стреляют!». В душе горечь, обида, досада, но эмоции – плохие помощники. Снова посмотрел на звёздное небо. Вот полярная звезда, ему немного левее. И опять двадцать минут хода и безрезультатно. Остановился, осознавая, что происходит нечто странное. Может – не бить ноги, а переночевать? Утром видно будет, где он оказался.

Вдалеке слышался гул моторов. Явно автоколонна, которая движется. Илья двинулся на звук. Уж по-всякому к шоссе выйдет. Любая дорога имеет указатели и обязательно ведёт к населённому пункту. Он сначала шёл, потом побежал. Кроме шума моторов стал отчётливо слышен лязг гусениц. По шоссе танки или гусеничные транспортёры идти не могут, потому что после прохода такой колонны асфальт будет разодран в клочья. Такое позволено только в боевой обстановке. Всё же выбрался к шоссе,

когда колонна почти прошла. Почти, потому что мимо него громыхал гусеницами и нещадно ревел танк. Пока он не успел отдалиться, Илья рванулся за ним, уцепился за какие-то стальные выступы на корме, подтянулся, упал на железную решётку моторного отсека. Пыль, грохот, темнота. Стучать по броне или кричать бесполезно, танкисты внутри своей боевой машины не услышат. Придётся немного прокатиться незванным и безбилетным пассажиром. Перебрался поближе к башне, здесь не так трясло. Рано или поздно любая воинская колонна останавливается, на что рассчитывал Илья. Для заправки, проверки технического состояния, отдыха. Проехали какую-то деревню. Не горит ни один огонёк, впрочем – ночь, селяне спят. Да нет, не спят, такой грохот разбудит любого. Миновав мост, колонна прошла ещё несколько километров и остановилась в лесу. Один за другим заглохли моторы. С железным лязгом откинулись створки на боковом листе башни, показалась голова танкиста в танкошлеме. Илья собрался встать, как услышал голоса. Да не на русском, а на немецком. Сразу холодный пот прошиб. Немецкого он не знал, учил английский, но спутать немецкий с другим языком – испанским или французским – невозможно. НАТО ввело свои войска в Россию? Вероятность совместных манёвров он отверг сразу. Германия – член НАТО, вероятный противник. Осторожно прополз к корме танка, слез на землю. От брони моторного отсека идёт тепло. С одной стороны, повезло, танк в колонне был замыкающим. Потому отбежал по дороге и в лес. Прячась за деревьями, снова приблизился к месту, где стоял танк. Танкисты уже выбрались, кто закурил, кто оправлялся. Весело разговаривали, даже хохотали. И все разговоры на немецком. Илья ущипнул себя за руку, больно! Стало быть, всё, что он видел – в реальности. Рука сама потянулась к кобуре. В магазине «Грача» семнадцать патронов, ещё столько же в запасном магазине, что в кармашке на кобуре. Стрелять? А если это совместная акция? Замер в растерянности, лихорадочно соображая. Один из членов экипажа, скорее всего механик-водитель, зажёл фонарик, осмотрел ходовую часть.

– Гут!

Луч фонаря скользнул по башне, высветив крест. Впрочем, звёзды Илья и не ожидал увидеть. Впереди колонны свисток, круговые движения синим фонарём. Сигнал – заводи моторы, приготовиться к движению. Голова разрывалась от мыслей – где он, что происходит, что за колонна на дороге? Он один, из оружия – только пистолет. Что хорошо – в цифровом камуфляже. Такой одинаково укрывает что в лесу, что в траве на поле.

Танкисты взобрались на танк, взревел мотор. До Ильи донёсся запах

сгоревшего топлива. Точно не солярка. Наши танки и бронемашины, самоходные орудия, имеют дизеля, они экономичнее, крутящий момент выше, не такие пожароопасные. Хотя из рассказов фронтовиков или прочитанных мемуаров знал, что танк, хоть и железный, сгорает в пять минут. Танк дёрнулся, тронулся. Илья решился, бросился к боевой машине, снова со стороны кормы взобрался. У танков обзорность плохая. Наводчик орудия видит мир через прицел пушки, только механик-водитель и командир танка имеют возможность смотреть через узкие щели, прикрытые триплексом. Так что увидеть его танкисты не могли. Пока колонна двигалась, он пытался припомнить силуэт. Не «Леопард», это точно. Тот намного больше и пушка длинная. А у этого пушка не выступает за передний срез танка, просто окурочок. Окурочок! Где-то он читал применительно к танкам. Стоп! Такой силуэт и такое словечко явно сочетается применительно к немецкому Т-III. Даже смешно стало. Больше семидесяти лет прошло с тех пор. Т-III, которые могли двигаться своим ходом, были только в Кубинке, в танковом музее. А сейчас он видел сразу несколько штук в колонне, попеременно с грузовиками. Постепенно начало доходить – он попал во времена Великой Отечественной войны. Слишком круто и необъяснимо. Сначала теплилась надежда – наши реконструкторы. Но откуда у них столько техники? Да и не говорили танкисты по-русски. Нет, у реконструкторов попросту не хватит денег восстановить до ходового состояния целую колонну – машины, танки. Стало быть – враги. Не хотелось верить, всё происходящее напоминало дурной сон. Между тем начало светать. Сзади послышался рёв моторов. Илья обернулся. Колонну догоняли два самолёта, пронеслись метрах в трёхстах выше, но он успел увидеть ненавистные кресты. Сомнения отпали. Надо действовать. Открылась крышка верхнего люка, показался командир из башенки. Если он оглянется, увидит Илью. Вытащив пистолет, Илья выстрелил ему в спину. Танкист рухнул внутрь башни. Теперь надо действовать быстро, пока экипаж не понял, в чём дело. Илья вскочил, заглянул в люк. В кабине темно, только слабый свет от приборной панели механика-водителя. Танкисты в чёрной униформе, плохо различимы. Но Илья предполагал, где могут находиться члены экипажа, все танки имеют определённые боевые посты. Стал стрелять – по месту водителя, заряжающего, стрелка-радиста, наводчика. Патронов не жалел. Остановился, когда были израсходованы все патроны в магазине и затвор замер в заднем положении. А танк двигался. И никто за рёвом двигателей и лязгом гусениц пистолетных выстрелов не услышал. Уничтожить бы ещё танк, да чем? Шоссе на этом участке прямое, Илья решился, залез в башню. Под ногами тела танкистов. Увидел

гранатную сумку, снаряды в укладке. О! Сейчас он устроит фейерверк. Вытащил из сумки гранату с деревянной ручкой, какие видел только в кино. Откинул колпачок на ручке, дёрнул шнур, сунул гранату к снарядам и стал выбирать. Вскочил ногами на сиденье командира, ухватился руками за борта танка, подтянулся, прыгнул на моторный отсек, с него на землю. У танка скорость, как и у всей колонны, невелика, километров тридцать пять. Прокатился кубарем, гася скорость, и двумя прыжками в кювет. Запалы немецких «колотушек» горели долго, но получилось впрыток. Хлопнул негромкий взрыв, потом ахнуло. Из открытого люка поднялся столб пламени, затем башню сорвало, и она тяжело грохнулась на дорогу. Танк прополз по инерции несколько метров и встал. Не увидеть или не услышать такой взрыв не могли. Колонна остановилась, слышались тревожные крики.

– Аларм!

Надо делать ноги. Илья помчался в сторону от дороги. Леса нет, по обе стороны поле. Пригибаясь, отбежал от дороги, упал в траву. К горящему танку подбежали немцы. Не приближаясь, посмотрели на танк. Явно пытаюсь определить причину взрыва. Мина невозможна по определению, по шоссе прошли танки, и взорвался бы первый. Да и при взрыве мины разбиты катки, разорвана гусеница. Выстрела противотанковой пушки никто не слышал. Тем не менее один из командиров внимательно осмотрел местность в бинокль. Пушку здесь укрыть невозможно, если только в дальнем лесу, так до него километра три. Для пушки дистанция запредельная, редкая из них в 1941 году могла пробить броневой лист танка уже на восемьсот метров. Бурно пообсуждав, немцы разошлись по машинам, и колонна двинулась дальше. Тушить горящий танк было нечем и незачем. Подбитые танки немцы и наши ремонтировали, а сгоревший годился только на переплавку. Когда немцы уехали, Илья перевёл дух. Надо отсюда уходить. По шоссе с наступлением рассвета обязательно пойдут войска неприятеля, он же в голом поле. Пока спасает маскировочный костюм. Пожалел, что поторопился. Надо было забрать из танка патроны, по крайней мере, у командира танка и наводчика, он видел у них пистолетные кобуры. Патроны в них такие же, как у его «Грача», 9×19. И пару гранат за ремень заткнуть, а то взорвал всё добро разом, поторопился. А здесь баз снабжения нет, надо самому думать о харчах, пополнении боезапаса. Да и автомат немецкий следует приобрести, пистолет – оружие ближнего боя, по подвижной цели с полусотни метров уже попасть затруднительно. Пошёл через поле к лесу. Постоянно оглядывался – не видно ли очередной немецкой колонны? И снова ошибку допустил, не

смотрел вверх. Внезапно рёв мотора, пулемётная очередь. Пули прошли рядом, в полуметре, взбивая пыль и комья земли. Над ним пронёсся на малой высоте «мессер». Илья сразу упал. Лётчик описал полукруг, Илью не заметил, а может, решил, что убит. Самолёт улетел на запад. Не было привычки у бойцов антитеррористического отряда в небо смотреть, не обзавелись бандиты летательными аппаратами. Илья опыт учёл, боевые действия быстро учат самосохранению. Всё же до леса добрался уже без приключений. Шёл по опушке. Полагал – рано или поздно выйдет к жилью – селу, деревне, хутору.

Уже через полчаса бодрого хода наткнулся на хутор. Какое-то время стоял за деревьями, наблюдал – нет ли немцев? Из избы периодически выходил старик. Ходил по двору. Илья решился, подошёл, поздоровался.

– Здравствуйте!

– И вам долго жить!

Такого ответа раньше Илья ни от кого не слышал. Старик подслеповато прищурился.

– Вот не пойму я, ты командир или как? Форма на тебе непонятная.

– Командир.

– А где же твоя часть, почему драпаешь от немцев? Твоё место на фронте, а ты на хутор пришёл.

– Получилось так.

– Ага, были у меня вчера двое, навроде тебя. Так форму сняли и винтовки бросили. Выклянчили у меня одежонку, переоделись в гражданское и ушли. Вояки!

Дед витиевато выматерился.

– А какой сегодня день? – спросил Илья.

– Добегался! Двадцать пятое июня. Год-то хоть помнишь? Али забыл с перепуга?

– Ты меня не совести. Я танк сегодня ночью уничтожил вместе с экипажем.

– Фу-ты, гнуты, спасибо тебе большое! – начал изгаляться дед.

– Ладно, извините.

Илья повернулся, собираясь уйти.

– Погодь! Ты сегодня ел что-нибудь?

– Не пришлось.

– На пустое брюхо воевать – последнее дело. Заходи!

Раз пригласил дед, можно зайти. Дед уже в избе показал на рукомоёйник.

– Мой руки и сидай. Я быстро.

Дед налил из чугунка полную миску щей, щедро нарезал ржаного хлеба.

Илья набросился на еду. Вкусно! Опростал миску да два больших ломтя хлеба. В голову мысль пришла.

– Вас как звать?

– Илья Никанорович.

– Стало быть – тёзки. Я тоже Илья. Форму, что бойцы сняли, можно посмотреть?

– Смотри, не жалко. Думал сжечь. Ежели немцы нагрянут, за форму и винтовки вздёрнуть могут. Я в Первую мировую с ними воевал. Сильные вояки, шапками их не закидаешь.

Дед принёс из соседней комнаты узел. Илья форму осмотрел – помятая, выпачканная на коленях землёй, видимо – поползать пришлось бойцам. Один комплект почти его размера.

– Примерить можно?

– Валяй.

Дед деликатно вышел. Илья свой комбез снял, надел чужую форму. Пришлась в самый раз, только пахла чужим телом – потом, оружейной смазкой. На петлицах два треугольника, сержант. И петлицы чёрные, инженерные войска. Ремня только не хватает и сапог. У него берцы. В РККА носили ботинки с обмотками. С берцами форма будет смотреться нелепо. Со вздохом чужое обмундирование снял, ощутил что-то твёрдое в кармане. Расстегнул пуговку, вытащил красноармейскую книжку. Видимо, боец решил дезертировать, бросил форму, оружие, документы. Красноармейскую книжку переложил в карман комбинезона, надел свою форму. В ней привычней. На комбезе ни погонов нет, ни звёздочек, можно сказать – рабочая одежда для полевых выходов. Всё же привык он к своей форме, почувствовал себя увереннее.

– Что? Не подошла оде́жа? – появился старик.

– Не, в своей буду. А винтовку не дадите?

– Дам. Думал в ручье утопить.

Старик вернулся с двумя трёхлинейками. Илья отвёл затвор, магазин полон. Из второй винтовки выщелкнул все патроны, аж пять штук.

– Патронных сумок не оставили бойцы?

Дед развёл руками.

– На том спасибо, Илья Никанорович.

– Удачи тебе, сынку. Выживи только и немца прогони.

– Прогоним, только война долгой будет, тяжёлой.

– Она, подлая, всегда такая.

Вот же обалдуй! Не спросил про место, где находится.

– Прости, отец. А где я? Город какой рядом, район?

– Неуж карты нет? В трёх верстах по прямой Воложин. Вчера громыхало там сильно.

Вот теперь можно идти. Что за Воложин, в каком месте Белоруссии город находится, Илья представления не имел. Винтовка оттягивала плечо. Винтовка хороша для выстрела дальнего, прицельного. Но лучше автомат заиметь. Винтовка не может создать высокую плотность огня, не зря же в Российской армии винтовки остались только у снайперов, да и то ни Мосинские трёхлинейки, а Драгунова, самозарядные. А уж штык гранёный вообще анахронизм. Им только колоть можно. Ни проволоку разрезать, ни банку консервов вскрыть, ни втихую часового снять.

Три километра в указанном дедом направлении Илья прошёл быстро. Показались окраины города. Кое-где видны дымы, потом проехали несколько мотоциклистов. Мотоциклы с колясками, в них пулемётчики. Похоже, город занят немцами. Илья решил дожидаться темноты, войти в город. Главная задача – добыть карту. Без неё – как без рук, привык. Пусть она на немецком, название всё равно прочитать можно – населённого пункта или реки.

В бытность курсантом Илья читал записки Судоплатова, увлёкся, читал документы. Умный человек, какие диверсии придумывал! Три раза его едва не расстрелял НКВД. Несколько положений запомнил твёрдо. Когда немцы стали брать наши войска в клещи, потом окружать и методично уничтожать в котле, наши военачальники приказывали окруженцам прорывать кольцо окружения, пробиваться к своим. Сколько жизней было положено при выполнении этой директивы, сколько боевой техники брошено из-за отсутствия топлива, непроходимой местности. В Белоруссии полно рек и речушек, обилие болот. Если человек ещё пройдёт, то техника застрянет или утонет. А зачем? Тратить силы и время, когда вокруг враг. Бей его! Нет оружия и боеприпасов – захвати у врага. Воюя в окружении, подразделения оттягивали бы на себя врага, как гири на ногах, не давали продвигаться вперёд. У немцев и оружие и провизия, так забери силой. Немец так же смертен, как любой человек.

Илья решил действовать по судоплатовским правилам, уж очень они ему импонировали. Тем более ни к какой воинской части он приписан не был, дезертиром или пропавшим без вести не числился. А выйди к своим, начнутся проверки. Он же не знает ни командиров частей, ни других мелочей и проверки не выдержит. Будет партизанить, хотя в современном понятии слово приобрело, скорее, негативный оттенок. Когда военкоматы

призывали мужчин для переподготовки, такие великовозрастные призывники называли себя партизанами. Почти у всех семьи, у некоторых лысина и пузцо, строевой выправки нет. Партизаны и есть.

Понаблюдав Илья за окраиной города до вечера. Немцы вели себя по-хозяйски и, похоже, ничего не боялись. Ну да это вам не Франция или другие европейские страны. Начало темнеть. Илья заметил, что группа мотоциклистов расположилась на ночлег в большом длинном одноэтажном доме, скорее, здании артели или небольшого производства. У входа стояло десятка два мотоциклов, прохаживался часовой. На каждом мотоцикле двое военнослужащих, получается, внутри – взвод. Сколько мотоциклов, столько пулемётов. В стрелковой роте Красной армии по штату четыре ручных пулемёта, а у немцев – пятнадцать на взвод. Правда, мотоциклисты – разведчики, у них штатное расписание другое, не как у пехоты. Немцы пускали впереди наступающих частей моторазведку. Не пёрли напролом, выискивали обходы укрепрайонов, расположение наших батарей. В 1941 году до глубокой осени единого фронта наступления не было. Немцы проламывали оборону танковыми клиньями и быстро продвигались вперёд, иной раз по пятьдесят-сто километров за сутки. Бороться с танками было нечем, пушек катастрофически не хватало, как и гранат, а противотанковых гранат практически не было. В Минском и Белостокском котлах РККА потеряла 324 тысячи военнослужащих, или 11 стрелковых дивизий, 2 – кавалерийских, 6 – танковых и 4 – моторизованные. А с ними 3332 танка и 1809 орудий разного калибра.

Илья решил подобраться к мотоциклистам под покровом тёмноты, убрать часового, обыскать мотоциклы. Наверняка хоть в одном найдётся сумка или планшет с картой. Планшет – это не современный гаджет, а кожаная сумка, раскладывающаяся как книжечка, одна сторона – под целлулоидом, под ней – карта. Удобно – не испачкается, не замокнет под дождём.

Подкрался к стоянке около полуночи, залёг. Ровно в полночь часового сменили, эта пресловутая немецкая пунктуальность. Часовой немного походил, позёвывая, потом опёрся на коляску мотоцикла, замер. Мотоцикл крайний в ряду, часовому всю стоянку видно. Момент удобный. Илья бесшумно подобрался, что умел делать и делал не раз. Ножа нет, из пистолета стрелять глупо, все мотоциклисты сразу выбегут, и удастся ли самому уйти – ещё большой вопрос. Но Илья обучен был, мог убить противника голыми руками, что и проделал. Зашёл со спины, кинулся, схватил за подбородок и шею, рванул в сторону, услышав хруст позвонков. Тут же подхватил обмякшее тело, бережно опустил на землю, чтобы ни

одна железяка не звякнула. Тут же стянул с часового ремень автомата, забросил через плечо МР 38/40. Снял подсумок с магазинами, нацепил на свой поясной ремень. Винтовку предусмотрительно оставил в кустах, слишком длинна, только мешать будет. Начал медленно обыскивать мотоциклы. В шестом или седьмом по счёту повезло. На сиденье коляски лежала сумка, раскрыл. Удача – карта топографическая. Ремешок сумки перебросил через другое плечо, дабы не потерялся ценный трофей. Тихим шагом удаляться стал, потом остановился. Он на своей земле, а враги рядом, спят. Как упустить такую возможность? Если бы не пулемёты на вертлюгах колясок, может бы и ушёл. Вернулся, осмотрел пулемёт. МГ-34, неплохая машина, надёжная. Один раз он даже стрелял из такого. Думал – только в музеях сохранились. А обнаружили схрон бандитский, а там взрывчатка, «калаш» с откидным деревянным прикладом и МГ с коробкой патронов. Всю ленту отстрелял ради интереса. Пулемёт потёртый был, выдавший виды, а ни одной осечки не дал. А как начались события на Украине, видел западнцев с МР 38/40, карабинами Маузера, даже пулемётами МГ. Уже потом радикалы-нацисты разграбили армейские склады, вооружились современным оружием.

Со знанием дела откинул крышку, заправил ленту. Ну, с Богом! Хоть и не верил, а довелось – вспомнил. Спокойным шагом вошёл в здание. Небольшой коридор, за ним дверь, из-под которой пробивался слабый свет. Приоткрыл дверь, через щель осмотрел. На столе аккумуляторный фонарь. На полу вповалку мотоциклисты. Стальные шлемы с мотоочками рядом с изголовьем, там же автоматы. Кому придёт в голову спать с оружием на ремне, через грудь? В импровизированной казарме храп стоит, пахнет ваксой для сапог, потом. Пора. Илья дверь распахнул, вскинул пулемёт, нажал на спусковой крючок. Грохот выстрелов, пороховой дым, пламя из пламегасителя на четыре стороны. Некоторые успели вскочить, но Илья жал на гашетку и водил стволом, пока не кончилась лента и пулемёт не щёлкнул вхолостую затвором. Никто не шевелился, не стонал. Илья бросил пулемёт, выскочил на улицу. Через несколько домов лаял остервенело пёс, испуганный выстрелами. Ни один житель не выглянул. Уже пробегая мимо стоянки, Илья снял пулемёт, вскинул на плечо, в свободную руку взял коробку с пулемётной лентой. Прихватил бы больше, да третьей руки нет. Сразу побежал. Теперь надо уносить ноги. Илья перестраховался. Полевая полиция – гехаймфельдполицай, не успевала идти за первым, наступающим эшелоном своих войск. А только у неё были спецы, обученные идти по следу собаки. Илья же, пробежав пару километров, наткнулся на ручей, пробежал по нему вверх по течению метров двести.

Только вымок зря. Зато потом отдышался под сосной. Славная ночь выдалась. Взвод мотоциклистов выбил, трофеи, ценные для него, добыл. Карта и пулемёт с автоматом – приобретение нужное. Всё рассмотрит завтра, а сейчас спать. Устал, да и слишком много за последние сутки событий произошло.

Так и уснул, но спал чутко. Птицы и зверьё лесное, напуганное звуками войны, ушли подальше от людей, в леса глухие, только ёжики шастали, шелестели листвой.

Утром проснулся, как привык, в шесть тридцать по московскому времени. Сделал небольшую зарядку – прогнать сонливость. Сначала осмотрел автомат. Видел его в музеях, в кино, но в руках держал впервые. Отсоединив магазин, взвёл затвор. Ага, огонь ведётся с заднего шептала, как на нашем «ППШ». В обращении оружие простое. За изучение карты взялся. Топографическое исполнение великолепное. У рек, кроме названий, обозначено направление течения, глубины, скорость течения, мосты. И на местности каждая мелочь отмечена, вроде отдельно стоящих деревьев, заводских труб. Не прихоть, а отличный ориентир для артиллерийских корректировщиков. Деревни, хутора, грунтовые дороги обозначены. Единственный недочёт, для него лично, – всё на немецком.

Определил своё местоположение, найдя на карте Воложин. Убегал из города он на север. Даже ручей обнаружил. Ткнул пальцем. Предположительно он здесь. Недалеко деревня, километрах в пяти. Хотелось есть, кушал он вчера на хуторе у деда, потому направился к деревне. Хоть кусок хлеба выпросит. Понятно, что у селян самих с едой плохо, да наверняка побирушки вроде него донимают. Из окружения, из разбитых частей сейчас многие на восток идут и не по дорогам, на них немцы сейчас, а по тропам или вовсе без них. Трофейное оружие ощутимо отягощало, но он привык. В оперативной группе, когда забрасывали во время операции к аулам или лесным массивам, груза на себе побольше нести приходилось – рюкзак с провизией, спальник, рацию, запас патронов, оружие. Получалось в итоге килограммов сорок-пятьдесят, да по горам. В группе никто не курил, иначе дышалки не хватит. А, кроме того, табачного запаха не было, по которому их засечь могли.

К деревне вышел точно, хоть и компаса не было. Залёг в кустах на опушке, с полчаса понаблюдал. Обычная деревенская жизнь – хрюкают свиньи, мычат коровы, на единственной короткой улице роются в пыли куры, изредка появляются селяне. То женщина бельё развешивает на верёвках, то мужик в возрасте дрова топором колет. Всё спокойно, можно выходить. Подошёл к крайней избе, на заборе кувшины сушатся.

– Эй, хозяева! – крикнул Илья.

На крыльцо вышел мужчина.

– Чего надо?

– Покушать не дадите?

– Ступай отсюда, кончилась ваша власть!

И в избу зашёл. Западные районы Белоруссии были присоединены к СССР только в 1939 году, по пакту Молотова – Риббентропа. Некоторые успели в Польшу перебраться, чтобы не жить при советах, другие остались, но власть не приняли. Ну и ладно. Первоначально было желание шлёпнуть. Из таких получались предатели и полицаи. Но этот-то пока не полицай и стрелять его не за что. Может, он не только советы не любит, но и немцев. Илья зашёл в другой двор. Из избы вышел хозяин.

– Наконец-то освободители пришли! – вскричал он.

Хм, ещё один из пронемецки настроенных. Илье интересно стало, почему его за немца приняли.

– Откуда ты знаешь, что я немец? – коверкая русский язык, спросил Илья.

– Ну как же! На голове не пилотка и не фуражка, оружие опять же не трёхлинейка. Заблудились, господин немец?

– Разведка!

Илья приложил к губам палец. Мол – тайна. Хозяин закивал.

– Не изволите в хату пройти?

– Изволю.

Уж играть роль немца, так до конца. На комбинезоне никаких нашивок у него нет, но вот кепи в Красной армии не было, а немцы носили, полевой головной убор для офицеров, а также егери и полицаи. Ай-яй-яй! А попади ему навстречу бойцы или командиры Красной армии, могли бы и обстрелять. Надо обзаводиться пилоткой или фуражкой, как опознавательным знаком «я свой». И камуфляжная раскраска на комбинезоне не похожа на военную тех лет. Нечто похожее было у немецких парашютистов, их форма отличалась от армейской, поскольку курировал десантников министр авиации Герман Геринг. Хозяин засуетился, выставил на стол варёную картошку, тонко нарезанное сало, домашнюю колбасу, бутыль мутноватого самогона, хлеб, чашку малины. По деревенским меркам просто царский стол. Илья сытно поел, отведав всего, а кольцо колбасы съел полностью. Хозяин присесть за стол с гостем не решился, стоял рядом, подобострастно взирая. Когда Илья встал, хозяин попросил.

– Вы уж, господин немец, властям своим передайте, в нашей вёске все

поголовно против советской власти и немецким порядкам будем рады.

– Данке, – бросил одно из немногих немецких слов, которые знал, Илья.

Ткнул пальцем в грудь хозяина.

– Фамилия?

– Матусевич.

– Я передам оккупационным властям. За помощь немецкому солдату тебя назначат старостой.

– Слушаюсь! – вытянулся во фрунт хозяин.

Илья покинул деревню. Ну, дела, да тут гнездо немецких пособников. Надо запомнить, может пригодиться впоследствии. Шёл пока бесцельно, получалось – на восток. Километра через три вышел к перекрёстку грунтовых дорог. Разбитые машины, трупы военнослужащих Красной армии. Похоже, поработала немецкая авиация – воронки от бомб, борта автомашин в пулемётных строчках, в основном сверху попадания, по кабинам, капотам. Семь машин, около полусотни трупов. Кто уцелел – ушли. Зрелище гнетущее, не для слабонервных. Мухи тучами кружатся, запах ужасающий. Да Илья не из брезгливых. Все машины осмотрел, все сидоры вытряс. Добычу – четыре гранаты Ф-1, фляжку с водкой в пустой сидор сложил. А ещё пилотку новую в кабине нашёл, с красной звездой. Её надел на голову сразу, а кепи без сожаления оставил. Не пригодится оно ему, война ещё долго длиться будет.

Похоронить бы погибших по-христиански, да невозможно. Чтобы всех упокоить, надо не братскую могилу рыть, а целый котлован. Одному работы не на один день. Отошёл немного, пилотку с головы сдёрнул, обернулся к разбитой машине, поклонился, отдавая дань памяти.

Километра через три перекрёсток грунтовых дорог. Присел на обочине, карту трофейную развернул, чтобы сориентироваться, да не успел. Слева раздался треск мотоциклетных моторов. Быстро планшет с картой застегнул, расставил ножки у пулемёта, взвёл затвор. От мотоциклистов убегать бессмысленно. Выставил прицел на сто метров. Из-за пологого поворота показались мотоциклы с колясками. Один, два ...шесть. На каждом по два солдата в клеёнчатых плащах, на головах угловатые каски, мотоочки. Немцы! У наших тоже были мотоциклисты – для связи, даже целые мотоциклетные полки. Но у немцев насыщенность моторами и рациями была велика. Если в РККА полковая и дивизионная артиллерия была почти вся на конной тяге, то у немцев пушки таскали тягачи, колёсные и гусеничные. Рации – на каждом танке, бронемашине, самолёте, на значительном числе мотоциклов, используемых для разведки. В

пехотных частях обязательно присутствовал авианаводчик с рацией. Стоило танкистам или пехоте столкнуться с очагом сопротивления, немедленно вызывались бомбардировщики, чаще всего «Юнкерсы-87». Пикировщики бомбили точно, наводились авианаводчиком. После бомбёжки немцы продвигались дальше. Без поддержки танков или самоходной артиллерии пехота немецкая в атаки не ходила, генералы берегли солдат.

Илья подпустил немцев поближе. Сам лежал в придорожном кювете, фактически немцами не замеченный. Поймав первого мотоциклиста на мушку, открыл огонь. Мотоцикл вильнул, съехал в сторону, ударился о дерево, перевернулся и загорелся. Видимо, бензин потёк из бензобака и попал на раскалённую выхлопную трубу. И немцы со второго мотоцикла погибли сразу. Третий мотоцикл затормозил, пулемётчик в коляске к пулемёту приник, да Илья опередил. Пули легко дырявили тонкое железо коляски, пулемётчик погиб первым, водитель вскочил и получил свою порцию свинца. Зато экипажи других мотоциклов среагировали быстро. Загнали мотоциклы в лес, рассыпавшись короткой цепью, стали приближаться к Илье. Не стреляли, но перекрикивались между собой. Как жаль, что он не знал немецкого языка, сейчас бы знания пригодились, но, увы. Один немец неосторожно показался из-за сосны, и Илья его срезал короткой очередью. Как он понял, немцы хотели обойти его с двух сторон, и пока одна часть отвлекала бы его на себя, другие подобрались с тыла. Илья оставил пулемёт, чтобы видели – на месте он. А сам быстро пополз по кювету. Метров через двадцать выглянул осторожно. Двое немцев подбираются к покинутой позиции, Илья вырвал чеку гранаты, метнул лимонку, сам упал на дно кювета. Ф-1 – оружие сильное, оборонительного действия. Из всех гранат самая сильная и причём не самая большая. Хлопок, осколки ударили по деревьям, сбивая листву. Истошно закричали немцы. Илья выглянул. Один немец недвижим, второй лежит, держится за ногу, просит помощи. О! Чеченский вариант. Их снайперы специально ранили наших солдат, хотя могли убить. А когда к раненому подбирались другие солдаты на помощь, отстреливали их.

Илья стянул с плеча автомат. Лежал тихо, выжидал. На помощь раненому побежал, прижимаясь и петляя, его товарищ. Вытащив из кармана перевязочный пакет, стал оказывать помощь. Пять минут тишины. Решился второй немец, перебежал дорогу, приблизился к раненому. Пострадавшего надо выносить вдвоём, сам идти не сможет. Илье все трое хорошо видны. Прицелился, дал короткую очередь, потом ещё. Броском стремительным перебежал дорогу, свалился в кювет. Вслед прозвучала

очередь из автомата, взбив фонтанчики пыли. Но уже мимо, Илья в безопасности. По его подсчётам, немцев осталось двое. Попытаются с ним разделаться? Вероятно, но сомнительно. Немцы любят превосходство значительное в силах, подавляющее. Стало быть – они вернутся к мотоциклам. Если есть рация, вызовут подкрепление. А ежели нет, уедут и вернутся с помощью. Вот этого допустить нельзя. Это разведчики. Илья сделал крюк по лесу, стараясь не упускать из вида место, где немцы оставили мотоциклы. Сам передвигался бесшумно, как учили в училище, а позже натаскивали на практике в отряде. Ни одна веточка не шелохнулась, ни один сучок под ногами не треснул предательски. Уже мотоциклы отчётливо видны. Залёг, выжидал. Немцы не знали, где он, вели себя осторожно. Но к мотоциклам вышли. И куда им деваться? Пешком ноги бить не привыкли. Да и смелые поначалу были, в леса совались. Это позднее их окруженцы и партизаны отучили. В начале войны немцы рассчитывали на силу, передвигались по ночам, нередко без защиты танков. В сорок втором уже изменили тактику – только днём, большими колоннами, с обязательным прикрытием танками или бронетранспортёрами. Нашей авиации не боялись, потому как господствовали в воздухе. За несколько дней Илья видел и бомбардировщики и истребители немецкие, а наших самолётов ни одного. Обидно было.

Озираясь, держа оружие на изготовку, к мотоциклам приблизились два солдата. Грамотно шли, между ними дистанция метров пять, одной очередью не снять. Илья дал очередь по первому, тот ближе всего был. Второй успел среагировать, сам дал очередь из автомата. Пули сбили кору с дерева, а одна угодила в автомат. Илья его отбросил, перекатился за ствол сосны. Немец кричит.

– Русиш! Сдавайся!

Ага, хрена тебе лысого! Илья выхватил из кобуры «Грача». В училище, да и потом в отряде, патронов для тренировок не жалели. Это одно из условий выживания при боестолкновении. Из пистолета он попадал в пятирублёвую монету на десяти метрах. Конечно, были в отряде спецы более меткие. Сам видел два случая. Один из офицеров подбросил пустую консервную банку, второй выхватил пистолет и стрелял в неё, не давая упасть. Банка кувyrкалась, подскакивая от удара пуль, пока не кончились патроны в магазине. У тех, кто видел, челюсти отвисли. А второй раз повесили на мишенный щит надутый воздушный шарик. Один из офицеров отошёл метров на сто пятьдесят и первым же выстрелом попал. Для пистолета дистанция запредельная. Не каждый стрелок из карабина или

автомата попадёт. Так что было у кого поучиться. Вот и теперь, передёрнув тихо затвор, чтобы не клацнул, выкатился из-за сосны и сразу три выстрела. Немец, укрывавшийся за одним из мотоциклов, вскрикнул и упал. Прикидывается или ранен? Живой он Илье не нужен. Допрашивать нет возможности из-за незнания языка. Да если бы и смог, как и куда передать данные, полученные от немца? Лёг, под мотоциклом увидел тело, всадил в него две пули. Подобрался ближе, выглянул из-за мотоциклетной коляски. Готов фриц, из-под него кровь течёт, явно крупный сосуд задет. Подошёл, толкнул ногой, голова безжизненно мотается. Ногой автомат оттолкнул. На плечах у убитого серые погоны с окантовкой и одна четырёхугольная звезда. Явно не рядовой. Но в училище звания немецкой армии времён Второй мировой войны не изучали, иначе бы знал – фельдфебель пехоты перед ним, вроде старшины на наши звания. Облокотился Илья на коляску. Одолел он разведывательный дозор, хотя непросто получилось. От немчуры едва пулю не схлопотал прямо в живот, кабы не автомат. Почувствовал, что возбуждён, во рту слегка пересохло. Пару минут перевёл дух, затем мотоциклы досматривать начал. Ого! Да в багажниках колясок чего только нет! И коробки с пулемётными лентами и консервы – мясные и рыбные, ром и коньяк, а ещё галеты и шоколад. Есть хотелось. У одного из немцев снял с пояса нож в ножнах, повесил на свой ремень. Нож – он всегда пригодится – банку консервов вскрыть, часового по-тихому снять. Вскрыл банку ножом, оказалось – ветчина. С галетами, поддевая куски ветчины ножом, съел с большим аппетитом. Запить бы чем-то, галеты пресные и сухие. А воды нет. Откупорил пробку с коньячной бутылки, сделал три крупных глотка. О, хорош коньяк. И вкус, и запах великолепные. Начал наклейку изучать. Ба! Коньяк-то французский. Видимо, немцы убитые во Франции успели побывать. А может – трофеи с коньячных заводов. Спиртное по жилам пробежало, взбодрился. Выпить больше нельзя, опьянеет, и бросить такое добро жалко. В одной из колясок ранец обнаружил из телячьей кожи, клапан отстегнул, вытряхнул из него всё. Сложил найденную провизию и бутылку коньяка. Выдернул у одного из убитых брючной ремень, связал им две полные пулемётные коробки. Если перебросить через плечо, вполне нести можно. И что, что тяжело, больше таскал. В пулемёте, из которого стрелял, третья часть ленты осталась. Заменял на новую, патронов много не бывает. Под одним из мотоциклов кожаную сумку заметил. Труп немца перевернул, ремешок сумки снял, открыл. Да здесь карта. И получше, чем у него, карандашом отметки. Для разведчика более драгоценной добычи не бывает. Стрелки, обозначающие удары, – клинья немцев, номера дивизий, корпусов. Едва не

застонал от досады. Эти бы сведения нашим передать. Но радики нет, а и была бы, толку что? Он не знает частот наших радиоцентров, у него нет позывного, да и координаты все в немецкой масштабной сетке. Кто ему поверит, если была бы связь? Примут за подставу, фальшивку, пошлют по-русски подальше.

Взгляд упал на мотоциклы. Велик был соблазн не пешком идти, а ехать. Но мысль отбросил, по нескольким причинам. Первая – за треском мотора опасности не услышит, а вторая – куда ехать? К своим? Из документов у него красноармейская книжка дезертира, что дед отдал. Ну, прибьётся к своим, поскольку сплошной линии фронта нет. А после первой же проверки военной контрразведки или частей по охране тыла засыплется на допросе. Командира части или батальона не знает, где дислоцированы были – не знает, где бой приняли – не знает. Кто разбираться будет? Шлёпнут, как немецкого разведчика или дезертира. Такой участи не хотел. Есть возможность воевать в тылу у немцев? Есть!

Илья надел лямки ранца, на одно плечо перекинул коробки с пулемётными лентами, на другое – пулемёт. А ещё на шее ремень автомата, что поперёк груди висит. Попрыгал. Железо погромыхивало, но не сильно. А никакой возможности стук устранить нет. От перемены положения оружия ничего не изменится. Посмотрел с сожалением на мотоциклы. Харчей много остаётся. А ещё технику бы сжечь, да дым далеко виден будет, только себя обозначит.

По карте направление он определил, двинулся по дороге на северо-восток. Видел – там большие лесные массивы есть, укрыться можно. Дорога вскоре к деревне вывела. Присматривался – противника не видно. Всё же обошёл деревню лесом и не прогадал. Не успел ещё миновать, как по дороге к деревне два грузовика с солдатами подъехали. Грузовики здоровенные, солдат много, навскидку – два взвода. Ему бой вести не по зубам. А жертву себе надо выбирать по силам, не то подавишься. Так и продолжил путь до вечера. Остановку сделал в лесу. Ещё банку консервов съел, на этот раз рыбных. Вкусно! Коньяка глотнул. Показалось – ноги не так гудят. Ноги на дерево задрал, так быстрее отдохнут. А потом обустроил себе лёжку под деревом. Как стемнело, уснул. Спал чутко, часового нет, а взять человека спящего – проще простого. С первыми лучами солнца проснулся, поел. Начала мучить жажда. Быстро собрался и в путь. Вскоре ручей попался, напился вдоволь. Жаль – вода тиной отдаёт, видно, ручей брал начало в болоте.

Глава 2

«Золотой обоз»

Пока шёл, обдумывал своё нелёгкое положение. Настоящий изгой. К своим, в действующую армию, нельзя. Не этого времени человек. Самого учили допрашивать, а в боевых условиях можно допрашивать с пристрастием, товарищ Сталин разрешил. Он же серьёзного допроса не выдержит, а специалисты в органах были. Про сотрудничество с немцами думать грешно, он патриот своей страны. Хотя слово это испачкали, замарали либералы всех мастей. К партизанам податься? Так нет их ещё, с начала войны несколько дней прошло, не успели организовать. А одному плохо. Ни базы снабжения нет, ни казармы, даже землянки, где от непогоды можно укрыться. Благо погода по-летнему тёплая и дождей нет. А пойдут ливни, вымокнет, а обсушиться негде. Не хватало только простуду поймать. Аптек нет, как и больниц. Кроме того – остановись он на ночёвку в каком-нибудь доме, не исключал предательства. Немцы в деревнях объявления вешали – за укрывательство командиров и красноармейцев смертная казнь, а кто выдаст, тому награда. Сложная ситуация. По размышлении понял – ему недалеко от немецких маршевых частей и гарнизонов держаться надо. Немцы – они и цель для уничтожения, и база снабжения провизией и боеприпасами. А лес, куда он изначально стремился, где укрыться надёжно можно, лишь временная лёжка, дух перевести.

Сзади послышался далёкий шум моторов. Немцы? Илья выбрал удобное место для засады. Обочь лесной дороги было поваленное дерево. То ли ураган выворотил дерево с корнем, то ли по старости само упало. А только там, где корни были, осталась яма, практически готовый окоп. Спрыгнул туда, пулемёт установил, выложил сбоку пару «лимонок». Попробуй выковырять его из этой позиции. И отступить всегда можно, ствол лежащего дерева прикрывает путь отхода со стороны дороги. Шум моторов всё слышнее. Автомобиль явно не один. Вот показался грузовик, за ним ещё один и ещё. А грузовики-то наши, советские, «ЗИС-5», трёхтонки. Моторы ревут насадно, скорость невелика, километров тридцать, хотя дорога позволяет ехать быстрее. Приблизились. Вроде и груза не видно, а осели кузова на рессорах. В передней кабине двое, на правом крыле ещё один, в тёмно-синей форме. У первого в небольшой колонне грузовика пар повалил из-под капота. Не доехав полусотни метров

до Ильи, грузовик встал, мотор заглох. Вынужденно остановились и другие машины. Объехать невозможно, деревья не дадут. Из кабины выбрались водитель в армейской форме и человек в штатском, в очках на носу. Наши, точно не немцы. И по одежде, и по разговору. Обрывки фраз долетали до Ильи, особенно когда человек в тёмно-синей форме стал ругать водителя.

– Второй раз из-за тебя останавливаемся!

А далее текст вовсе не печатный. Немцы так виртуозно материться не умеют. Илья решил выйти из укрытия, если его обнаружат, хуже будет, решат – сделал засаду. Он сначала подумал – в грузовиках вывозят ценное оборудование или документы. Всё же скорее оборудование, уж больно тяжело нагружены машины. Для начала покашлял демонстративно, потом крикнул.

– Кто такие?

У машин сразу суета, люди сразу за машины попрятались, крик оттуда.

– А сам кто такой? Выходи с поднятыми руками!

– Руки ни перед кем поднимать не буду, один человек сюда, на переговоры.

– У нас оружие! Приказываем!

– А у меня пулемёт.

Пулемёт, это серьёзно. Одной ленты с избытком хватит, чтобы машины в металлолом превратить, а сопровождающих в «груз двести». У машин угрозу осознали. От колонны отделился человек в тёмно-синей форме, зашагал в сторону Ильи.

– Стой! – скомандовал Илья, когда незнакомец приблизился.

Человек встал. На ремне револьвер в кобуре, но человек пулемёт увидел, реальную опасность оценил. Илья поднялся, ловко выпрыгнул из ямы, пошёл навстречу.

– Старшина Новогрудского райотдела милиции Остапчук! – вскинул руку в фуражке милиционер.

Илья сообразил быстро. Свои современные документы предъявлять нельзя. Из нагрудного кармана вытащил красноармейскую книжку дезертира, протянул старшине. Милиция всегда больше верит документам, чем словам. Остапчук книжку взял, прочитал. Фотографии в документах не было, и сличить фото с лицом невозможно. Старшина книжку вернул с видимой неохотой.

– Ты один, сержант?

– Один. Группа была, да пока отходили, на немцев наткнулись, бой был.

– Так это у тебя трофеи? – показал рукой на пулемёт милиционер.

– Трофеи, взятые с боем, – кивнул Илья.
– Не подскажешь, где мы?
– Едете, а не знаете куда? – удивился Илья. – По моим прикидкам, до Лепеля десяток километров.

– А наши где, ну – линия фронта?
– Нет линии, немцы клиньями наступают.
– Плохо, – огорчился милиционер. – У тебя пожевать ничего не найдётся?

– Вояки! Вы откуда добираетесь? Даже харчей взять не успели, драпали.

Старшина сверкнул глазами зло, но не ответил на обидные слова. Илья к яме подошёл, прыгнул, поставил на край ранец.

– Забирай. Подхарчиться хватит. С тобой сколько человек?

Троих с передней машины он точно видел, в двух других тоже двое-трое человек. Итого – почти десяток. Каждому по банке консервов достанется. Старшина на вопрос не ответил, ранец подхватил, к грузовикам пошёл. Не слышал? Или специально отвечать не хочет, секретность блюдёт. А какая, к чёрту, секретность, если они в немецком тылу? И в любой момент на них наскочить может мотоциклетная разведка или маршевая рота на грузовиках? По широким, мощёным дорогам, вроде Брест – Минск – Смоленск – Москва, техника немецкая идёт сплошным потоком. По мере продвижения наши войска пытаются если не остановить их, то задержать. То заслон поставят жидкий, взвод пехоты и пушку – сорокапятку, то бомбардировщики для бомбёжки пошлют. Некоторые немецкие подразделения, выполняя приказ, шли просёлочными дорогами. Илья сунул в карманы комбинезона гранаты, поднял пулемёт на плечо, пошёл к грузовикам. Напроситься в попутчики. Однако от первой машины выступил милиционер с трёхлинейкой.

– Стоять! К машинам не приближаться!

Илья крикнул.

– Остапчук! Можно с вами подъехать?

– Не положено, – появился из-за грузовика старшина.

– А харчи мои жрать положено? Я не из военпрода.

– Груз у нас особый, не могу! – развёл руками старшина.

– Тьфу! – сплюнул Илья.

Раз так, пешком пойдёт. Да что у них за груз такой, что секретность выше крыши? Если партийные архивы, так их лучше сжечь. Или уголовные дела? Тоже сжечь! А что ещё может сопровождать милиция? В начале войны неразбериха была, даже паника. Приказы на места шли дурные.

Начали партийные документы вывозить, нет чтобы людей и предприятия эвакуировать. Не хотят, не надо.

Развернулся и пошёл. Минут десять-пятнадцать прошагал, как сзади выстрелы раздались. Сначала винтовочные, одиночные, затем автоматная очередь и пулемётная стрельба. На грузовиках пулемёта не было. Немцы? Бросить своих в беде не в его правилах. Побежал назад, стрельба всё отчётливее. Бой уже близко, как бы не нарваться на случайную пулю. Забежал в лес и, лавируя между деревьями – к месту остановки грузовиков. Худшие опасения подтвердились. Недалеко от грузовиков три мотоцикла с колясками. Немцы! Отслеживали колонну или случайно вышли? Впрочем, Илье без разницы. Положение у него удобное, в тыл мотоциклистам вышел. Один в коляске сидит, ведёт огонь из пулемёта, другие с мотоциклов спешили, подбираются к грузовикам, постреливают из автоматов. Самый опасный сейчас – пулемётчик. Илья прижался левым боком к дереву, для устойчивости, очередь в спину пулемётчику дал. Тут же огонь перенёс на других. Двух успел точно срезать. Ещё трое сразу на землю попадали. Теперь получалось, сами в кольце. Впереди грузовики с вооружённой охраной, сзади пулемёт, явно не дружественный. Илья длинную очередь дал туда, где немцы скрылись в густой траве. Укрываясь за мотоциклами, подобрался поближе, сорвал чеку с лимонки, бросил. Ахнул взрыв. В ответ ни выстрела. Оставив пулемёт, с автоматом направился в сторону немцев. Бросок гранаты оказался точным. Двое убито, один ранен. Илья добил его, с врагом миндальничать нечего. Тем более ни в плен его не возьмёшь, ни в госпиталь не сдашь.

Со стороны автоколонны ударил выстрел, пуля ударила в ствол дерева, недалеко. Илья пригнулся, побежал к грузовикам. Встав за дерево, крикнул.

– Остапчук! Не стреляйте, я сержант Сафронов. Убиты немцы, можете не опасаться.

Несколько секунд тишины, потом голос.

– Убили старшину. А не ты ли мотоциклистов навёл?

– Ты не дурак ли? Навёл, а потом сам расстрелял?

У грузовика тихий разговор, совещаются.

– Выходи, стрелять не будем.

Илья автомат на плечо повесил, вышел. За грузовиками убитые лежат, в форме, два человека. Ещё один, в армейской зелёной форме сидит, прислонившись к колесу автомашины. Один из водителей ему перевязку делает прямо поверх обмундирования. Ранение в живот и кровопотеря сильная. Как ни прискорбно, но Илья знал – не жилец водитель. Если бы рядом больница была, можно было спасти. Ранения в живот всегда тяжёлые

и смерть мучительная. Боеспособных осталось в колонне три человека. Два водителя и штатский в очках. Илья грузовики обошёл. На одном колесо пробито, на досках кузова пробоины от пуль. Если колесо поменять на запасное, вполне ехать можно. Ухватился за борт, встал на колесо, приподнялся, заглянул в кузов. Груз брезентом затянут от любопытных глаз. Откинул угол брезента – зелёные ящики плотно, в три ряда по высоте уложены, похожи на снарядные. Но боеприпасы милиционеры не сопровождали бы.

– Кто старший в колонне? – подошёл к водителям Илья.

– В кабине сидит, в очках.

Илья к грузовику подошёл, дверцу кабины открыл.

– Вы старший?

– Я.

– Куда направляетесь?

– Не могу сказать, государственная тайна.

– Да мне всё едино, помочь хотел.

Илья спрыгнул с подножки. Разбирайтесь сами. Доразбирались уже, досекретничались, двое убитых тому подтверждение. А взяли бы Илью, такого бы не случилось. Очкарик осознал, что с двумя водителями три грузовика не уедут, выпрыгнул из кабины.

– Товарищ, не знаю, как вас величать.

– Сержант Сафронов.

– Вы водить умеете?

– Могу.

– Тогда попрошу вас помочь. Нам надо выбраться к своим.

– Да бросили бы вы свои архивы или сожгли, выбирались сами.

– Не бумаги это, ценности банковские, – вырвалось у очкарика.

Илья вернулся к грузовикам.

– Вот что, бойцы. Грузите убитых и раненого в кузов. Я сейчас за пулемётом схожу и вернусь. Да, колесо поменяйте.

Бойцы переглянулись. Илья вообще человек незнакомый, а командует. Да кто он такой? Но подчинились, выбора не было. Илья обшарил коляски мотоциклов, забрал всё съестное. Набил два полных ранца, отнёс в кабину грузовика. Вернулся за пулемётами, прихватил из мотоциклов коробки с патронами. Когда вернулся, водители уже заменили колесо на запасное, закручивали футорки, потом опустили домкрат.

– Всё, можно ехать.

Илья спросил у штатского.

– Как вас звать?

- Павел Филиппович.
- Запомню. Конечная цель какая? Город или банк?
- Всё равно, главное – попасть к нашим и сдать груз в любой банк.

Мне расписка нужна, что ценности сдал.

Человека понять можно. Пропадёт груз, банковского сотрудника искать будут хоть до окончания войны. Что бумажные деньги? Тлен. Сгнить, сгореть могут, да типографии госбанка их напечатают. А золото, серебро, драгоценные камни – действительно ценности. За поставленные США по ленд-лизу оружие, самолёты, тушёнку, танки, СССР расплачивался золотом. Последние слитки золота из потопленного английского крейсера «Эдинбург» доставали уже в бытность Ильи, он помнил телерепортажи об этом событии.

Илья уселся в кабину, развернул немецкую карту. Где-то недалеко Лепель, районный центр. Чей он? Под немцами уже или обороняют его наши? Хотя бы радио послушать. С началом боевых действий, уже на третий день, президент США Ф.Д. Рузвельт заявил, что его страна окажет помощь СССР поставками техники и необходимых материалов, в этот же день, 24 июня, в Москве образовалось решением Ставки Совинформбюро, которое всю войну передавало сведения о боевых действиях на фронтах. Однако слушать сводки можно было только по проводному радио. С началом войны населению приказали сдать в органы милиции оружие и радиоприёмники.

В допотопном грузовике всё непривычно. Стартёр запускался круглой педалью на полу. Коробка передач требует навыка, поскольку синхронизаторов не имеет. Но тронулся. Мотор тянул хорошо, грузовик тяжело переваливался на неровностях. Илья в зеркало поглядывал за двумя грузовиками сзади. Добрались до узкого деревянного моста через реку. Илья, памятуя о том, что была остановка из-за перегрева мотора, остановил машину. На горловине бензобака висело резиновое ведро, сделанное из старой камеры. Сбегал к реке, долил воды в радиатор. Бегать пришлось дважды, видимо, – была где-то в системе охлаждения небольшая утечка. Медленно переехал через мост, переживал – выдержит ли? Наверняка не был рассчитан на изрядную нагрузку. Обошлось, все три грузовика перебрались. Через полчаса тихого хода впереди показалась деревня. Илья грузовик остановил.

– Пойду, гляну, нет ли немцев, – предупредил он Павла Филипповича. А то как бы не влипнуть.

Прихватил только автомат, пулемёт тяжёл.

Деревня на открытом месте, лес в сотне метров, а с других сторон поле

с несжатой пшеницей. Понаблюдав немного, опасности не увидел. Решил в деревню зайти. Размеренным шагом до крайнего дома добрался. На лавке у дома дед сидит с малолетней внучкой.

– День добрый, – поздоровался Илья.

– И тебе здоровья, – отозвался дед.

Внучка, девочка лет шести, смотрела на незнакомца с интересом.

– Немцы в деревне есть? – спросил Илья.

– Ещё не видели, – вздохнул дед.

– До Лепеля далеко?

– Километров пятнадцать.

– А как деревня называется?

– Затеклясье.

– Спасибо.

Название у деревни заковыристое. Но главное – узнал. Сейчас на карте сориентируется. Отправился назад, к грузовикам. Половину пути одолел, как услышал звук моторов. Причём в небе. Остановился, голову поднял. Десяток «Юнкерсов-87» на восток летят, их сопровождает пара истребителей. Илья проводил их ненавидящим взглядом. Наши войска полетели бомбить. Один из «мессеров» отделился от остальных самолётов, описал полукруг на снижение, стал пикировать на грузовики.

– Воздух! – закричал Илья. – Все из машин!

Да разве услышат его на таком расстоянии? И ещё за рёвом мотора. «Мессер» снизился, открыл огонь из пулемёта, бросил бомбу и сразу вверх свечой ушёл. Вот гад! И не лень ему было! Бомба, одна-единственная, угодила точнёхонько в первый грузовик. Илья побежал к машинам, поглядывая на небо. Истребитель атак не повторял.

Грузовик разворотило на фрагменты, только рама искорёженная осталась и одно заднее колесо. А вокруг – осыпь из монет, как будто пеплом посыпано. Илья поднял одну монету. Серебро, пятьдесят копеек, 1924 года чеканки. Так вот что в ящиках было. Драгоценный запас, а не бумаги. Светлая память Павлу Филипповичу! Илья пилотку с головы стянул. Собирать монеты? Смешно. Здесь не одна тонна. Да и соберёшь, куда складывать? Крикнул.

– Бойцы! Живы?

Из леса вышли сконфуженные водители. Когда «мессер» пикировать стал и из пулемёта стрелять, инстинкт самосохранения сработал, кинулись из машины за деревья. Осмотрели грузовики. У второго в колонне лобовое стекло пулей пробито, как раз напротив сиденья водителя. Был бы в кабине – убило. Ни пулемёта нет, ни харчей. А подкрепиться бы не помешало. Но

главное – сам жив.

– Бензин есть?

– Километров на сто осталось. И канистра запасная в кузове, – ответил Прохор, водитель второго грузовика.

Впрочем, уже первого. Потому что от первого ничего не осталось.

– Тогда едем.

Илья в кабину уселся, на пассажирское сиденье. Ни Илья, ни водители не знали, что этим днём третья танковая группа Гота ворвалась в Минск с северо-запада, а вторая танковая группа Гудериана вошла в столицу Белоруссии с юга. Десятая армия Западного фронта РККА оставила Белосток и отходила с боями к Волковыску и Зельве. Немецкая 9-я армия, наступающая на Гродно, севернее Слонима соединилась с 11-й армией Ключе, двигавшейся от Бреста, и отрезала пути отхода 3-й и 10-й армиям РККА.

Двум автоколоннам с банковскими ценностями чудом удалось не угодить в котёл. События развивались стремительно. Уже двадцать девятого июня Гудериан продолжил наступление на Бобруйск. Группа немецких армий «Центр» сжимала кольцо, методично уничтожая части Красной армии, попавшей в окружение западнее Минска. Часть окружённых прорвала немецкие позиции и вышла к Ново-Борисову. За упущения по обороне 30 июня был арестован и вскоре расстрелян командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов.

Панику в населённых пунктах, среди военнослужащих, вносили действия полка «Бранденбург-800». Состоял он из диверсантов, свободно говорящих по-русски, как на родном, и одетых в форму бойцов и командиров Красной армии. Они резали проводную связь, убивали наших командиров, при встрече с красноармейцами кричали.

– Окружают! Танки!

Танков боялись, поскольку действенных способов вывести их из строя не было. Пушек, как и снарядов, остро не хватало – разбомблены были в большинстве своём в артиллерийских парках в первые дни войны. Противотанковые ружья ПТРД и ПТРС начали поступать в войска только осенью. И «коктейли Молотова», горючую смесь в бутылках, начали производить лишь в июле. Из-за безысходности делали связки гранат, усиливая мощь, бросали под гусеницы. Броню обычные гранаты не пробивали, но попробуй ещё добросить связку гранат под траки, когда танкисты всё пространство перед собой густо накрывали пулемётным огнём.

Илью здорово выручала трофейная карта, по ней он прокладывал

маршрут. Одна беда – Лепель значился у обреза карты. По мере продвижения немцев на восток карты заменялись на другие, с более глубинными районами Советского Союза.

Илья подумал – придётся из-за карты рисковать, убить ещё кого-нибудь из офицерского или младшего командного состава, у рядовых карт не бывает, если только у разведчиков.

К исходу дня впереди показался город. Илья приказал водителю остановить машину. Следом остановился другой грузовик.

– Бойцы, взять оружие, охранять груз.

Водители взяли трёхлинейки, встали у машин. М-да, если наскочит противник, покрошат из пулемётов или автоматов вмиг. Автоматы, тот же ППД, был в войсках редкостью. Армейские генералы считали пистолеты-пулемёты оружием полицейским, смотрели презрительно, выпуск их был крайне мал. После финской войны отношение к оружию изменилось. Финны вооружали лыжные отряды автоматами «Суоми», проникали в наши ближние тылы, и потери от автоматного огня противника наши войска несли большие. Спихватились, а только оборудование быстро на выпуск автоматов не перестроишь, а требовались миллионы экземпляров и десятки, а то и сотни миллионов патронов к ним. А ещё один урок преподали «кукушки», как называли финских снайперов. Урок пошёл впрок, на заводах стали выбирать винтовки с кучным боем, оснащали их снайперскими прицелами. Опять узкое место – выпуск прицелов невозможно быстро нарастить, нет оборудования и специалистов.

Во многом из-за того, что в военном руководстве принимали решения такие, как маршал Будённый, бывший фельдфебель царской армии, не имевший военного образования, зато коммунист с классовым чутьём. Не понимали такие руководители роли танков, перспективного вооружения, полагали – конница будет царствовать на полях сражений.

Илья уже в сумерках приблизился к городу, полежал, понаблюдал. Со станции отправлялись в тыл эшелоны с эвакуируемыми людьми, станками предприятий. По улицам проезжали отечественные машины – «Эмки», полуторки, «ЗИСы». Значит, не занят ещё город. Вернувшись к грузовикам, сказал:

– Бойцы, немцев в городе нет. Можно ехать. Можно попробовать сейчас, а лучше утром. В темноте могут принять за противника, обстреляют.

Рисковать ценным грузом не захотели, решили ждать до утра. Обе машины с дороги загнали под деревья, на опушку. Спать устроились водители в кабинах, Илья в кузове, на ящиках, под брезентом. Жестковато,

но не привыкать. Спал чутко, фактически дремал. Под утро рёв мотора. Илья вскочил, водители тоже выбрались из кабин. По звуку – танк, уж больно рёв мотора утробный, мощный, потом уже слышно стало лязганье гусениц. Сразу вопрос – наш или немецкий? Танк прогремывал мимо грузовиков, метров через сто остановился.

– Бойцы, вы на охране. Я взгляну.

Илья, держа наготове автомат, побежал к танку. Мотор стальной крепости работал на холостых оборотах, Илья повёл носом – соляркой воняет. У немцев техники на тяжёлом топливе не было, уже хорошо. Но немцы могли захватить танк и ворваться в город на нём. Откинулся люк, смутно замаячила фигура танкиста. Шлем чёрный, комбинезон чёрный, да ещё темно. Видимо, танкист отдал команду по внутренней связи, мотор заглох. Тишина, только потрескивает выхлопная труба. Танкист выбрался из башни на корму, на моторное отделение. Окрик Ильи застал танкиста врасплох.

– Эй, руки вверх!

Танкист замер. Из танка да в темноте обзорность скверная. А после грохота двигателя и слух снижен, и для него окрик Ильи прозвучал как гром среди ясного неба. Танкист руки поднял.

– Да ты чего, браток? Свои мы, наши части ищем.

Из люка выглянул второй танкист.

– Старшина, что за разборки?

– Сам не пойму, вроде дозор.

– Старшина, ко мне! – приказал Илья. – Предъяви документы!

Приказывать старшине мог только вышестоящий по званию. Старшина spryгнул с брони, подошёл, достал документы. Опа! Только сейчас Илья понял – допустил оплошность. Фонарика для подсветки нет. Какой толк был требовать документы?

– Кто такие?

– Отдельный батальон тяжёлых танков. Из-за Минска отходим.

– От Минска полторы сотни километров, – заметил Илья. – Сражаться надо, на фронте танков нет, а ты в тыл.

– А чем стрелять-то? Снарядов нет, горючки нет. На честном слове сюда дотянули. Сказали, в Лепеле на нефтебазе солярка есть, а на станции вагоны со снарядами.

Илья повертел документы старшины в руках, вернул.

– Старшина, вы хоть один танк фашистский подбили?

– Три! Если бы светло было, поглядел бы на броню. Весь лоб корпуса и башни в отметинах. Не берут нашу броню их танковые пушки. Таких бы

машин побольше, остановили бы фрицев.

Танк был огромен, но разглядеть его в темноте не удавалось, а интерес был.

– Товарищ командир, – обратился к Илье танкист.

В темноте званий не видно, танкист справедливо решил, что Илья по званию выше.

– В Лепель можно следовать?

– На дороге мин нет, но в темноте могут принять за немца, подобьют.

– Сам так же думаю. Значит – ждём рассвета.

– За вами ещё два грузовика пойдут.

– Да хоть три, – хохотнул старшина.

– Как ваша фамилия, старшина?

– Иванов. На мне вся Россия держится.

Танкисты выбрались из танка. Мало того, что обмундирование чёрное, так и лица закопченные от пороховых газов. В темноте и не различишь, только блики глаз заметны. Илья вернулся к грузовикам.

– Как рассветёт, двигаемся за танком.

Бойцы духом воспрянули. Откуда им было знать, что у танка боекомплект иссяк?

Звёзды на небе стали бледнеть. Запели пичуги в кустах.

– Заводите моторы, пристраивайтесь за танком, – распорядился Илья.

Сам вскочил на подножку с пассажирской стороны. Танкисты грузовики увидели, полезли в танк. Заревел мотор, выпустив клуб сгоревшей солярки. Жуть, дышать нечем!

Танк шёл медленно, грузовик трясло. Илья с трудом удерживался, держась одной рукой за борт кузова. Танк увидели из города и слышали, Илья видел, как засуетились на окраине. Да потом разглядели очертания. Тем более за танком «ЗИСы» идут. До города двести метров, пора. Илья спрыгнул с подножки, едва устоял на ногах, пилотка слетела с головы. Искать её в зарослях полыни не стал. Мимо проехал второй грузовик, водитель посмотрел на Илью удивлённо. Однако Илья знак остановиться не дал, и машина проехала. Илья постоял, посмотрел, как танк, а за ним грузовики, въехали в Лепель. Всё, свою задачу он выполнил. Водители сами найдут банк или городское руководство, пусть те сами решают, что делать с ценностями.

Илья зашагал по дороге назад. Хотелось есть, а ещё бы побриться, щетина за несколько дней выросла изрядная.

Решил зайти в какую-нибудь деревню по пути. Посмотрел по карте – есть такая, немного в стороне. На перекрёстке свернул. Деревня в десятке

домов показалась, остановился на опушке понаблюдать. Постоял с десяток минут, немцев не видно. Только хотел двинуться к домам, сзади голос.

– Автомат брось!

Твою мать! Как чужак подобрался неслышно? А ещё Илья себя спецом считал! Автомат с плеча сбросил.

– А теперь пистолет!

Кобура на боку висит, человеку сзади видна. Придётся подчиниться.

– Только медленно, а то башку продырявлю!

Илья клапан кобуры расстегнул, пистолет вытащил, на землю бросил.

– Ногой пушку откинь!

И это приказание выполнил. Мужчина говорит по-русски. Илья бы мог выстрелить, когда «Грач» доставал. Но вдруг сзади свой, окруженец?

– Повернись!

Илья медленно повернулся. Перед ним мужчина в ватнике, обросший, по виду – уголовник, блатной. Кисти рук в наколках, во рту железные фиксы на обеих челюстях, взгляд злобный. В руке револьвер держит, штатное оружие младших командиров в армии.

– Что-то ты какой-то мутный, не пойму. Вроде форма на тебе непонятная, знаков различия нет, а по-русски понимаешь.

Незнакомец палец на спусковом крючке держит, курок взведён, потому сейчас надо время тянуть, выбрать удобный момент. Наверное, блатной сбежал из тюрьмы или с этапа. В начале войны особо опасных эков расстреливали, других по возможности вывозили в наш тыл вагонами. Поезда подвергались бомбардировке, поэтому возможность сбежать была.

– Ксива есть?

Илья полез в нагрудный карман, достал красноармейскую книжку, бросил её блатному. Когда уголовник пытался документ поймать, отвлёкся на секунду от Ильи. Вот он, момент! Илья мгновенно выхватил нож, без замаха, снизу, от бедра, кинул. Мощно, с закруткой, как учили. Урка среагировать не успел, дистанция невелика. Недоумённо посмотрел на нож в груди и рухнул навзничь. Илья кинулся к нему. Раненый враг опасен, как зверь на издыхании, может нанести смертельный удар. Илья забрал револьвер из руки блатного, откинул дверцу барабана, прокрутил. Всего два патрона. Выкинуть оружие жалко и носить семьсот грамм железа из-за двух патронов накладно.

К оружию Илья относился серьёзно, с уважением. После стрельбы всегда чистил, смазывал, лелеял. Для его специальности оружие необходимый инструмент, как для монтажника дрель или для дворника метла. Только если дворник метлу ломает, заменяют. А для Ильи или его

сослуживцев, если оружие осечку дало или перекося патрона при подаче из магазина, почти как смертный приговор. Бой на короткой дистанции, городской, он скоротечный и времени перезарядить пистолет или автомат просто нет. И каждая секунда в большой цене. Илья вытащил нож из тела, обтёр клинок о ватник, вложил в ножны. Обыскивать уголовного было неприятно, от него дух тяжёлый шёл. Кто в тюремной камере сидел, запах имеют своеобразный, стойкий, какой несколько месяцев держится, как ни мойся. Никаких документов при убитом не оказалось, что утвердило в подозрении о побеге. Человек, освобождённый законно, всегда имеет при себе справку об освобождении, для него это замена паспорта. А у блатного во внутреннем кармане ватника Илья обнаружил пачку денег, но не в банковской упаковке и потрёпанных. Наверняка кого-то ограбил, а то и убил. Илья деньги бросил рядом с убитым. Зачем они ему? На территории, подконтрольной немцам, советские деньги будут не в ходу, введут оккупационные марки. Да и не собирался он ничего покупать, отберёт у противника силой. Двинулся к деревне. В сёлах жизнь продолжалась. Как можно не накормить птицу или не подоить корову-кормилицу? Только притихли селяне, между сёлами и деревнями движения почти никакого нет. Если идёт обоз, так с беженцами, а если разношёрстная автоколонна – наши отступающие части, коих немного Илья видел. Немцы наступали клиньями, сосредотачивали ударную силу – танки, на одном направлении, взламывали оборону и стремились идти дальше. Чресполосица возникала – то наши, то немцы. Из жителей кто мог уйти, уходили на восток. Скотину с собою гнали, а то и бросали, жизнь дороже. Особенно опасались семьи советских и партийных работников. Немцы их казнили в первую очередь, во многом из-за предателей или пособников, – выслужиться перед врагом хотели, сами новые должности получить. При любой власти, любом общественном строе всегда найдутся недовольные, обиженные. А советская власть вела себя жёстко, бесцеремонно, при раскулачивании, по идеологическим мотивам да просто из-за непролетарского происхождения, потому предателей хватало.

Илья ничуть не сожалел об убийстве уголовного. Блатной да при оружии – зло. Будет безнаказанно, пользуясь тяжёлым положением страны и временным отсутствием какой-либо власти, заниматься преступным промыслом – грабить, насиловать, убивать.

В деревне, по крайней мере в избе, куда он постучался, встретили доброжелательно. Накормили пшёнкой кашей, дали хлеба, налили кружку парного молока. Илья поел, хозяева – муж с женой, лет пятидесяти, смотрели жалостливо.

– Где же твоя часть, товарищ боец?

– Не знаю. Пока немец силён. Техники у него много, прёт. Но это временно. Остановим, перемолотим, вперёд пойдём. Так что война долгой будет и тяжёлой.

– Говорят, Минск под немцем, – неуверенно сказал хозяин.

– Под немцем, правда. А вот Москву не сдадут, точно говорю.

– Сынок, как думаешь – уходить нам?

– Если не жалко хозяйство бросить, имущество нажитое, уходите. Однако немец опередит. Вы пешком, а он на машине, на танке.

– Вот и я так думаю, – вздохнул хозяин.

– Спасибо за угощение, – поднялся Илья из-за стола.

– Полина, хлебца отрежь бойцу да сала дай, – сказал хозяин.

Тут же небольшое лукошко нашлось, туда половину каравая хлебного уложили в тряпице, кусок солёного сала, пучок зелёного лука, редиску. Хозяин, может быть, и больше бы дал, да бедно в деревнях жили. Илья и этому рад. День-два о еде думать не придётся. Из деревни, вёске по-белорусски, на запад двинулся. Можно немцев и здесь ждать, всё равно придут, да натура у него активная. Зачем ждать, когда за это время врагу урон нанести можно? Он военный, присягу давал страну защищать, пусть и ценой жизни. Значит – пришёл его черёд. В своё время страна о нём заботилась, обучила, кормила-одевала, денежное довольствие приличное платила. Теперь долг возвращать надо, желательно с лихвой. Пусть страна другая – СССР, а не Россия. Земля-то одна и люди.

Подкрепившись у добрых людей, Илья направился на запад. Там враги, там его место. Но уже километров через десять наткнулся на группу красноармейцев. Причём неожиданно. Вышел на поляну, а с другой её стороны наши бойцы, до отделения. Сборная солянка, потому что петлицы разных родов войск. У троих – пехотные, красные, у двоих – чёрные, с эмблемами связистов, а остальные из БАО, батальона аэродромного обслуживания, у них петлицы голубые. На всех одна винтовка. От неожиданной встречи замерли. Илья среагировал первым.

– Я свой, русский. Откуда идём, бойцы?

Сразу напряжение спало. На середине поляны сошлись. Старший в отделении из БАО, сержант.

– Мы из-под Сморгони выбираемся.

Бойцы на лукошко поглядывают. Илья томить не стал.

– Чем богаты, тем и рады.

Порезал ножом хлеб, сало. Каждому по бутерброду досталось. Как поели, приободрились. Сержант спросил.

- Не подскажите, где наши?
- В Лепеле, точно, сам видел. Вот по этой дороге, не сворачивая. А где немцев видели?
- У Молодечно, восточнее километров десять.
- Отдохнув, бойцы поднялись. Сержант к Илье подступился.
- Оружием, вы смотрю, богаты, не поделитесь?
- У вас же трёхлинейка есть!
- Антураж. К ней ни одного патрона.
- Илья достал из набедренного кармана револьвер, протянул сержанту.
- В нём всего два патрона, учти.
- Спасибо.
- Сержант «наган» за пояс брезентовый сунул.
- Вы не с нами?
- К Минску пойду.
- Занят он, связисты едва выбраться смогли, – предостерёг сержант.
- За совет спасибо, но мне туда.

Разошлись. Неизвестно, что сержант об Илье подумал. То ли задание специальное, то ли сдаваться идёт. С войной вся «накипь» голову подняла. Так всегда бывает в тяжёлую годину. Но Илья доволен. Бойцы, которых он встретил, не по хуторам разбежались, лихое время переждать, а к своим идут. Стало быть, присяге и долгу верны. Из таких хорошие вояки получаются.

День яркий, солнечный. Никакого компаса не надо, иди за солнцем, получится на запад. К вечеру вышел к пересечению железнодорожной ветки Полоцк – Молодечно – Минск и автомобильной дороги Борисов – Докшицы – Мядель. Залёг на опушке леса понаблюдать. Как автоколонна покажется, будет понятно кто: наши или немцы? Видел он уже немецкие грузовики – большие, тупорылые, почти все крыты брезентом для защиты груза или солдат. Несколько минут на дорогах движения не было, потом показалась колонна автомашин. Точно наши – полуторки, «ЗИСы», все нагружены. Через несколько минут вой моторов, налетели «Юнкерсы». Автоколонна встала, люди из машин бежали в стороны от дороги, укрывались в кювете, канавах, ямках. Пикировщики успели сделать один заход.

Появился наш «И-16», прозванный в войсках «Ишачком». Подловил выходящего из пикирования «Юнкерса», подобрался поближе и открыл огонь. Хвостовой стрелок пикировщика попытался отстреливаться, меткой очередью сражён был. «Юнкерс» задымил под восторженные крики людей из автоколонны. Но не вспыхнул, не рухнул, повернул на запад. Остальные

пикировщики рассыпались в стороны, спасаясь. Из-за тучи, с высоты, пикировали два «мессера». Видимо, на прикрытии были, пропустили «Ишака», теперь пытались сбить. Наш «И-16» чужих истребителей не видел. Настойчиво атаковал дымящий «Юнкерс», пытаясь добить. Все самолёты скрылись за лесом, стали не видны. Люди вернулись к машинам, автоколонна продолжила путь. Илья перебежал дорогу, углубился в лес. Для себя решил – пойдёт до сумерек, потом спать. Через час стало темнеть. Илья стал подыскивать место, и вдруг голос сверху.

– Эй!

Илья поднял голову. На дереве висел парашют, под ним на стропах лётчик.

– Помоги спуститься, боец!

Илья прикидывать стал, как лётчика спустить. Ножом срезал толстую ветку с коротким сучком, вместе с ней полез на дерево. Лезть, держа в одной руке ветку, затруднительно. Сразу выход нашёл – сучком цепляется за вышерастущую ветку, лезет сам, снова перецепляет импровизированный крюк. Забрался выше лётчика, полез к куполу парашюта, стал крюком подтягивать шёлковый купол к себе. Скользкий материал этот шёлк и прочный. Пока удалось купол поближе подтянуть, сам чуть не сорвался с дерева. Высоты Илья с детства побаивался. Затем принялся орудовать ножом, подрезая стропы. Причём не все резал, только с одной стороны. Под весом тела лётчика купол стал съезжать вбок, пилот рывком опустился ниже на добрых пять метров. С каждой минутой видимость хуже, солнце уже наполовину за горизонт ушло, освещает только верхушки деревьев. Ещё две стропы разрезаны и снова рывок пилота вниз. Трещали ветки, сыпались листья. Илья боялся одного – парашют может сорваться с веток и лётчик рухнет на землю. Пилот на уровне десяти метров над землёй – вполне достаточно, чтобы сломать ноги или повредить позвоночник. Действовал осторожно теперь. Перережет стропу, подёргает купол. Вот так, рывками по метру, а то и по половине его, удалось опустить лётчика метров до двух. Пилот сказал.

– Я подвесную систему расстегну и спрыгну, ты парашют стяни. Утром немцы с воздуха обнаружат, солдат пришлют, было уже так.

И без совета пилота Илья сделал бы так же. Когда в училище были парашютные прыжки в тыл условного противника, инструктор наставлял:

– Парашют после приземления обязательно собрать и спрятать. Замотайте в него камни, утопите в реке или болоте, укройте в яме, забросайте листвой или землёй. Для противника обнаруженный парашют – как подарок судьбы. Долго ли прочесать район приземления? Спрятали и

быстро уходите. Если случайно парашют обнаружат, поблизости вас быть не должно.

Правда, прыжков было всего три. Всё же Илья обучался не в парашютно-десантном училище. А вот с вертолѐта высаживался часто, и посадочным способом, и прыжками с малой высоты на висении вертолѐта, и на тросе, там, где посадка невозможна, например в гористой местности.

Пилот расстегнул ремни, упал на землю, завалился набок, выругался.

– Крайний полѐт неудачным выдался. В эскадрилье один самолѐт оставался, да и тот сбили.

Илья с трудом сдѣрнул купол с веток. Вдвоѐм скомкали его, бросили под дерево. Если завтра найдут по великой случайности, оба далеко от места приземления будут. Парашют опасен, когда его купол виден с высоты, как знак, своего рода сигнал.

– Давай познакомимся, – шагнул к Илье пилот. – Сержант Деев.

– Сержант Сафронов, – назвалсѧ чужим именем Илья.

У него при себе красноармейская книжка, пусть будет Сафронов. В спецслужбах секретность личных данных на уровне, вбита почти на подсознательном состоянии. А ещё для Ильи было удивительно, что пилот имеет сержантское звание, а не офицерское. Несуразицу позже исправили. А то получалось иной раз, что в бомбардировщиках, где экипаж несколько человек, командир воздушного судна – старшина, а его подчинѣнный штурман – капитан.

– Сафронов, мы где?

– Насколько я знаю, немцев здесь нет.

– Отлично! К какой-нибудь дороге или селу можешь вывести?

– Запросто, но только утром.

– Хм, в полку беспокоиться будут. По времени я уже сесть на аэродроме давно должен.

– В темноте свои могут подстрелить.

– Резонно.

Пилот улѣгся на свой разодранный парашют, Илья недалеко под сосной. Лѣтчик утром проснулся мокрый от выпавшей росы, а Илья сухой. Пилот посмотрел на Илью, укорил.

– Мог бы подсказать сухое место.

– В следующий раз под густой сосной, а лучше – елью, у неё ветви ниже и гуще, даже в дождь сухим остаѣшься.

– Ладно, не сахарный, не растаю. Веди.

Илья повѣл его назад, где пересекались автомобильная и железнодорожная ветки. Когда к полудню выбрались, лѣтчик сразу вышел

из леса. Илья дёрнул его за руку.

- Куда? Ложись, понаблюдать надо.
- Ты же говорил – свои здесь.
- Обстановка меняется быстро, тебе ли не знать, летун?
- Поторопился, прости. А ты из каких войск?
- Инженерные.

Видимо, пилот кое-что знал: посмотрел на Илью пристально, но расспрашивать не стал. Перед войной были созданы особые батальоны, фактически для диверсионно-разведывательной деятельности в тылу врага в случае войны. Для маскировки числились за инженерными войсками, петлицы носили соответствующие.

На дороге показались машины, скромная автоколонна из четырёх грузовиков. Присмотрелись – наши полуторки, как называли грузовики «ГАЗ-АА», грузоподъёмностью полторы тонны. Немцы использовали наши трофейные «ЗИС-5», ценили их за неприхотливость, хорошую проходимость по скверным дорогам. А вот полуторки немцы не жаловали. Вообще у немцев в армии была техника разных стран: грузовики, легковушки, танки – и чешские и французские, пушки – чешские, у немцев свои были хорошего качества и в достатке. Самолёты только свои, поскольку почти до конца войны превосходили и советские и английские и были вровень по ТТХ с американскими. А с выходом на поля сражений реактивных самолётов никто не мог сравниться с ними в скорости, самом главном качестве истребителя. Однако выпущено их было мало, опытных пилотов не хватало, и большой роли реактивная авиация не сыграла.

Разом поднялись, побежали к дороге, чтобы успеть. Встали прямо у проезжей части. Из кабины, с пассажирского сиденья, встала на подножку девушка в военной форме, на рукаве белая повязка с красным крестом.

- Раненые у меня, освободите дорогу.
- Илья к санитарке подошёл.
- Лётчика сбитого забрать надо.
- Некуда, сунь нос в кузов.

Илья заглянул. В кузове не то что сесть, встать негде. Тяжёло раненные лежат, на бинтах кровь запеклась, сидят с ранениями в руки или ноги, в голову. Илья рукой махнул.

- Езжайте.

Колонна тронулась, оба посреди дороги стоять остались. Грузовики ещё скрыться не успели, как налетели «мессеры». Колонну расстреливали из пушек и пулемётов, сделав несколько заходов. Пилот смотрел, сжав кулаки.

- Да что же это творится? Видели же, что раненые.
- Им всё равно, доложат в штабе, что автоколонну разгромили.
- Показался мотоцикл-одиночка, у бойцов остановился по взмаху руки.
- Земляк, куда едешь?
- В Плещеницы.
- Подбрось до любого города, позарез нужно.
- Садись, только держись крепче.

Только лётчик уселся сзади водителя, мотоцикл рванул. Илья снова остался один. Некоторое время шёл по дороге, но не на восток, а на юго-запад. Навстречу прополз тягач «Комсомолец», волочивший за собой танк БТ с пробоинами в башне.

Илья проводил танк взглядом. Зримое подтверждение ошибочности военной доктрины. До войны считалось, что танк должен быть быстроходным для совершения прорывов и рейдов по тылам врага. А сейчас немцы совершают эти рейды по нашим тылам. Хорошо, нашлись здравомыслящие конструкторы. На Харьковском танковом заводе – Морозов и Кошкин, создавшие отличный средний танк Т-34, и Котин, сконструировавший тяжёлый КВ в Ленинграде и выпускавшийся на Кировском заводе, бывшем Путиловском. У обоих хорошая броня, только пушка у КВ слабовата для тяжёлого танка. А ведь предлагал конструктор пушек Грабин для КВ свою пушку. Местничество подвело: на КВ изначально поставили Л-10 конструктора Махонина, ленинградца. Пушка обладала дефектом, в процессе производства пришлось её срочно менять на Ф-32 Грабина.

Мимо Ильи проследовала колонна грузовиков, в кузовах – беженцы. Женщины, дети, старики. Пожалуй, пора убираться с дороги. Мало того, что пыльно, так ещё и под обстрел попасть можно. Самолёты противника не всегда разглядеть успеваешь, скорости высоки, да ещё у немецких лётчиков привычка – заходить в атаку со стороны солнца, когда их не увидишь. Сориентировался по карте, совсем рядом грунтовка на село Мамоны. Туда и свернул. Судя по карте, за селом лесной массив тянется до Ошмян. Перед селом осмотрелся, противника не обнаружил, вошёл. Постучался в первую же избу, попросил поесть. Дело к вечеру, а у него хлебной крошки во рту не было. Вышла средних лет бабёнка, пригласила в избу. Поставила без просьб на стол варёной картошки, редиски, хлеба. Пока Илья ел, стояла в стороне и смотрела жалостливо. Насытившись, Илья поблагодарил. Набравшись смелости, спросил – не найдётся ли бритва. Пять дней не брился, щетина отросла чёрная, вид неопрятный, а он привык держать себя в форме.

- Есть, от мужа осталась.
- Муж-то где?
- На третий день с начала войны призвали.
- Солдатка, значит.

Женщина принесла бритву опасную, помазок, малюсенький кусок мыльца. До сего дня Илья брился станком, опасная бритва непривычна. Длинная, с ручкой, острая. Но бреет чисто. Правда, немного порезался. Зато почувствовал себя человеком. Ещё бы помыться, но для этого баню топить надо, что долго.

– Спасибо, хозяйюшка. Желаю, чтобы мужа встретила с победой. Ребятишки есть ли?

– Не дал Господь! А ты заходи, если недалеко будешь. Меня Полиной звать.

– Может, и свидимся.

Прошёл пару километров, в лесу остановился на ночёвку. Обустроив лёжку под елью, поблагодарил мысленно случай, что в Белоруссии оказался. Лесной край во время войны стал партизанским. Ситуация в этом плане на Украине хуже: в центральной и восточной её части лесов нет, перелески да ветрозащитные полосы, укрыться негде. Только на западе бывшей республики густые леса, но и там партизан не было из-за действий националистов. Хотя самый известный партизанский отряд – Ковпака – появился и активно действовал там.

Пока лежал на подстилке из хвои, припоминал историю. Кстати, какое сегодня число? Вроде 29, а может и 30 июня. Точно помнил, что 29 вышло постановление об образовании партизанского движения на временно оккупированных территориях.

Глава 3

«Бои местного значения»

Утром проснулся от прохлады. Солнце уже поднялось, а в лесу влажно из-за тумана. Одно радует – самолёты не летают. Сделал лёгкую физзарядку – приседания, отжимания, махи руками и ногами. Надо бы ручей найти или речку, умыться, попить воды. Через сотню метров вышел к просеке. Посередине её столбы, идёт телефонная линия. Остановился осмотреться, это уже в привычку вошло. Слева показались две фигуры. Когда приблизились, увидел форму на них красноармейскую. Хотел выйти, да повременил. У бойцов через плечо сумки, такие носят связисты, у одного карабин за спиной, у другого револьвер в кобуре. Чего им здесь делать? Или обрыв проводов ищут? Бойцы дошли до столба, остановились. Первый сумку на землю аккуратно положил, снял ремень поясной, а дальше непонятное. Передвинув пряжку, удлинил ремень, опоясал столб и себя. Илья в удивлении. Не видел он таких «хитрых» ремней в армии. Боец на столб полез, причём не так, как это делают на Руси. Во время гуляний на Масленицу есть такая забава. Наверху ошкуренного бревна, врытого в землю, вешают ценный приз. Кто из желающих сможет влезть и достать, тому и приз. Взбирались парни, охватив столб ногами и руками. А у бойцов-связистов для подъёма на столбы «кошки» есть, которые на ноги одевают. Этот же странно взбирался. Откинется спиной на ремень, как на опору, ноги выше передвинет, вроде и немного, на двадцать-тридцать сантиметров. Да так ловко получается! Видел нечто похожее Илья по телевизору. Так негры взбираются на пальмы сбрасывать кокосы. Взобравшись наверх, боец откинулся на ремне, достав из кармана складной нож, зачистил провода от изоляции. Затем подключился к ним зажимами-крокодилами и одел наушники. Илья выжидал. Действия связистов показались странными. Пять минут прошло, десять. Связист на столбе сдвинул рукой в сторону один наушник, сказал тому, что внизу стоял:

– Телефонирен!

Так это же на немецком, а форма наша. Диверсанты! Прослушивают переговоры. Раций в войсках мало катастрофически, переговоры военных и гражданских руководителей велись по телефону. Шифраторов-дешифраторов не существовало, но сам разговор пытались как-то превратить в безобидный. Вроде: «седьмой, в квадрате 14–27 положение

угрожающее. Прошу подмоги, хотя бы две-три коробочки». Под коробочками понимали танки. Но немцы о подобных ухищрениях знали.

Илья после словечка связиста сразу решил убить обоих. Одного сразу, а второго допросить по возможности. Выцелил того, что на земле, дал короткую очередь. Боец упал, а Илья к столбу помчался, автомат вскинул, приказал.

– Спускайся! Попробуешь оружие достать, застрелю, как твоего камада. Так и будешь висеть на столбе до конца войны.

Связисту на столбе укрыться негде, ноги в опоре задействованы и весь на виду. Полезь он в кобуру, Илья выстрелит не задумываясь. И промахнуться только слепой сможет. Связист провода отцепил, стал медленно спускаться на землю, а сам по сторонам поглядывает. Не товарищей ли своих ожидает увидеть? Как только лжесвязист опустился, Илья револьвер из его кобуры вытащил, нож из кармана, обыскал.

– Что на столбе делал?

– Неисправность искал, пропала связь. Я свой, можете посмотреть документы, они в левом нагрудном кармане.

– Сумку свою подбери и иди к лесу.

Когда лжесвязист повернулся спиной, сделал пару шагов, Илья стащил карабин с плеча убитого. Негоже оружию валяться. В лесу Илья приказал – стой!

Связист исполнил, а сам голову поворачивает.

– Стой прямо, а то башку прострелю!

Лжесвязист говорил с ним у столба по-русски чисто, пожалуй – академически чисто. У рядового бойца такого разговора, как у философа, не будет. Ударения в словах чёткие, все буквы проговорены чисто. Хорошо говорит, но русский этому типу не родной. Если бы не слышал от связиста слово на немецком, подумал бы – свой.

– Два шага вперёд и встань на колени.

Связист исполнил. Илья сумку осмотрел. Всё как в сумке настоящего связиста – пассатижи, кусачки, куски телефонного провода с крокодилами на концах, моток чёрной изолянт. Вытряхнул всё на землю, начал ощупывать брезентовые стенки сумки. Вроде что-то есть. Ничтоже сумняшеся, достал складень из кармана, который у связиста отобрал, вспорол брезент. Какая-то бумага. Развернул – текст на немецком. А прочитать не может! Досадно до зубовного скрежета. Но всё же бумага косвенно подтверждает – немец перед ним. Илья пнул связиста по рёбрам.

– Отвечай, сука! Из какого подразделения?

– Инженерно-сапёрный батальон, отделение связи.

– Ещё один не правильный ответ и я тебе прострелю башку! – пригрозил Илья.

– Я правду говорю! Батальон немецкий, диверсионно-разведывательный. Все военнослужащие хорошо владеют русским языком.

ТЬфу! Илья подумал, что немец легенду излагает.

– С каким заданием заброшен?

– Рвать линии связи, подслушивать телефонные переговоры.

– Ну, подслушаешь, дальше что? Разведчик без связи – пустое место, ноль.

Илья немцу не верил, уж очень быстро он поплыл, начал рассказывать. А жёсткого допроса, с членовредительством, не было. Немца щадить он не собирался. Немец – враг, непрощеным гостем пришёл. Кроме того, сдать его в лагерь для военнопленных не было никакой возможности, поскольку лагерей таких на советской территории не было. Немцы создать успели, поскольку пленили десятки тысяч военнослужащих Красной Армии. Политруков и евреев расстреливали сразу. У политработников на левом рукаве пришита красная суконная звезда. Хоть спори её, а след останется.

А силу на допросе и применять не пришлось. Сослуживец немца был убит и лжесвязист добровольными показаниями старался заслужить право на жизнь.

– Есть связь, – признал немец. – В деревне Марково, семь километров отсюда, есть наш радист. Зброшено несколько групп, каждая в случае получения важной информации обязана сообщить радисту, а он в штаб.

Илья сообразил сразу. Сообщения шифроваться должны. Редко бывает, что радист и шифровальщик одно лицо.

– Радист один или шифровальщик есть?

– Есть.

– Как их найти?

– В здании сельсовета. Советский-то председатель сбежал.

– Транспорт есть?

– Грузовик крытый, «ЗИС-5». Все в красноармейской форме. Жители деревни думают, что мы русские, даже поесть приносят.

Немец не сдержал ухмылки.

– Что-то вас слишком много для порчи линий связи. Что ещё в задании?

Немец помедлил и тут же получил удар носком берца по позвоночнику, между лопаток. Удар сильный, болезненный. Немец не смог сдержать стоны.

– Взорвать железнодорожный разъезд Тюрли, который южнее

Молодечно, надо.

Илья свою карту открыл, нашёл на ней разъезд с таким названием. Ого! Взорвав станционные пути, а скорее всего – стрелочные переводы, можно парализовать железнодорожное движение на пересекающихся ветках Минск – Вильнюс и Витебск – Лида – Свислочь. Тогда у Красной армии и Советской власти будут проблемы с эвакуацией по железной дороге предприятий и подвозу техники и боеприпасов. Удар просчитанный, точный. И наверняка разъезд плохо охраняется или не охраняется совсем.

– Когда, сколько человек задействованы, где взрывчатку брать будете?

– Подрывников двое, опытные специалисты. Взрывчатку привезли на грузовике.

– Как выглядят подрывники?

– В форме НКВД, таких проверить побоятся. Один лейтенант, второй рядовой, у рядового «ППШ».

Ух ты! Их и в РККА мало!

– Когда намечен взрыв?

– При получении сигнала по рации.

– Только не понял я что-то. Зачем рвать, если немцы собираются вскоре занять эту территорию?

– Ваша железнодорожная колея всё равно не подойдёт, она шире. Переделывать придётся.

Да, всё верно, просчитано, немцы педанты.

– Ещё что сказать хочешь?

– Всё сказал.

Илья выстрелил ему в голову, немец упал. Надо бы прощупать эту деревушку. Немцы, изображавшие связистов, наверняка к вечеру должны были вернуться в группу. Если не придут, это повод для тревоги, группа снимется с места, и ищи-свищи её потом. Илья почувствовал некоторое возбуждение, азарт. Начиналась знакомая работа. Хоть и не террористы эта группа, а диверсанты, обучены лучше, тем хуже для них. Минус два из группы, уже хорошо, а ведь парни обученные, не чета нашим призывникам, у которых в красноармейской книжке запись «годен к строевой, не обучен». Не обучен, стало быть – воинской специальности нет, тому один путь – учебная рота и маршевый батальон, в пехоту.

Илья вернулся к убитому у столба. Обыскал его, и не зря. В нагрудном кармане компас обнаружил, с откидной крышечкой и визиром, с ремешком для ношения на руке. Сразу на правую руку себе нацепил, на левой – свои часы, механика с автоподзаводом. Определился с направлением, направился к цели. Полтора часа ходу, и он у деревни. Всё так, как описал

немец. У избы грузовик крытый стоит, рядом с крыльцом висит на флагштоке советский красный флаг, болтается на ветру. Илья понаблюдал четверть часа. Один раз из избы вышел красноармеец, залез в кузов, вернулся в избу с вещмешком. Наверное – жратву понёс. Со стороны посмотреть – ничего необычного. Стал обдумывать план. Сейчас главное – узнать, сколько человек в избе, потому как стрелять нежелательно, селяне могут всполошиться. А время поджимало. К вечеру парочки лжесвязистов или подрывников могут вернуться на базу, к сельсовету. Одному, даже из автомата, перестрелять подготовленных диверсантов сложно, а скорее всего, невозможно. Кто-то успеет применить своё оружие. Зайти, не таясь, в избу и потребовать документы для проверки? Можно схлопотать пулю. Был бы помощник расторопный, а то он один. Стало темнеть. В окне сельсовета появился свет, не электрический, колеблющийся, от свечи или керосиновой лампы. Наверняка такие в сельсовете были. Когда стемнело, Илья перебежал к грузовику, залез в кузов. Темно, как в пещере. Начал руками ощупывать. В передней части кузова нащупал несколько вещмешков. В одном – банки, консервы. В двух других продолговатые бруски. Тол! Не соврал немец про взрывчатку. Только диверсионная группа не использовала его ещё, ждала сигнала. Подрывники наверняка на рекогносцировку ушли. Надо определить места закладки взрывчатки, чтобы нанести максимальный ущерб. Илья подобрался к задней стенке кузова, собираясь покинуть машину. Послышались шаги. Илья вытащил нож, прижался к борту. Человек ухватился за борт, подтянулся, подпрыгнул. Момента лучше не будет. Илья ударил противника ножом в лицо. Нож вошёл по самую рукоять в глазницу, кисть Ильи обильно оросила чужая кровь. Немец без звука рухнул ничком на пол кузова, только ноги ниже колен остались снаружи. Илья ухватился за ворот гимнастёрки, оттащил тело к переднему борту. Кто это? Подрывник, вернувшийся с разъезда? Тогда врагов в избе трое. А если шифровальщик или радист, тогда в сельсовете один. Разница существенная. Поколебавшись, выбрался из машины, подкрался к избе, прилип к окну. Осторожно, только одним глазом, осмотрел. На столе свеча и в комнате никого. Куда делся второй? Ступая беззвучно, подошёл к двери. В этот момент она распахнулась, на крыльцо вышел человек в военной форме. Илью он видеть не мог, он оказался за дверью.

– Лентяй! – пробормотал человек. – Вернёмся, напишу докладную.

И мужчина сделал шаг вперёд. Видимо, почувствовал за стеной чужого, а может – унюхал, кто знает? Начал поворачиваться, Илья понял – медлить нельзя, ударил ножом в правый бок, в печень, выбора не было. Тут

же ножом сверху, в подключичную ямку. Не совсем то, смертельный удар наносится слева, но враг стоял к нему правой стороной. И всё равно удачно вышло, диверсант упал, захрипел, и Илья добил его ударом в сердце. Нож убрал в ножны, вытащил из кобуры пистолет, неслышно ступая, вошёл в избу. В коридоре полоса света из приоткрытой двери. Осмотрел – никого нет. Открыл дверь – комната пуста. Подхватил убитого за ноги, втащил в коридор, бросил. Затем прикрыл наружную дверь на засов, кинулся в комнату. Надо осмотреть. В углу, на табуретке, стояла, попискивая, рация. Сначала решил разбить. Руку протянул, а из наушника знакомый голос Левитана.

– Говорит Москва. Сегодня, 29 июня, наши войска продолжали упорные бои ...

Илья не дослушал, выключил рацию. Нет, разбивать он её не будет. Рация батарейного питания, поработает какое-то время на приём. Выключил её, под табуреткой валялся вещмешок. Уложил туда рацию, а к ней отдельно ещё блок питания. Быстро обшарил комнату, обнаружил наполовину исписанный карандашом блокнот. Группы цифр, наверняка шифрованная радиограмма. На столе бутылка водки початая. Сделал крупный глоток. Водка тёплая, противная и закуски никакой. Обыскал убитого. Командирская книжка, выпачканная кровью, расчёска, толстая пачка советских денег.

Забрав рацию, задул свечу, приоткрыл дверь на улицу, прислушался. Тихо. Рацию в кабину уложил, на сиденье, потом перебрался на место водителя. Ключ торчал в замке зажигания. Впрочем, замок примитивен, можно повернуть отвёрткой, концом ножа. Завёл мотор, вытянул на себя включатель фар. Они уже по-фронтальному в чехлах с узкой прорезью, видимость на двадцать метров и пучок света тусклый. Угнать грузовик мысль пришла в последний момент, когда на крыльце с рацией стоял. Не тащить же на себе тяжёлую рацию и блок питания. А ещё не хотелось бросать «сидор» с консервами. На малом газу, на второй передаче, въехал в лес по тропинке. Селяне её использовали для походов за дровами, грибами, ягодами. Тележка селянина проезжала бы легко, а грузовик протискивался, ломая ветки. Потом тропинка вывела к просеке. Проехал по ней километров пять – семь, загнал грузовик в чащу, чтобы с просеки видно не было и сверху, с самолёта. Взяв в руку пистолет, откинулся на спинку сиденья. Неудобно: сидение просиженное, пружины выпирают. Как на таком сиденье водители большие расстояния проезжали? Или изменила его прежняя жизнь? Вздремнул до рассвета, часика три получилось. Не полноценный сон, но отдых взбодрил. Забросив провод антенны на ветку,

включил рацию. Зашипело, затрещало, в эфире помехи. Ровно в шесть утра сообщение Совинформбюро. Илья жадно слушал новости. Хотя бы узнать о линии фронта. Но известия были расплывчатые. Опять говорили про упорные бои. Единственно, что уяснил, в Белоруссии бои велись на Слуцком направлении. О Минске, Молодечно, Борисове – ни слова. Но слышать советского диктора было приятно. Сразу училище своё вспомнил, сослуживцев по отряду. Эх, сюда бы весь отряд, задали фашистам перцу! Но, увы, действительность не радовала. Забрался в кузов, вытащил на природу рюкзак с провизией. О! Богато снабдили диверсантов харчами! Причём все советского производства, видимо – захвачено на продскладах. Тушёнка, каша с тушёнкой, частички в томате, сухари в вощёной бумаге. Случись проверка на дороге – ничего подозрительного. А как же взрывчатка? Илья полез в кузов, развязал горловину сидора. Точно, тротил в брикетах и тоже отечественного производства. Хорошо подготовились фрицы! Полдня просидел в машине, отдыхал. Слушал рацию, ел консервы. С тяжким вздохом покинул грузовик. На своей карте карандашом метку оставил в виде точки. Будет туго – можно вернуться. Кто найдёт грузовик в глухомани? Только если случайно.

Двигался не по просеке, а сбоку её, между деревьями. Вроде не намечал себе цели, а вышел к разъезду Тюрли. Ошибиться никак нельзя, поскольку на здании маленького вокзала надпись есть. Илья за деревьями сидел, между ним и перроном и вокзалом станционные пути. Слева и справа на удалении пятьсот метров стрелки и будки стрелочников. По рельсам туда-сюда мельтешит маневровый паровоз, довольно кургузого вида, без тендера, толкает вагоны. На платформах несколько подбитых танков стоят, а ещё укрытые брезентом станки и оборудование эвакуируемых заводов. А рядом со станками люди в рабочей одежде, тоже в тыл страны выезжают. Невелик разъезд, а народу много, пожалуй – в мирное время такого людского наплыва не было. На станционные пути вкатился со стороны Витебска эшелон. За паровозом теплушки, на стенке которых надпись «Восемь лошадей или сорок человек». Теплушки небольшие, двухосные. Илья таких раньше не видел никогда. Эшелон встал, из него высыпали люди, бросились к станционному зданию за кипятком. У всех в руках ёмкости – чайники, молочные бидоны, железные кружки. На левой торцевой стене вокзала два крана – с холодной и горячей водой. Паровоз же заправлялся из огромной колонки: вода мощной струёй текла в цистерну тендера. Десяток минут, и паровоз, набрав воды, дал гудок к отправлению. Кто успел набрать воды, а кто и нет, все кинулись к теплушкам. Поезд ушёл, перестал заслонять перрон. Илья на дерево

взобрался, невысоко, метра на три, на нижнюю, самую мощную ветку. Отсюда видимость лучше. А высматривал он диверсантов, переодетых сотрудниками НКВД. Двое их должно быть. Нет искомых фигурантов на перроне, вообще мужчин в военной форме единицы. Или они в здании вокзала? Решил повременить. Ему на вокзал нежелательно. Если диверсанты там, «срисуют» его. А ещё может быть милиционер, который попросит документы. Светиться не хотелось.

И всё же он увидел тех, кого высматривал. От будки стрелочника шли к вокзалу двое. По описанию убитого диверсанта – именно те. Один в фуражке с васильковым околышем, второй на голове пилотку имел, на плече ППШ. Сведения скудные, но других нет. Сотрудники НКВД на перрон поднялись, стали проверять документы у немногочисленных военнослужащих. Гражданских не замечали. Мысль мелькнула у Ильи. Не просматривают ли воинские документы, чтобы определить, есть ли секретные знаки? С началом войны в командировочных предписаниях, вещевых, денежных и продовольственных аттестатах ещё при печати в типографии наносились едва заметные изменения – то точку не напечатают в конце предложения, то вместо мягкого знака – твёрдый, вроде опечатка. Кому надо – сотрудникам НКВД, войскам по охране тыла, военной контрразведке – эти изменения были известны, доводились до заинтересованных лиц оперативно. С января 1943 года появился знаменитый «Смерш», который тоже имел свои ухищрения.

Поскольку Илья служил в силовом подразделении, вступал в боестолкновения с террористами. Злые, жестокие, хитрые, но подготовка хромает. Немцы же к обучению своих подразделений подходили тщательно, готовили долго. Это касалось всех родов войск. У нас во время войны лётчик-истребитель имел к моменту выпуска 20–30 часов самостоятельного полёта, а у немцев – 300! Разница существенная. Так же у танкистов, артиллеристов. Поэтому обоих диверсантов в форме НКВД Илья лёгкой добычей не считал. И ещё беспокоило – почему они на разъезде? Если бы на ночь возвращались на временную базу, в сельсовет села Марково, насторожились, а то и вовсе отказались от подрыва на разъезде. Камрады убиты, рации нет, грузовик с взрывчаткой исчез. А эти преспокойно на разъезде разгуливают. Ночевали здесь и не в курсе происшедших с группой событий? Диверсанты по перрону перемещались, Илья сожалел, что нет бинокля. Видел полевой восьмикратный в разгромленной автомашине, да не взял. Подумал – к чему лишняя тяжесть? А теперь бы пригодился, да разве всё предусмотреть? Ближе к вечеру, по часам Ильи в семнадцать, диверсанты перешли рельсы, прошли в полусотне метров от чекиста,

оглянулись несколько раз и в лес.

Всё же не настоящие это сотрудники. До этого момента червячок сомнений у Ильи был. Илья с дерева слез, отпустил диверсантов подальше, стал преследовать. Не приближался, прижимаясь к деревьям, перебегал. На диверсантов не смотрел. Многие люди взгляд в спину чувствуют, не хотелось ему насторожить врагов. Диверсанты шли ходко. Когда километра три было пройдено, Илья стал сокращать дистанцию. До разъезда далеко, до деревни тоже, выстрелов никто не услышит. Дратся в рукопашную смешно: их двое, наверняка ножи есть. Только стрелять, подобравшись поближе, чтобы наверняка. До чужаков полтора метра. Один из диверсантов что-то почувствовал, обернулся, осмотрел внимательно лес, да не увидел ничего. А Илья броском разрыв сократил, уже семьдесят метров. Надёжное поражение из МР 38/40 метров с пятидесяти. Собственно, МР 38/40 не автомат, а пистолет-пулемёт. Ключевое слово пистолет, поскольку огонь ведётся пистолетными патронами, от Борхард – Люгера, начальная скорость пули невелика. Дальше ста метров огонь вести – только боезапас попусту тратить. Илья ступал осторожно, перекачивал ступню с каблука на носок. Быстро и тихо одновременно идти утомительно. Всё, пора стрелять. Уложил для устойчивости ствол автомата на сучок, прицелился, дал короткую очередь, оба диверсанта упали. Илья, держа оружие наготове, помчался к ним, причём зигзагом. И когда уже недалеко был, раздался выстрел. Илья упал. Если один ранен, будет отстреливаться. Ползком крюк сделал. И один и другой недвижны. Илья встал, палец на спусковом крючке, подошёл. Командира он убил в спину, чётко видны два пулевых отверстия на гимнастёрке. А второго ранило в плечо, и он застрелился. В руке советский «ТТ», полчерепа пулей снесено. Наверное, думал – настоящее НКВД за ними следило и стреляло, боялся в плен попасть. Страшилки про эту структуру ходили серьёзные. Илья обыскал командира. Может, он и не главный, но фуражка на нём была. Осмотрел фуражку изнутри, карманы. Удостоверение от настоящего не отличишь. Фото, печать, подписи. Не побрезговал стянуть хромовые сапоги, вытащил подкладку, ничего предосудительного. У второго при тщательном досмотре обнаружил на папиросной пачке карандашные чёрточки, как зарубки на прикладе снайперской винтовки. Поезда считали или другое что-то? Было желание забрать автомат. Всё же «ППШ» обладает втрое большей дальностью эффективного огня, поскольку патрон «маузера», который в «ППШ» использовался, мощнее «парабеллумного». Подумав, отказался. Диск с патронами в автомате, ещё один в чехле у убитого на поясе. А где потом патроны брать? Трофейное оружие чем удобно? У врага боеприпасы

забирать можно. Отошёл немного. О! Места-то знакомые. Где-то здесь грузовик с рацией и харчами. Вернулся к убитым. Поочерёдно затащил их в кусты малинника и бросил, а «ППШ» забрал. Жалко бросать, неплохое оружие. Его можно в кабине грузовика оставить, под дождь не попадёт, ещё верную службу сослужит. Грузовик притягивал как магнитом. Вскрыв банку тушёнки, начал есть мясо ножом, включил рацию на приём.

«...Продолжались бои местного значения. Письма с фронта...» – продолжил диктор. Илья на часы посмотрел, рацию выключил. По московскому времени восемнадцать, вроде Белоруссия по другому времени живёт, на час вперёд. Но это сейчас, а как во время войны? Илья точно не знал, решил часы не переводить. В конце концов вся немецкая армия, хоть в СССР, хоть в Польше или Франции, живёт по берлинскому времени. И воевать это обстоятельство вермахту не мешает.

Похоже, грузовик удобно иметь базой. И запасы провизии есть, недели на две, а то и три хватит, запасли-то для шестерых диверсантов, если не больше, вопрос только, на сколько дней рассчитывали? До подрыва разъезда? Номер не прошёл, так немцы могут забросить другую группу. Даже слово забросить не совсем верное. Единой линии фронта нет, авиаразведкой выяснили, где наши соединения оборону держат, да просочились по грунтовым, глухим дорогам. И рация в машине есть, а если дождь случится – укрытие. Летом долгих, затяжных дождей не бывает, не осень. Единственное но – наткнуться на грузовик любой может. По лесам кто только сейчас не шастает. Диверсанты, наши окруженцы, пробирающиеся к своим, местные жители в поисках грибов, ягод, сбора дров. Есть и печь топить зимой надо. Тем более из истории Илья знал, что предстоящая зима суровой будет, в Подмосковье не один день морозы за сорок градусов будут, да снега выпадут ранние и обильные. Но о зиме думать не хотелось. Без тёплого укрытия загнётся, грузовик не спасёт. К вечеру на юго-западе гроыхать сильно стало. Сначала подумал – гроза надвигается. Так ветер в другую сторону дует и небо безоблачное. Только потом догадался – артиллерия лупит. Хоть и военный человек, а канонаду множества пушек слышал впервые. Его служба была – тихо и незаметно подобраться к месту, где укрываются террористы, бандиты. Там пушки не нужны. Посмеялся над собой, съел сухарь. Вполне съедобно, хотя хрустит так, что за кабиной звук наверняка слышен. А ещё за зубы боязно. То ли сухари хрустят, то ли зубы крошатся. А стоматолога днём с огнём сейчас не сыщешь. Вздремнул, откинув голову на заднюю стенку кабины. Проснулся, посмотрел на часы. Сводку Совинформбюро проспал, они шли в начале каждого часа.

Переночевав, отправился в сторону Олехновичей. Через посёлок железная дорога проходила, параллельно ей дорога шла. Поглядеть надо, наши там или немцы. Пару часов хода, и вышел точно к посёлку. Всё же компас и карта в незнакомой местности вещи необходимые, кто ими пользоваться умеет. Залёг на опушке. Через несколько минут на дороге колонна показалась. Когда техника приблизилась, разглядел во главе полугусеничный транспортёр, за ним здоровенные грузовики, как позже узнал – «Опель Блитц», самые распространённые в вермахте. Колонну замыкал танк Т-III. В начале войны его к средним причисляли, хотя позже средним стали считать Т-IV, а затем и «Пантеру». С каждой моделью танка они становились крупнее и пушка солиднее. От вида чёрно-белых крестов кулаки непроизвольно сжимались. Чтобы враг вот так, как по своей земле, спокойно катил? Да не бывать такому. Растерянна наша армия, нового вооружения и техники не хватает, боевого опыта нет, командиры без указания сверху боятся проявить инициативу. Но пройдёт всё, армия воевать научится, тыл новую технику поставит. Будет ещё праздник на нашей улице. Только колонна скрылась, как в той стороне – два пушечных выстрела, пулемётная пальба, чёрный дым поднялся. Чёрный дым горящая техника даёт, горящие избы дым серый дают. Значит, на наших немцы натолкнулись. Гордость за своих появилась. Не все сбежали, кто-то насмерть стоит.

По плану «Барбаросса» немцы к осени Москву взять должны были стремительным броском. А не вышло, завязли в больших и малых боях, технику терять стали, живую силу и в Подмосковье силу свою уже растеряли.

Нападать на колонну – себе дороже. Но важное для себя обстоятельство получил – немцы уже здесь, он в чужом тылу и пора действовать. От дороги не уходил. Важно было узнать, какими силами враг наступает. Через полчаса прошёл полк самоходок. В Красной армии в начале войны самоходных артиллерийских установок почти не было, военное руководство их считало «недотанками» и даже писали в реляциях, когда захватывали немецкие STuG III – «танк без башни». В нашей армии САУ числились за артиллерией, а в немецкой относились к танковым частям. Самоходки в производстве дешевле танков и, хотя построены на танковой базе, вооружение несли более мощное, чем у донора. У немецкой пехоты САУ пользовались авторитетом, и ни одна атака пехоты не обходилась без участия самоходок.

Илья смотрел на проползающие по дороге самоходки, жалея, что нет гранатомёта. Только улеглась пыль от бронетехники, показалась пехота, да

не пешком, а на велосипедах. Для Ильи удивительно: такого вида транспорта в РККА не использовали. На велосипедных багажниках сумки приторочены, у всех солдат карабины Маузера. Почему-то считалось, что немцы сплошь имели автоматы. Дорога не простаивала. Колонны техники шли одна за одной. Мощь большая, и много сил придётся потратить, чтобы превратить всё, что громыхало, ревело моторами в груды разбитого и оплавленного железа.

Смотрел Илья и прикидывал – как нанести урон побольше, почувствительней. Вспомнился груз взрывчатки в грузовике. Закопать мину на дороге? Но в вещмешках – тол, нет взрывателей, причём нужны нажимного действия, чтобы взрыв произошёл под машиной или танком. За неимением гербовой бумаги можно писать на простой. Нет взрывателей, вполне реально взорвать мост. И техника пострадает, и мост восстановить сложно и долго. Измыслив способ, воспрял духом. Вернулся к грузовику, в первую очередь подкрепился консервами и сухарями, потом забрался в кабину, развернул карту. Начал искать подходящие цели. Мосты маленькие отбрасывал, как цели второстепенные. Есть цель! И не очень далеко, под Вилейкой, где через реку Вилия соседствуют два моста – автомобильный и железнодорожный. К тому же идти всего километров семьдесят, два дня пути. Туда – с грузом, обратно налегке. А вместо запалов использовать гранаты. Только у них запал горит три с половиной-четыре секунды, не успеешь убежать, сам под осколки или взрывную волну попадёшь. Само собой, взрывать надо, когда вражеская техника на мосту. Стал размышлять, как взрыв учинить и самому в живых остаться? Те места лесистые, есть где спрятаться, в деревни заходить не будет. О! Длинная верёвка или бечёвка нужна! Да только в магазине её не купишь, закрыты-разграблены магазины. Решил грузовик обыскать. Если есть взрывчатка, где-то должны быть взрыватели. Немцы этот момент упустить не должны. Убитых им диверсантов обыскивал, взрывателей при них не было, стало быть – в грузовике быть должны. Как правило – отдельно от взрывчатки. Тротил можно бросать, ронять, строгать ножом и топить им печь, взрыва не будет. А взрыватели – устройства нежные, боятся всего – удара, нагрева. Сам взрыватель невелик, при взрыве может пальцы оторвать, если в руке держишь. Но если рядом с взрывателем взрывчатое вещество – тол, аммонал или нечто подобное, быть беде – сдетонирует и мало не покажется.

Для начала все вещмешки ещё раз осмотрел, нет взрывателей. Остались в избе, откуда он рацию забрал? Вероятно, но сомнительно. Кабину стал исследовать. В бардачке промасленная тряпка, две свечи

зажигания, колпачок к ним. Вроде и мест, где что-то спрятать можно, – нет. Попробовал сиденье снять, получилось. Да здесь целый Клондайк! Домкрат, баллонный ключ, монтировки, гаечные ключи. Но искомым предметов нет. Забежал с другой стороны машины, рацию с сиденья переставил на пол, сиденье снял. Латаная камера, жестяная банка с маслом. Рядом тряпичный свёрток. Развернул – а там запасные лампочки для фар. Запасливый водитель был или, как тогда называли, «шофёр». На дне коробка свёрнутая старая гимнастёрка. Видимо, водитель использовал её при ремонте. Уже теряя надежду, взял в руки, развернул. Опа! Два новеньких взрывателя, оба химического действия. Прежде чем взрыватель в тротиловую шашку вставить, надо его активизировать, сдавив тонкий корпус пассатижами, даже раздавив ногой. Внутри стеклянная ампула с кислотой. Разъест она тонкую мембрану и как...! Такие взрыватели подобны взрывателю с часовым механизмом. Но «часовики» можно установить на определённое время, обычно от нескольких минут до нескольких часов. Химические всегда рвутся через установленное заводом время, которое обозначается на корпусе. Илья стал разглядывать серебристые цилиндры. Надпись на немецком есть, а время? Покрутил в руке, на торце цифры увидел – десять. Сейчас такие взрыватели не применяют, но принцип их действия он изучал, даже видел, но отечественного производства. Ура! И верёвка теперь не нужна, и лимонки в целости останутся. Вот теперь он готов! Собрал два вещмешка. В одном – половина тротила, в другом сидоре харчи из расчёта на шесть суток. Рацию потом послушал.

«На украинском направлении идут тяжёлые бои в районе Киева ...»

Про Белоруссию ни слова, как будто и боёв здесь нет. Или в другие часы были другие тексты, где Белоруссия упоминалась? Выспавшись, поел, в нагрудный карман взрыватель уложил, в карман брюк пассатижи из водительского инструмента. На шее автомат, на каждом плече по сидору. И отправился на свою первую акцию. Путь по карте ещё вчера изучил. Западнее Молодечно, через Мороськи, потом всё время лесом, благо компас есть, от Моросек пятьдесят градусов на северо-восток. Шагал быстро, если опасался кого-то встретить, так окруженцев. На Илье форма непонятная, оружие немецкое, в сидоре взрывчатка, причём немецкого производства. Шлёпнут как пить дать. Деревни обходил стороной, ночью в лесу заночевал. С непривычки устал – давно таких длинных переходов не делал. К исходу второго дня вышел к цели. Вот они, мосты – шоссейный на быках бетонных, железнодорожный металлический. По железной дороге движения нет. Оно понятно: немцы колею перешить не успели, чтобы свои

паровозы и вагоны гнать. Зато по шоссе и мосту движение оживлённое. Илья до самой темноты наблюдал. Главное, что его интересовало – есть ли охрана? Была – с каждой стороны по солдату, явно не строевики, один в очках, другой в возрасте, с пивным животом. Спать в лес ушёл. В ноль часов проснулся. У многих мужчин существуют биологические часы. Дал себе команду проснуться в полночь и проснулся, с погрешностью в несколько минут. Задача была – подобраться незаметно, заложить под опору, да повыше, взрывчатку. Судя по количеству шашек, а в каждой двести грамм, у него в сидоре двенадцать кило, мост подорвать хватит. Сидор с провизией и автомат оставил на лёжке. Лишь бы найти её потом в темноте.

Сначала шёл на звук, по шоссе ночью техника шла. Не опасаясь – шагов за шумом не слышно, да и видимости в темноте никакой, на машинах немецких фары синим светом светят, да и то через щёлки. Только вышел неточно, пришлось метров сто вдоль шоссе идти. Зашёл под первый пролёт, грохот оглушил, как в железной бочке. Это по верху танк прошёл. Фонаря нет, да и был бы, включать нельзя – часовые на мосту блики света увидят. А на ощупь не получается ничего. Опоры бетонные – вот они, громадины. А как наверх влезть? Решил ждать до утра. Не уснёшь от грохота непрерывного, да ещё и страшно вато – враг в нескольких метрах над головой, да сотни их там! Всё же дождался рассвета. Оказалось – на быках лестница наверх есть в виде железных скоб. Взобрался наверх с сидором, пристроил его под бетонную плиту. Если рванёт, пролёт обрушится. Хорошо бы с техникой. Но тут уж как повезёт. А всё же верёвка пригодилась бы. Привести в действие химический взрыватель, соскользнуть вниз по верёвке – дело нескольких секунд – и ходу. После взрыва пыль, суматоха, дым, вполне уйти можно. Риск велик, до леса сотня метров. После акции колонна встанет, солдатня заинтересуется – что там? А тут Илья во всей красе к лесу бежать будет. Нет, не годится. Не хотелось бы вплавь уходить, но, похоже – это самый безопасный вариант. И опору выбрать надо не ту, куда взобрался, а которая в воде стоит. Привёл в действие взрыватель и прыгай в реку, она сама течением понесёт. Жаль, скорость невелика. И подрыв быка в воде усложнит восстановление моста. Что немцы примутся за ремонт, он не сомневался. Не так много дорог из Белоруссии в сторону Смоленска и Москвы. А Москва, как приказал фюрер вермахту, – главная цель. Почему-то гитлеровские бонзы считали, что с падением Москвы СССР капитулирует. Ну да, Наполеон тоже так думал.

Жаль только, после взрыва его течением отнесёт в другую сторону от лёжки, где харчи остались и автомат. Немного не додумал, – надо было

лёжку ниже по течению устраивать, да что уж теперь жалеть?

Слез с опоры, по воде добрался до другого быка, глубина по грудь, вымок весь, да, чай, лето, хоть и вода прохладная. Влез на опору по скобам, сидор в углубление опоры определил, видимо – технологическое. Развязал сидор, вытащил тротильную шашку, уложил рядом с сидором. Из кармана пассатижи достал, потом взрыватель. Попробовал целый взрыватель в гнездо бруска вставить. Входил легко. Помедлил несколько секунд, вздохнул. Стоит сейчас привести в действие взрыватель, и спокойная жизнь кончится, ближайшие полчаса надо будет выживать. Всё, пора, тем более по мосту техника идёт.

Илья пассатижами раздавил корпус взрывателя, услышав хруст стеклянной ампулы, вставил его в брусок взрывчатки, сунул тротил в вещмешок. Набрав воздуха в лёгкие, прыгнул в воду. Вошёл в реку солдатиком, ноги достали до дна. Оттолкнулся, всплыл, сразу заработал руками. Потом перевернулся на спину, позволив течению нести себя. Любое движение в воде привлечёт к себе внимание. А сейчас, если часовой заметит, может принять за труп. От моста уже на сотню метров отделился, хорошо видна идущая по мосту техника. С минуты на минуту должен грянуть взрыв и лучше бы уплыть подальше. Мост отдалялся, Илья беспокоиться стал – всё ли правильно сделал? Всё! Под мостом ярко блеснуло, настил моста вздыбился, во все стороны полетели куски бетона, железа. В пролом свалился танк, идущую следом грузовую машину взрывной волной развернуло, положило набок. Грузовик мгновение балансировал на краю и полетел в воду. Рядом с Ильёй начали падать в воду обломки железа. Он нырнул, тут же на поверхности раздался сильный шлепок, рядом, рукой достать, опускался на дно кусок бетона. Илья вынырнул, заработал руками. Сейчас на мосту не до него. Со стороны моста крики. Те из машин, что удержались чудом, получили повреждения, а солдаты ранения. Один из грузовиков начал гореть, повалил чёрный дым. О! Илья был доволен, урон вермахту нанесён значительный и движение парализовано. Пока ремонтники мост восстановят, пройдут не одни сутки. Немцы движение пустят в объезд, а это крюк, потерянное время и бензин, задержка наступления, хоть на несколько часов. Маленький плюс в копилку победы. Кто-то воюет на фронте, а некоторые – в тылу, окруженцы, партизаны. Партизанские отряды пытались организовать райкомы партии вместе с органами НКВД, но большая часть образовывалась самостийно.

Река делала плавный поворот, мост скрылся из вида, и Илья поплыл к берегу. Выбравшись, огляделся. Ничего тревожного. Сняв берцы, вылил воду. Обмундирование высушит потом. Побежал к лесу. Комбинезон

неприятно лип к телу, холодил. Забежав за деревья, посмотрел в сторону моста. С обеих сторон шоссе собрались машины. Эх, сейчас бы наши бомбардировщики или штурмовики сюда!

К лёжке вернуться нереально, опасно. Да и не стоят харчи такого риска. Автомат – да, жалко, а ещё планшет с картой там остался. Дорогу назад он помнил в подробностях, потому шёл уверенно. Через час остановился на маленькой поляне. К этому времени уже солнце поднялось, и обмундирование на теле слегка подсохло. Снял комбинезон, футболку, отжал. Развесил на кусты сушиться. На часы посмотрел – идут, что порадовало. Пистолет из кобуры достал, осмотрел. За час одежда его подсохла. Времени он даром не терял, наелся малины. Ягоды маленькие, но сладкие. Хоть что-то в желудке будет, а то сосёт.

Одевшись, уже не останавливался до вечера на отдых. Шагать без груза значительно легче и в два часа пополудни следующего дня он уже подошёл к грузовику. Осмотрел своё богатство. Рация целая и «ППШ» здесь. Первым делом наелся. Банка тушёнки с сухарями и бычки черноморские в томатном соусе подкрепили силы. Уселся на продавленное сиденье, показалось – верх роскоши. Рацию включил, хотелось послушать сводки с фронтов. В наушниках шипело, слышался треск. Илья покрутил верньер подстройки. И голос сразу такой узнаваемый – Левитана, самого знаменитого диктора тех времён, аж мурашки по телу пробежали.

«Говорит Москва. Сегодня, второго июля на Карельском перешейке наши войска успешно отражают все атаки противника с большими для него потерями. На Борисовском и Слуцко-Бобруйском направлениях в течение дня шли крупные бои наших войск с подвижными частями противника».

Насколько помнил Илья, Борисов и Бобруйск были значительно восточнее Минска. На самом деле Левитан говорил не всё. Четвёртая танковая группа Гённера нанесла удар в стык 8-й и 27-й армий Северо-Западного фронта. Двадцать седьмая армия стала отходить на Опочку, фактически открыв противнику путь на Псков и Остров. Немецкие 2-я и 3-я танковые группы продолжали наступление и вели бои за переправы через Березину, пытаясь захватить плацдармы. Контратака первой московской механизированной дивизии под командованием Я.Г. Крейзера вдоль шоссе на Борисов успеха не принесла.

В этот же день в Москве началось формирование народного ополчения.

По радио не говорили о больших потерях с нашей стороны. Но любой человек, слышав сводки, в которых ежедневно перечислялись новые направления и города, понимал – наша армия отступает, немцы рвутся к

Москве. Илья знал, чем всё кончится. Но каково это было слышать народу, армии? Немцы тоже несли тяжёлые потери, командованием вермахта не предполагавшиеся. За период с 22 по 30 июня потери немцев убитыми и ранеными составили 41087 военнослужащих, среднесуточные – 4565 человек, фактически два полка в день.

Остаток дня и ночь провёл в грузовике. Тяжёлые мысли посещали. И о положении в стране, об отступающей Красной армии и о себе. Провизии осталось на два дня, часть консервов он оставил у моста, на лёжке. Значит – добывать надо. А ещё оружие. Есть «ППШ», или «папаша», как его называли красноармейцы. Но к нему один магазин. Хоть и на семьдесят патронов, но это на несколько минут боя, учитывая высокую скорострельность автомата. И пополнить боезапас нигде. Надо захватить у врага его оружие. А ещё хотелось помыться, пока не завелись вши, этот бич всех войн.

Утром пасмурно, не хотелось выбираться из кабины, но надо. Отправился к деревне Мамоны, где рацию добыл, убив диверсантов. На грузовике оттуда путь коротким показался, а сейчас уже час шёл, а деревни не видно. Впереди какое-то движение послышалось. Кабан? Так распугала их война, в лесах зверья не осталось. Встал за дерево, затвор на «ППШ» взвёл осторожно, чтобы щелчка неслышно было. Постоял, пытаюсь понять – кто двигался и в каком направлении. Пять минут прошло, десять. Если бы зверь был, учуял уже Илью, ушёл. Тишина. Илья решил, что почудилось, мало-ли ветерком листву шевелило или ёжик пробежал? Хотя этот зверёк ведёт ночной образ жизни. И вдруг едва слышный плач, похоже – детский. Да и не плачут мужики. Держа наготове автомат, перебежал от дерева к дереву, выбрался к кустам у полянки. Почти посередине молоденькая девушка в военной форме на коленях стоит, склоняясь над военным. То, что военный – сомнений не вызывало, видны ноги в хромовых сапогах и галифе защитного цвета. Чего она ревёт? Или умер боец? Да не боец, у него ботинки с обмотками, в лучшем случае кирзачи. У младших офицеров сапоги яловые, у старших офицеров хромовые. Илья сделал несколько шагов, как умел – неслышно, кашлянул, чтобы не испугать. А всё равно девушка вздрогнула всем телом, резко повернулась, глаза от испуга расширились.

– Не бойся, я свой! Сержант Сафронов.

– Фу! Напугал.

Девушка как-то обмякла. Илья опустил автомат, поставил его на предохранитель, приблизился. Перед девушкой лежал на плащ-накидке командир, судя по четырём шпалам на петлице – полковник. Голова

забинтована, кровь через бинты проступила, дышит тяжело. Картина понятная, неясно только, как они сюда попали? Дороги поблизости нет, в девчонке пятьдесят килограмм живого веса, а полковник крупного телосложения. Сама тащила? Представить невозможно.

– Ты как сюда попала?

– Ногами! – осерчала девчонка.

– А раненного кто нёс?

Девушка отвернулась, засопела, потом заплакала. Сначала тихо, потом в голос. Илья ей рот ладонью зажал.

– Тихо, тихо, беду накличешь. Успокойся.

Девушка к Илье прижалась, плакала, но уже беззвучно, только плечи тряслись. Когда девушка успокоилась, Илья спросил.

– Откуда раненого несёте?

– Из-под Кривска. Снаряд в наш грузовик попал.

Илья прикинул, получалось километров двадцать с гаком.

– И ты одна? – поразился он.

– Не, нас трое было, два бойца и я.

– А они где?

– До вчерашнего дня командира они несли, а после ночёвки исчезли. Я одна тащила, пока силы были.

Вот же суки! Мужики, а раненого командира на девчонку бросили. Не по уставу, не по совести.

– Тебя как звать-то?

– Марина, я машинисткой при штабе полка была.

Господи! Да эта девчонка духом выше бойцов оказалась, чтоб им пусто было. Илья раздумывал, что предпринять можно. Ранения в голову всегда серьёзные и помощи требуют квалифицированной. Тут не просто хирург нужен, а нейрохирург. Такие только в крупных госпиталях бывают. А вокруг лес, даже бинтов взять негде. Девушка его молчание расценила неправильно, отстранилась.

– Тоже уйти хочешь?

Слёзы на её глазах мгновенно высохли.

– Выбрось из головы дурные мысли. Немцы уже под Бобруйском и Борисовом, где линия фронта я не знаю, да и есть ли она? Полагаю, до ближайшего госпиталя километров сто, да и то по прямой.

В глазах девушки растерянность.

– Предлагаю его в село определить, тут недалеко есть – Мамоны называется. Повезёт если, выживет. Добрые люди найдутся, приютят. И тебе лучше в селе остаться. Ты девушка, подберут тебе платишко, за

местную сойдёшь, немцы не тронут.

Девушка задумалась, голову опустила. А какие варианты?

– С раненым – согласна. А в селе не останусь.

Ну, это ещё поглядеть надо. Главное сейчас – раненого в селе оставить. При ранениях в голову, да и не только туда, покой нужен. Илья автомат на шею повесил, зашёл с головного конца плащ-накидки. Со стороны ног нести полегче.

– Тогда берись, понесли.

Подняли. Ох, тяжёл полковник, восемьдесят кило точно будет, если не больше. Даже Илье, привыкшему к нагрузкам, тяжёлому рюкзаку за спиной в спецоперациях, и то тяжело. А девушка молчит. Метров триста прошли, Марина сказала.

– Не могу больше, передохнуть надо.

Э, такими темпами они до вечера до села идти будут, а выхода нет. Полковник застонал. Девушка по щеке его погладила.

– Плохо?

А раненый дёрнулся, захрипел и затих.

– Чего это он?

– Отошёл.

Илья попытался нащупать пульс. Нет его, и дыхания тоже нет. Илья нож вытащил.

– Ты чего? – испугалась девушка.

– Похоронить надо, не бросать же.

Илья ножом принялся рыхлить землю, отбрасывал её в сторону. Долго рыл, а яма получилась неглубокой, немногим больше полуметра. А лопаты нет. И так уже ногти о корни деревьев сорвал. Расстегнул на умершем карманы. Надо документы достать, при случае передать своим. Чтобы не без вести пропавшим был, а умершим от ран. Документы достал – удостоверение личности, партбилет, аттестаты. А пальцами нечто странное ощутил. Вроде под гимнастёрку пододело что-то. Так не зима же. Воротник гимнастёрки на убитом расстегнул, показалась красная ткань. Уже без церемоний расстегнул на полковнике ремень, задрал гимнастёрку. Грудь и живот полковника знаменем обёрнуты и бечёвкой перевязаны. Вот это да! Знамя части – как символ воинской чести, душа части. Если есть знамя, но личный состав погиб, сформируют заново. А коли утеряно, утрачено, а хуже того – в руки противника попало, расформируют часть, даже если не все военнослужащие погибли. Знамя части для любого воина – святыня! Илья знамя с тела полковника снял. В руках нести? Отложил в сторону. Вдвоём с девушкой тело в плащ-накидку завернули, на которой его несли.

С трудом опустили в могилу, принялись зарывать. Да быстро руками не получается. Потом Илья ногами рыхлую землю утоптал, чтобы зверьё не разрыло. Не так бы полковника хоронить следовало. Но скольких наших убитых бойцов уже Илья видел, которые неупокоенные лежат там, где их смерть застала. Постояли у могилы несколько минут. Молитву прочесть? Так умерший коммунистом был. В Бога не верил. Траурную речь? При одном-то служащем? Пафосно и неуместно.

У девушки слёзы по щекам катятся. Илья предложил.

– Идём, в село провожу.

– А с тобой? Ты же к своим пробираться будешь, возьми меня.

– У меня другие планы, Марина.

– Немцам сдашься? – вскипела девушка.

– Типун тебе на язык! Зачем топать сто километров к своим, чтобы врага бить? Враг – он уже здесь!

– И я с тобой.

– Не женское это дело. В лесу ни казармы, ни бани нет и с харчами туго.

Доводы подействовали или сама Марина поняла, что жить в лесу тяжело, но головою согласно кивнула. У Ильи от сердца отлегло. В напарнике он уверен должен быть на все сто процентов. А девушка обуза, за ней приглядывать надо.

Село показалось через полчаса хода. Илья, по обыкновению, остановился понаблюдать. Вроде тихо, машин или мотоциклов не видно, криков тоже нет.

– Марина, ты бы гимнастёрку сняла. В рубашке останешься.

– А юбка? Она армейская, да сапоги.

Это верно. Юбка цвета хаки и сапоги юфтевые, селяне такие не носят. Но всё же послушала, гимнастёрку сняла, на ветку повесила. Потом спохватилась.

– Ой, документы у меня там.

– Иди, документы для тебя, как улика, смертный приговор.

– Как же без них?

– В деревнях жители паспортов не имеют, а у тебя красноармейская книжка. Немцам предъявлять будешь?

Подействовало. Дёрнулась девушка. То ли обнять на прощание хотела, то ли поцеловать, да не решилась. Пошла к селу. Илья смотрел на её тонкую, хрупкую фигурку и сердце от жалости сжималось. Долгие годы придётся ей в окружении жить. Выживет ли? Эх, блин, мужики! Женщин, детей, стариков под немцем оставляете! Стоял, пока девушка за избами не

скрылась. Решил ещё немного подождать на всякий случай. Пять минут, десять. Он уже повернулся уходить, как крик услышал, скорее – визг. Из-за крайней избы Марина выбежала и прямым ходом к Илье. Через несколько секунд немец показался, следом другой. Френчи расстёгнуты, на красных мордах улыбки. Ну да, развлечение себе нашли. Оба без оружия, по крайней мере, ни винтовок, ни автоматов не видно. Стрелять? Но Марина перекрывает сектор обстрела. Девушка легко бежит, подгоняемая страхом, немцы сапожищами топают, гогочут. Илья вправо перебежал, чтобы Марина немцев не закрывала. Автомат вскинул, снял с предохранителя. Ох, не хотелось себя обнаруживать стрельбой! Дураку понятно, в селе не только эти двое, иначе бы оружие своё и ранцы они не бросили.

Раздался треск мотора. Из-за угла мотоцикл с коляской вывернул. За рулём солдат, без френча, в исподней рубаше, коляска пустая. На мотоцикле он девушку быстро догонит. Марина обернулась, ещё ходу поддала, хотя и так мчалась ланью. Мотоциклист сейчас самый опасный, его первым убить надо. Мотоциклист уже обогнал своих камрадов, что-то весело им прокричал. Немец считал, что победителем будет он. Ошибался, первым будет, но мёртвым. Когда мотоциклисту уже оставалось до Марины метров двадцать, Илья поймал его на мушку, дал короткую очередь. Медлил специально, чтобы двое других подальше от избы отбежали, чтобы укрыться им было негде. Марина при первых звуках выстрелов упала. Мотоцикл с убитым водителем вильнул в сторону, попал колёсами в пашню, заглох. Илья тут же перевёл ствол на немцев. Очередь, вторая. Попадания он сам чётко видел, дистанция мала. Выскочил из-за деревьев, скрываться уже ни к чему, рванул к мотоциклу. Сбросил на землю тело немца, выжал сцепление, рванул ногой кик-стартер. Мотор зарокотал. Запрыгнул на сиденье, правой рукой включил первую передачу. У немецких BMW R-75 «Сахара» по прозвищу «Скарабей», основному мотоциклу вермахта, переключение передач дублировано – есть ножное, педалью слева, и есть ручное, на правом боку бензобака. Мотоцикл очень надёжный, имел привод не только на заднее колесо, но и на колесо коляски, демультипликатор, имел фаркоп, мог тащить на прицепе лёгкие пушки или миномёты на колёсном ходу.

Илья подъехал к Марине, крикнул.

– Быстро в коляску!

Только она села, дал газ. Уже въезжая в лес, обернулся. Из-за избы выбегали встревоженные стрельбой немцы. Наш «ППШ» при стрельбе частил, по звуку сразу можно определить, наш автомат стрелял или немецкий. Кто-то из немцев выстрелил вдогон из карабина. Не попал, пуля

сбила ветки над головой Ильи. Он гнал несколько минут, потом развернул мотоцикл, встав за дерево. Только коляска не прикрыта, как он и хотел.

– Марина, жива?

Девушка бледная, испугана, лишь кивнула.

– Выходи из коляски, укройся за деревом.

Сам в коляску уселся. Коробка с лентой уже к пулемёту присоединена. Затвор взвёл, стал ждать. Немцы себя ждать не заставили. Уже через несколько минут из села вырвались три мотоцикла, пустились к лесу. Немцы думали, будут догонять беглеца, а Илья сам их ждал. Прижал приклад, прицел к прицелу, пора! Дал очередь щедрую – обоих немцев на первом мотоцикле сразил. Неуправляемый мотоцикл в сторону свернул, врезался в дерево. А Илья по второму мотоциклу длинную очередь, в треть ленту. Обоих положил, пулемётчик не успел открыть ответную стрельбу. Третий мотоциклист искушать судьбу не стал, видя печальную участь камрадов, резко руль крутнул, едва не перевернувшись, и, петляя между деревьями, чтобы не дать по нему прицелиться, умчался к селу. Если у немцев в селе бронемашина, организуют поиск на уничтожение обидчика. Надо убираться поскорее.

Глава 4

Сложный переход

– Быстро в коляску!

Девушка запрыгнула в коляску. Илья уже успел перебраться на сиденье водителя. Завёл двигатель и газу! К грузовику прямым путём не поехал, покругил немного по лесу, сделав изрядный крюк. Пусть попробуют найти. Плохо, что обнаружил себя, теперь немцы знают, что в лесу чужой. Наверняка думают, что окруженец, пробирающийся к своим. Стрелял-то «ППШ», да и Илью немцы со спины видели.

Когда подкатил к грузовику, девушка пришла в себя после пережитого страха. Выбравшись из коляски мотоцикла, посожалела о гимнастёрке, брошенной у деревни. Илья на какое-то время почувствовал себя виноватым.

– Есть у меня гимнастёрка, только грязноватая.

– Не одену, лучше мёрзнуть буду. А это твоя машина?

– У немцев экспроприировал. Есть хочешь?

– Умираю от голода.

Илья достал две банки тушёнки, сухари. В сидоре оставались две банки рыбных консервов. Молча съели. Илья поднялся, решив осмотреть мотоцикл. Приобретение ценное, можно по лесу проехать в любую точку. А ещё есть пулемёт. Открыл багажник коляски. Всё-таки немцы запасливый народ. Две коробки пулемётных лент, бутылка вина, две шоколадки и банка ветчины, причём большая, килограммовая. Но ни галет, ни сухарей. Своего рода НЗ. Илья бутылку к грузовику принёс.

– Глотни. Согреешься и стресс снимешь.

– А кружка?

– Чего нет, того нет, пей из бутылки.

Илья пробку открыл, протянул Марине. Она сделала крупный глоток, закашлялась, вернула вино Илье. Он содержимое уполовинил, чай, не водка, градусов двенадцать.

– Документов жалко. Чёрт с ней, с гимнастёркой, а вот попаду к своим, что скажу?

Да, момент неприятный, но у Ильи положение не лучше.

– Давай послушаем сводку Совинформбюро и спать.

– Какое бюро?

Видимо, девушка ещё не знала об образовании такого. Илья дверцу кабины распахнул.

– Садись.

Сам на водительское место сел, рация посередине.

– Тоже трофей?

– Тут всё чужое, владельцы уже на небесах.

Он включил рацию. Сначала слушали песню Лидии Руслановой. Оба к рации склонились, чтобы слышать лучше. В двадцать часов по московскому времени Левитан начал зачитывать сводку. Когда Левитан замолчал, Марина выразила своё удивление.

– Это что, немцы уже у Борисова и Бобруйска?

– Ты же сама слышала.

У девушки шок, слишком далеко противник продвинулся. Илья выбрался из кабины, уложил знамя в пустой сидор, сел в кабину, протянул сидор Марине.

– Вместо подушки будет. Там знамя, береги его, как полковник берёт.

Улеглись спать полужёжа. Сиденья неудобные, дерматин обивки холодит неприятно. Но всё же в кабине теплее, чем в лесу, и ветра нет. Утром Илья проснулся с болями в спине. Ноги затекли, четверть часа пришлось зарядку делать. И Марина чувствовала себя не лучше, тоже разминаться стала. На завтрак съели рыбные консервы и последний сухарь. Илья предложил девушке вина, она отказалась, и он допил всё. Уселся на подножку грузовика. Девушка – обуза. На вылазки, акции, с ней ходить опасно. Кроме того, при них знамя полка. Надо доставить его к своим. Рискованно, но необходимо.

– Вот что, Марина. Надо двигать к своим. Немного на мотоцикле проедем, потом на своих двоих.

– Я согласна.

Илья усмехнулся. Можно подумать, у неё выбор есть. Он перегрузил в коляску взрывчатку, под ноги Марины рацию, в руки сидор со знаменем.

– С пулемётом обращаться умеешь?

– Один раз из «нагана» стреляла.

Илья пробку бензобака открыл – полон наполовину. Обычно техника рассчитывается на четыреста пятьдесят – пятьсот километров пробега. По крайней мере – для автотехники времён войны. Танки или САУ – на триста. Топливный бак можно и больше сделать, но танк не бензовоз. Хотя и так при попадании снаряда и пробитии брони танк сгорал за несколько минут. Фронтовики рассказывали Илье: «Ударил снаряд, запахло палёным, сразу из танка вон. Шлемофон бросай. Начнёшь отсоединять ТПУ – сгоришь».

ТПУ – это танковое переговорное устройство. Провода внутренней связи для экипажа присоединялись штекерами к шлемофонам. Частенько случалось – заедали, да даже при нормально работающих это потеря драгоценного времени.

– Ну что, поехали?

Илья мотоцикл завёл, уселся на сиденье, поехал. Этот путь к Молодечно, Вилейке, он знал. А дальше придётся добывать карту. Какому-то немцу она будет стоить жизни.

Видно, под счастливой звездой Илья родился. Через четверть часа после того, как они уехали, к грузовику подкатили немецкие мотоциклисты. Подобрались осторожно, держа оружие наготове. А в кузове и в кабине никого нет. Один из немцев потрогал двигатель.

– Холодный, грузовик брошен давно!

Грузовик интереса для дозора не представлял.

Илья мотоцикл не гнал, всё же не по шоссе ехал, приходилось деревья объезжать. Держал путь на север. Судя по сводкам Совинформбюро, там немцы продвинулись меньше всего. Через три часа выбрался к железной дороге, поехал вдоль неё. А места-то знакомые, разъезд Тюрли. Загнал мотоцикл в лесок.

– Марина, ты тихонько посиди, я осмотрюсь.

Автомат оставил на сиденье мотоцикла, не воевать шёл, на разведку. Хорошо бы, если разъезд был в руках Красной Армии. Увы! На путях ни одного вагона или паровоза. Но на перроне фигуры в мундирах мышиноного цвета. Немцев немного – отделение, может, немного больше. За спинами карабины, вид нестроевой, таких сразу видно по тому, как мундир носят. Чего им здесь надо? Появился офицер, судя по блестящим погонам и фуражке. Солдаты сразу построились. Илья пожалел, что не прихватил с собой пулемёт, сейчас бы всех уложил, так удачно стоят – спиной, в строю и дистанция сотня метров. Офицер отдал распоряжения, солдаты разошлись по станционным путям, осматривали стрелки, что-то измеряли металлической рейкой. До Ильи дошло – железнодорожники. Собираются переделывать наши пути под немецкий стандарт, узкую колею. Сейчас немцы доставляют технику, топливо, боеприпасы, личный состав из Польши машинами. Затратно и долго. Плюнул и ушёл бы Илья, кабы не привлекла его сумка офицера. Командирская, с застёжками, наверняка карта быть должна. Вот только как карту изъять? Солдаты явно не на один день прибыли, сразу колею не перешьёшь. Поселились, скорее всего, в здании вокзала. И к работе близко, и вокзал пустой, потому как поезда не ходят и пассажиров нет. Офицер работу подчинённых контролировал. То к

одной группе солдат подойдёт, то к другой, указания даёт.

Полчаса прошло, час. Никак к офицеру не подобраться, всё время солдаты неподалёку. Илья уже хотел уходить, зачем время попусту терять, как офицер в кусты зашёл, по нужде. Илья бросился бежать в том направлении. Офицера стрелять нельзя, только ножом работать. Офицер нужду справил, брюки застёгивал, какую-то песню напевал. Повернулся уходить, Илья к нему кинулся с ножом в руке. Офицер шум за спиной услышал, стал поворачиваться, Илья ударил его в бок, сразу вторым ударом в основание шеи. Офицер даже не пискнул, осесть стал. Илья тело подхватил, поволок за кусты, бросил. Сумку с офицера сорвал, потом расстегнул кобуру. Пистолет у офицера небольшой – «вальтер» ПП, для Марины такое оружие в самый раз. И сразу бегом к месту, где мотоцикл оставил. Подбежал, а девушки нет. Круть-верть головой, нет нигде. Каждая минута на счету, солдаты могут встревожиться, начать искать своего командира. И кричать нежелательно. Илья мотоцикл развернул, тяжёлый, если его самому толкать. Из кустов Марина вышла, взгляд невинный.

– Ты где была? – напустился на неё Илья. – Я же приказывал – от мотоцикла ни шагу в сторону. Быстро в коляску!

Завёл мотор и сразу по газам. Километра через два остановил мотоцикл, заглушил двигатель. Надо посмотреть, что в сумке. Обидно будет, если рисковал зря. В сумке полевой набор инженера-путейца. Схема станции на кальке, с путями, стрелками, размеры указаны. А ещё карандаши – красные, синие, чёрные. И главное – топографическая карта. Илья возликовал. Как без неё? В лесу спросить дорогу не у кого. Имея карту и компас, подсказчики не нужны.

– Держи, – Илья протянул девушке трофейный пистолет. – На всякий случай, для самообороны. Если предохранитель вниз опустишь, жми на спусковой крючок.

– У немца забрал?

– Нет, купил у барыг на базаре!

– Шутишь?

– Конечно у немца, отдавать не хотел, говорит – казённый. Пришлось убить.

Девушка посмотрела на Илью со страхом. Можно подумать, он прогуляться ходил. Да и странно это – на её глазах из пулемёта он не одного немца положил. Или потому, что ножом? Жизнь всегда полна неожиданностей. Дома Илья курицу зарезать не мог, а после училища да и здесь – стреляет в людей, ножом режет. Одно объяснение – враги жестокие, сильные пришли на его землю.

Илья определился с местоположением.

– Есть будешь?

– Буду.

Илья ножом вскрыл банку немецкой ветчины, подцепил кончиком лезвия кусок, отправил в рот, прожевал. Очень неплохо! Протянул банку девушке, а она озадачила:

– Ложки нет или вилки.

– Руками бери или ножом.

– Как ты можешь ножом есть, если ты им немцев резал?

– Ну, как хочешь.

А голод не тётка, опять же – запах такой дразнящий, что сытый не удержится. Вот и Марины надолго не хватило. Илья кусок за куском в рот отправляет. Девушка испугалась, что ей не достанется. Да зря, банка большая, к тому же Илья совесть имел, половину бы оставил. В армии не любят тех, кто под одеялом посылку от родителей втихомолку хомячит. Чревоугодие один из десяти смертных грехов, только Илья думал, что лучше бы заменили на жадность – она во всех проявлениях противна.

– Дал бы хоть кусок, банку скоро опростаешь.

Илья банку девушке передал. Банка прямоугольная, узкая и высокая, без ножа или вилки не выудишь ветчину. Марина пальцами и так и эдак, а не получается. Илья ухмыльнулся, нож передал. Куда чопор девался, есть стала. Прожевав, сказала:

– Почему у нас таких консервов нет?

– Немцы всю Европу захватили. Вполне вероятно, что ветчина эта не немецкая, а французская или бельгийская. Вот возьмём Берлин, позже сами такую делать научимся.

– Думаешь – возьмём?

– Не сомневаюсь, раз в Красной армии такие девушки есть.

– Ну тебя, опять шутишь!

В каждой шутке есть доля шутки. Марина для многих красноармейцев примером могла бы быть. Одной тащить на плащ-накидке раненого полковника без надежды выйти к своим, это ли не поступок, достойный уважения? Когда оба насытились, Илья мотоцикл завёл. Через пару километров, судя по карте, просёлочная дорога должна быть районного значения. Такая немцев интересовать не должна. Это у них в Германии покрытие на дорогах или бетон или асфальт, в худшем случае – булыжник. А у нас направления – после дождя ни проехать, ни пройти. Это сейчас лето сухое, а начнётся осень? У немцев даже у гусеничной техники гусеницы узкие, вязнуть будут, на хорошие дороги рассчитаны. И все

направления главных ударов по шоссе проходят.

Повилив между деревьями, выбрались к дороге. Узкая, в ухабах и ямах, пыльная. А всё же лучше по ней ехать, чем по лесу. Илья на восток повернул. Раевщину проскочили, следом Доманово. А через пару километров перекрёсток. Шоссе Молодечно – Минск. И техника идёт, конечно – немецкая. Долго, часа два ждали, пока шоссе пустынным окажется. Конец одной колонны ещё не скрылся, а уже вдали другая показалась. Но проскочили благополучно и вперёд! Раевку миновали, козлы. Жители деревень, слышав мотор, прятались, деревни казались вымершими. Илья сейчас на северо-восток путь держал. Периодически останавливался, сверялся по карте. Ближайший крупный город – райцентр Бегомль. В город заезжать не собирался. Немцы держали направление главного удара, вспомогательные и тыловые части расквартировывались в городах и риск нарваться на немцев был велик. До вечера удалось добраться до селения Небышино, Бегомль остался в десятке километров южнее. Смеркаться стало, фару включать Илья опасался, поэтому загнал мотоцикл в лес, заглушил мотор.

– На сегодня всё! – выдохнул он. – Оправиться, отдохнуть. Завтра предстоит трудный день.

Из провизии осталось две шоколадки, Илья их приберёт на завтрак. Напились воды из родника. Илья выбрал место под елью, устроился. Марина попробовала прикорнуть на сиденье коляски. Тесно, неудобно. Сидеть можно, а спать невозможно. Ёрзала, вздыхала, потом перебралась к Илье.

– К тебе можно?

– Полезай.

– Только уговор – не лапать.

Илье смешно стало. Кому что, женщины о своём. Тут бы башку сбережь. Но вдвоём теплее. Илья вырубился начисто, сильно устал за последние дни. Неприятных впечатлений масса, опасность, да ещё отступление наших войск тяготило.

С утра разминка, у обоих одежда в сухих иголках. Отряхнулись, съели по шоколадке, воды попили. Илья рацию включил. Надо было прослушать последние сводки, карандашом на карте отметки сделать. Карту разложил, карандаш в руку взял, рацию включил. Оба к наушникам приникли, каждому – по одному, голова к голове.

«Передаём сводку Совинформбюро. Сегодня в боях на Двинском направлении противник ввёл крупные танковые соединения, вслед за которыми наступала мотопехота. Наши войска стойко удерживали свои

позиции, нанося танкам противника большой урон. Только с вводом в бой резервов противника наши войска отошли на следующий рубеж. Одновременно крупные бои развернулись в районе Лепель, где наши войска отбивали многочисленные атаки танковых частей противника. Во второй половине дня после сильной авиационной подготовки противнику удалось потеснить наши части на несколько километров к востоку».

Очень расплывчато, к тому же эти данные на вчерашний день, немцы могли продвинуться дальше. Судя по сводке, Илья с девушкой находятся в ближайших тылах наступающей немецкой армии. А ещё омрачало – впереди Березина, река относительно крупная. Наши будут держать рубеж на восточном берегу. Как правило, водораздел преодолевался с трудом любой армией в любой войне. Илья по карте прикинул маршрут. Похоже, сначала надо двигаться на север, в сторону Полоцка, фактически параллельно реке Березине, удаляясь от Лепеля, искать возможность переправиться, а дальше на Витебск. А только наши части наверняка будут на другом берегу реки. Лишь бы немцы раньше, на подходах, не обстреляли. Ему полегче, у него опыт есть. А у девушки никакого, да ещё рубаха белая, даже в темноте заметна.

– Марина, ты плавать умеешь?

– По-собачьи, но недалеко.

– Сними рубаху, натри её травой и землёй. Белая очень, в глаза бросаться будет.

Сам пожалел, что не настоял у грузовика одеть на девушку гимнастёрку водителя. Всё же защитный цвет, в траве и кустах не так заметна.

Девушка ушла за кусты, слышалась возня. А как вернулась, Илью смех разобрал. Рубашка в ярко-зелёных пятнах от сочной травы, в земле, на лешего похожа или кикимору.

– Сам же приказал, – надула губы Марина.

– Садись, едем.

Проехали пяток километров и въехали в густой лес, двигаться пришлось по просеке. После войны в этом лесу будет заповедник. Немцы лес не любили, использовали его только как укрытие техники от авиаразведки. А потом и бояться стали, поскольку в лесах укрывались партизанские отряды, а в сорок первом и значительные силы окруженцев.

За два часа лес проскочили, впереди открытая местность. Двигатель мотоцикла чихнул, заработал ровно, ещё раз чихнул, а потом заглох. По инерции проехали немного.

– Сломался? – спросила девушка.

– Бензин кончился, – мрачно ответил Илья.

Сейчас бы рвануть броском до Березины, пока немцев не видно. Ладно, мотоцикл и так здорово выручил, вон какой путь проехали, пешком бы неделю, а то и десять дней топать пришлось. Закатали мотоцикл под иву, под низкими ветками его не так заметно. Илья багажник открыл.

– Держи коробку, нести придётся. И сидор со знаменем не забудь.

Рацию бросить придётся, жалко. Но и тяжесть такую нести нет желания. Тем более все рации – хоть наши, хоть немецкие – были ламповые, боялись сотрясений, ударов. Автомат на шее на ремне, пулемёт на плече, к нему коробка с полной лентой пристёгнута. Харчей только не хватало, но Илья надеялся либо у селян выпросить, либо у немцев добыть. Голодный боец – плохой боец, слабый. А сил им потребуется много. Через несколько километров, за пригорком – деревня. Илья, а с ним и девушка, улеглись понаблюдать. Неладно в деревне, крики слышны, плач, потом сразу два пистолетных выстрела подряд. Немцы! Только несостыковка есть. Немцы пешком не ходят, а на единственной деревенской улице никаких транспортных средств не видно – ни мотоциклов, ни машин. Карательный отряд? Не созданы ещё, не успели, как и отряды полиции из местных карателей. Илья терялся в догадках. Деревню обойти можно, но это крюк. Решил рискнуть.

– Ты полежи здесь, не высовывайся. Пистолет при тебе или в коляске забыла?

– При мне.

Илья пригнулся, стал перебегать к деревне, падал в ложбинки – понаблюдать. Последние метров пятьдесят бежал не скрываясь. Калитка во двор распахнута, он вбежал. И дверь нараспашку в избу. Влетел, держа палец на спусковом крючке. В комнате пожилой мужчина с пулевыми ранениями на груди, под ним лужа крови. Мёртвый, не дышит. Илья наклонился, потрогал. Тело тёплое ещё, не успел остыть, значит – не больше четверти часа прошло после убийства. Сундук, в котором деревенские вещи хранили, деньги – нараспашку. Вермахту при наступлении не до грабежей было. Курицу зарезать да местным жителям приказать сварить, это другое дело, яйца отобрать, молока из-под коровы напиться. А сейчас – немудрёный скарб разбросан. Сомнение закралось, что немцы действовали. Илья из избы выскочил, через забор перемахнул, споткнулся. Неудачно с пулемётом сигать. Вместе с лентой килограмм десять будет. В избе шум. Илья пулемёт положил, мешает. Снял автомат с предохранителя. Дверь резко распахнулась от удара ноги, боком вышел красноармеец, за волосы он тащил за собой упиравшуюся женщину.

– Золото давай, сука! Не то башку прострелю! – орал боец.

Да это же окруженец! Пользуясь отсутствием какой-либо власти, решил грабежом заняться. Армию позорит, сволочь! Илья дал короткую очередь. Мародёр рухнул, женщина закричала. Илья палец к губам приложил.

– Тихо! Ещё такие есть?

Стволом автомата он показал на убитого.

– Не... не знаю.

– А стрелял кто?

– Через избу от нас.

Илья наклонился, обшарил убитого. За поясом у бывшего красноармейца револьвер. Переложил в набедренный карман оружие. Если отдать «наган» селянам, немцы обнаружат, семью расстреляют. Картина становилась более-менее ясной. Не забирая пулемета, побежал к другой избе. Здесь тихо, дверь нараспашку. К следующей кинулся. Только из-за угла вывернул, выстрел. Пуля в брёвна ударила, рядом. Ещё не видя противника, Илья дал очередь по забору. Короткий вскрик, звук падения тела. Илья выбежал на улицу, подкрался к открытой калитке. Ещё один в красноармейской форме, на гимнастёрке кровавое пятно расплывается, но жив, пытается рукой до «ТТ» дотянуться. Илья подошёл, направил ствол в голову, спуск нажал. Вместо очереди одиночный выстрел. Грабитель затих. Илья магазин автомата отстегнул – пуст. Но выручил его здорово. Илья пистолет подобрал, магазин вытащил. Три патрона осталось. Поколебался. Зарядить эти три патрона в автомат? Одна короткая очередь, а ППШ весит почти пять кило. Вернул магазин в пистолет, в карман сунул. Обыскал убитого. В нагрудном кармане справку обнаружил об освобождении из тюрьмы. Аккурат перед войной вышел, 20 июня. Так и не красноармеец он. Форму или со склада забрал, сколько их брошенных было, или с бойца снял под угрозой оружия. А тень на Красную армию с подельником бросил перед деревенскими. В избу зашёл. На полу старик со старухой сидят. У старика глаз заплыл от удара, у старухи слёзы на щеках. На Илью со страхом смотрят, не убить ли пришёл?

– Спокойно! Я боец Красной армии. Грабителей я уже наказал по всей строгости военного времени. Выбросьте труп куда-нибудь в овраг. Не достоин он быть похороненным.

Старики не верят в счастливый исход, переглядываются.

– Всё, поднимайтесь. И соберите соседей, избавьтесь от убитых.

Илья вернулся во двор второго с краю домовладения, забрал пулемёт. Не скрываясь, вышел на околицу, махнул рукой Марине. Девушка

поднялась.

– Иди сюда, сидор не забудь, – крикнул Илья.

Конечно, в деревне настроение похоронное, трое сельчан в одночасье погибли. Но всё же накормили, в знак уважения. Картошка варёная, под зелёный лук и редиску, пшённая каша на молоке и деревенский хлеб, испеченный в русской печи. Наелись от пуза. Уже прощались с хозяевами, Илья спросил:

– Как деревня называется?

– Володьки.

Смешное название.

– Далеко ли до Березины?

– Час ходу, держи на восход всё время. Только не ходили бы вы туда. Вчера в той стороне весь день и ночь громыхало.

– Спасибо.

Местность дальше вовсе плохая для передвижения – ни леса, ни кустов.

– Давай присматривать укрытие, – предложил Илья.

Нашли небольшую, только вдвоём поместиться, ложбину, улеглись. Солнце греет, поели сытной еды, разморило. Илья предполагал идти ночью, поэтому предложил:

– Спим по очереди.

– Тогда я первая.

Девушка быстро уснула. Илья периодически голову поднимал, осматривал местность. Чем хорошо укрытие на ровном лугу, никто не заподозрит, что люди там. Земля ровная, никого не видно. Дав Марине поспать три часа, разбудил.

– Теперь моя очередь. Не спи, в случае опасности буди, но тихо.

Илья отрубился сразу. Проснулся сам, уже темно, а Марина разбудить его должна была. Глядь – а она сама спит. Толкнул её.

– Ты как спать посмела? Окажись немец, обоих бы тёпленькими взяли.

– Прости, сморило.

– Твоя ошибка могла плохо кончиться, не на курорте. Знамя у нас, понимаешь! А ты дрыхла бессовестно!

Илья едва сдержал выражения крепкие. Всё же из женщин напарники ненадёжные. Через полчаса стемнело. Небо ясное, звёзд полно. Для Ильи хорошо, направление держать точно можно. Нашёл на небосклоне Полярную звезду, от неё правее двадцать градусов. Поклажу взяли и бодро вперёд. По-ели, вздремнули, сил прибавилось. Через час впереди осветительная ракета взлетела. Илья замер. Если ракеты пускают, немцы

там. Наши войска ракеты пускали для подачи сигналов – к наступлению, артподготовке. Да и не было у нас осветительных ракет на парашютиках. Свет от них сильный, висят в воздухе несколько минут. Река рядом, потому как воздух влажный. Илья пошёл параллельно берегу реки. В одном месте едва не напоролась на немцев. В полусотне метров впереди взревел запускаемый мотор, потом мимо прогромыхал гусеничный транспортёр. Ещё немного, минуты, и они сами бы к немцам вышли, быть беде. Илья левее отклонился. Как знать, где позиции? За полночь тучи небо закрыли, потом дождь заморосил. Марина за Ильей шла, вздыхала. А Илье в самый раз. Чем хуже погода, тем лучше. Солдаты будут прятаться в укрытиях – в блиндажах, в технике. У часовых видимость и слышимость хуже.

Судя по карте, которую на лёжке изучал, на другом берегу Березины местность болотистая. Даже если немцы захватят здесь плацдарм, наступление развить не смогут, техника вязнуть наглухо будет. А без танков или самоходок немцы не наступают. Зато для Ильи с Мариной в самый раз. Свернули к реке. Через полсотни метров Илья лёг, девушка тоже. Поползли, медленно, осторожно. Илья руками перед собой землю ощупывал. Немцы зачастую минировали позиции впереди себя и на возможных направлениях атаки. При позиционной войне минные поля ставили серьёзные, мины и противотанковые и противопехотные. Поля такие без приспособлений – щупа или миноискателя, не преодолеть. Но сколько он землю не прощупывал, мин не находил. Не успели поставить? Или сочли, что Красная армия не нанесёт контрудар, только обороняться будет. Неожиданно одна рука воды коснулась. Река уже или лужа? Начал сползать в воду, получалось глубже и глубже. Река! Оставил пулемёт в воде, с ним не переплыть. Прошептал девушке.

– Оставь коробку с патронами, ни к чему уже. А сидор держи обеими руками. Нет, я сам возьму, – передумал Илья.

Лямку сидора на шею повесил, для надёжности. Сейчас бы деревяшку какую сюда или камеру автомобильную. Не за себя боялся, за девушку. Сидор со знаменем воду впитает, тяжестью ко дну тянуть будет, а ещё надо за Мариной следить. Благо из оружия только пистолет, да и то «ТТ», что в деревне у убитого грабителя забрал. Свой «Грач», хоть и жалко было, оставил вместе с «наганом» под деревом. Выйдут к своим, наверняка обыщут, а не существует такого пистолета, да и год выпуска 2012-й. За происки вражеской разведки примут. А ему сейчас даже тень подозрения навлекать нельзя.

Поднялся, пошёл по дну ногами. Девушка держалась за его рукав. Она ростом ниже, и когда вода Илье по плечи дошла, она уже дна не доставала.

Потом и он поплыл, как буксир Марину за собой влачил. Плохо, что течением их сносило в сторону немецких позиций. Будь он один да без сидора, уже на том берегу бы был. Березина в этом месте, в верховьях, метров семьдесят шириной, однако дно илистое и берега топкие. Уже большую часть акватории одолели, как рядом рыбина крупная плеснула, круги по воде пошли. Марина испуганно вскрикнула. С немецкой стороны услышали, пулемётчик огонь открыл. Пули пока ложились далеко, но если пустят ракету, им не скрыться. Сам бы нырнул, пять-десять метров под водой проплыл. А с сидором и Мариной на буксире невозможно. В ответ на стрельбу с немецкого берега, ударил «максим» с нашей стороны. Видимо, наш пулемётчик ещё днём засёк позицию немецкого, потому что немец стрельбу прекратил. Уже темнел восточный берег реки, а Илья из сил выбился. Казалось – гребёт, а берег не приближается. Но вот ноги достали до вязкого дна, обрадовался. Медленно, выдирая берцы из ила, к берегу двинулся. Вскоре и Марина дно нащупала. А из темноты окрик.

– Стой! А то стрелять буду.

– Свои.

– Нет там своих.

– Командира позови.

– Стой в воде.

Илья уже по пояс в воде, за ним Марина. Лето, а вода прохладная, из ручьёв и болот река подпитывается. С берега густой бас.

– Выходите, а руки в гору.

Уже у берега Илья Марину за руку взял, начал подталкивать, девушка совсем обессилела. На берегу две тёмные фигуры. Один из бойцов помог, протянул руку, буквально выдернул Марину из воды.

– Ой, баба! – удивился кто-то.

Илья сам выбрался на берег. С сидора, с обмундирования вода ручьём текла. То ли на голос, то ли на белую рубаху девушки немец среагировал, а дал длинную очередь веером.

Илью по ноге как палкой ударили, упал.

– Ложись! – закричал часовой.

Да поздно уже. Разводящего, которого привёл часовой, насмерть сразу, Илью ранило. Сначала боли не было. Онемела нога, затошнило, закружилась голова. Вокруг Ильи по грязному берегу Марина на коленях ползает.

– Ой, родненький, задело? Куда? Где болит?

– Нога.

Часовой винтовку на плечо ремнём забросил.

– Поднимешься сам?

– Попробую.

А нога подгибалась. Марина помогла, поднялся Илья. А часовой совет даёт:

– Да брось ты сидор свой.

– Ага, брось! Мы из-за него жизнью рисковали, а ты – брось!

– А что у вас там?

– Командиру покажу.

Повернули от реки вглубь. Илье приходилось скакать на одной ноге. По другой по бедру текла кровь – тёплая, липкая. С трудом он спустился в траншею. Тут уже часовой помогал пробраться до крохотной землянки командира взвода. Командиром оказался усатый старшина в возрасте.

– Вот, товарищ старшина, задержал двоих. Через реку переплыли. Немец из пулемёта обстреливать стал, сержанта Витковского убило, а его в ногу ранило.

– Санинструктора позови, – приказал старшина. – А вы присаживайтесь. – Рядом с лежанкой старшины снарядный ящик, Илья с трудом уселся. Нога болеть стала, мутило.

– Кто такие?

– Марина, горловину развяжи, – снял с шеи лямки и протянул сидор девушке Илья.

Марина ослабила брезентовые ремни, растянула горловину, Илья рукой ухватил мокрое полотнище, развернул. Землянка освещалась коптилкой, но её скромного света хватило, чтобы старшина понял, проникся. Поднялся командир взвода, пуговицу на гимнастёрке застегнул, надел фуражку, вытянулся по стойке смирно и руку вскинул к козырьку, честь отдавая.

– Вопросов не имею. Знамя сейчас же в штаб батальона передам, а они дальше по инстанции. Девушка тоже из полка?

– Рядовая Ильичёва, машинистка из штаба.

– Старшина, она одна тащила на плащ-накидке раненого командира полка и знамя. Командир, к сожалению, скончался. Похоронили мы его. Я на карте трофейной отметку сделал. – Илья хотел вытащить карту из-за пазухи, а в глазах потемнело, резко слабость навалилась, и он потерял сознание.

Очнулся от яркого света, бьющего в глаза. Повертел головой! Настоящий школьный класс, чёрная доска на стене, мелом химические формулы выведены. Рядом с кроватью Ильи другие кровати стоят, с ранеными. У одного голова перевязана, у другого грудь в бинтах. Острый

запах лекарств, крови, а в общем – запах беды, страданий. Илья попытался соседа спросить, где он, а голос хриплый, тихий, во рту пересохло всё. Медсестра, которую он не сразу увидел, в углу она была, подошла.

– Пить хочешь?

Илья кивнул. Медсестра поильник к его губам поднесла. Илья припал жадно и не отрывался, пока не опорожнил. Сразу голос появился.

– Сестричка, где я?

– В госпитале, хирургическое отделение. У вас ранение в ногу, много крови потеряли.

– Какое сегодня число?

– Двенадцатое июля.

Ни фиги себе, несколько дней в госпитале был. Сразу испугался. А вдруг ногу ампутировали? Скосил глаза вниз, увидел – обе ноги на месте. Только левое бедро в бинтах. Сильно хотелось есть. Сестричка принесла жиденького перлового супчика, хлеба, покормила с ложечки. Неудобно лёжа есть, руки-то не отсохли, а голову поднять сил нет. А на ужин дали макароны и селёдку.

Илья уже чувствовал себя лучше, сам смог поесть. Один вопрос вертелся на языке, спросил медсестру.

– Когда меня ранило, со мной девушка была.

– Вас на грузовике привезли, одного. Никакой девушки не было.

Жаль. Ни полевой почты её не знает и своей, впрочем, тоже.

По репродуктору в коридоре начали передавать сводки Совинформбюро. Раненые открыли дверь из палаты, чтобы слышнее было. Левитан ликующим голосом объявил, что части Красной армии перешли в контратаку в районе Витебска.

Ого, немцы уже далеко продвинулись за те несколько дней, что Илья валялся в беспамятстве.

На самом деле, 22-я, 19-я и 20-я армии Западного фронта перешли в наступление с задачей освободить Витебск. 3-я танковая группа вермахта отразила наступление. Одновременно 19-я танковая дивизия Кнобельсдорфа и 14-я моторизованная Генриха Воша взломали оборону советских войск севернее Полоцка и устремились на Невель, выходя в тылы нашей 22-й армии Ершакова. Наша армия вынуждена была отойти.

2-я танковая группа немцев наступала на Смоленск и Кричев, охватывая фланги нашей 13-й армии, обороняющейся в районе Могилёва. Вскоре армия попала в окружение.

За пару дней выспался от души, ощущая себя впервые в безопасности. А потом пришёл военный. Зайдя в палату, спросил:

– Кто сержант Сафронов?

До Ильи не сразу дошло, что спрашивают его. Представлялся он этой фамилией несколько раз, но это за линией фронта было. К тому же после заплыва через Березину чернила в красноармейской книжке наверняка поплыли.

– Я! – отозвался Илья с задержкой.

– Что-то вы медлите, сержант, – подошёл к нему военный.

– Никак в себя не приду, крови много потерял.

– Да, мне сказали.

Военный достал из кармана удостоверение сотрудника военной контрразведки. Грозной организации «Смерш» ещё не было, но сердце ёкнуло. Неужели по его душу? Контрразведчик удостоверение убрал в карман.

– Во-первых, передаю вам благодарность командования за вынесенное с временно оккупированной территории знамя полка.

– Спасибо. Только моё участие невелико было. Девушку надо благодарить, Мариной звать, она машинисткой была в штабе полка.

– Да, она уже всё рассказала. Теперь давайте подробнее о полковнике.

– В голову ранен был и умер на наших глазах. Мы его похоронили.

– Можете на карте показать место?

– Могу.

Контрразведчик достал из командирской сумки карту, развернул. Илья нашёл место, показал пальцем. Опер поставил точку карандашом.

– Я напишу протокол допроса, вы подпишете. Два свидетеля есть, что он погиб от ран и захоронен. Заслуженный командир, надо похоронку родным послать и в архив передать. Чтобы без вести пропавшим не числился.

Опер писал быстро, сунул бумагу – стандартный бланк допроса свидетеля. Илья бегло прочитал, подписался. Контрразведчик поднялся.

– Ещё один вопрос, последний. Что за форма на вас была? Я имею в виду, когда доставили.

– Мне повоевать немного пришлось. Форма в негодность пришла. Стырил у немцев, когда сушить её повесили. И оружием повоевал трофейным.

– Бывает.

Оперуполномоченный ушёл, Илья задумался. Допрос мог быть предлогом для посещения. Почему органы контрразведки заинтересовались его обмундированием? Выздороветь бы побыстрее и в действующую часть влиться, коли к своим довелось попасть.

Дня через три вставать с кровати начал, молодой и здоровый организм восстанавливался быстро. А покой и нормальная еда способствовали. А с каким наслаждением он помылся, когда объявили банный день! Немного же человеку для счастья надо. Через десять дней его признали годным к строевой службе, рана была сквозной, кость не задета. В госпитале его, как и других, признанных годными к службе, переодели в форму. Гимнастёрка и галифе были поношенными, но стираными и глаженными. Кроме того, сапоги выдали кирзовые и портянки. Каптенармус покопался в ящике стола, достал две петлицы с треугольничками.

– Сам пришьёшь, не барин.

Пока ждали грузовик, Илья петлицы пришил к воротнику гимнастёрки. Из всего имущества только справка о ранении и красноармейская книжка. Записи расплылись от воды, страницы слиплись. Но всё же документ. На подошедший «ЗИС-5» усадили восемнадцать бывших раненых, повезли. Один из солдат сказал.

– Знаю я эти места, бывал до войны. К Смоленску едем.

Под этим городом шли ожесточённые бои. По прибытии в дивизию их построили. Убыль в ротах и батальонах большая, даже такому пополнению рады были. Капитан, обходивший жиденький строй, спрашивал:

– Фамилия?

Найдя в списке, спрашивал:

– Специальность?

Имелась в виду воинская. Илья схитрил. Он не знал, кем был настоящий Сафронов. Назвался сапёром. Капитан показал рукой в сторону.

– Видишь лейтенанта? Тебе к нему.

К лейтенанту подошёл ещё один солдат.

– С немецкими минами встречались? – спросил лейтенант.

– Сержант Сафронов. Вообще-то я служил в отдельном инженерно-сапёрном батальоне.

– Диверсант? – сразу сообразил комвзвода. – Тогда какого чёрта тебя ко мне определили? Впрочем, для тебя работа тоже найдётся. За мной!

Война всего месяц шла, боевого опыта военнослужащие не имели, и каждый боец, понюхавший пороха, был ценен. Илья же был кадровым офицером, факт этот приходилось скрывать, и имел боевой опыт, пусть не большой.

Командир взвода Ордынцев подвёл пополнение к армейской потрёпанной палатке.

– Давайте красноармейские книжки, мне вас в списки внести надо, поставить на довольствие. Располагайтесь пока.

В палатке десять солдат. Всё, что осталось от взвода. В дальнем углу скромное имущество – миноискатель, несколько щупов и «кошка». Перезнакомились. Из сапёров только трое успели отслужить до войны по году, по два. Остальные призваны из запаса, служили срочную пять-семь лет назад. Вернулся лейтенант.

– Сафронов, ко мне! Это что у вас за документы!?

– Ранен был, через Березину переправлялся, замочил. Виноват.

Армейский закон – повинись, хоть не виноват, и получишь меньшее взыскание.

– Безобразие! Чернила расплылись, отдельные буквы разобрать только можно. Ладно, выпишу новую книжку, диктуйте данные.

Илья хорошо помнил, что в книжке записано было, продиктовал фамилию, имя, отчество, год рождения, даже номер воинской части назвал.

– Это уже лишнее, выдаём мы, стало быть, и номер части наш уже будет.

На следующий день уже после полудня Илья получил новые документы. Для него одно было хорошо: в красноармейских книжках не было фотографии, их ввели значительно позже. А в офицерских удостоверениях личности фото было.

Илья дезертира Сафронова не видел никогда, предположить не мог – похожи или нет. Этим же днём, уже после ужина полк подвергся бомбардировке. Налетели «Юнкерсы-87», прозванные «лаптёжниками» за обтекатели на неубираемом шасси. Вообще солдатские прозвища очень меткие – не в бровь, а в глаз. Например, нашу сорокапятку именовали «Прощай Родина». Потому как маломощной была и при танковой атаке расчёты орудий зачастую погибали. Немцы не уступали. Наши «катюши» прозвали «сталинским органом», за вой, который издавали ракеты. А немецкие лётчики и зенитчики именовали наш штурмовик «Ил-2» «цементным самолётом» за то, что при множестве попаданий не падал.

«Лаптёжники» выстроились в большой круг, ведущий вошёл в пике, сбросил бомбы. Отвернул в сторону и стал набирать высоту, встраиваясь в круг. Следом стал пикировать второй бомбардировщик. Сверху, над бомбардировщиками, барражировали «мессеры». Только с нашей стороны никакого противодействия не было. Ни наших истребителей, ни зенитного огня. А стрелять по самолётам из винтовок – только попусту жечь патроны.

Бомбёжка с пикирования всегда более точная, чем обычная, применяемая по площадям. Немцы этим приемом владели отлично, ухитрялись попасть в одиночную цель – танк, орудийный капонир.

Как только началась бомбёжка, Илья спрыгнул в старую воронку, где

на дне уже набралась подпочвенная вода. Лучше промочить ноги, нежели получить осколок. За ним в эту же воронку прыгнули ещё несколько сапёров. Взрывы следовали один за другим, потянулся чёрный дым с едким запахом горячей резины. Не иначе в автомашины бомбы попали. А под конец один пикировщик сбросил странную бомбу. Выла и свистела она сильно, вселяя в бойцов страх. Бомба упала недалеко от бойцов и не взорвалась. Когда «лаптёжники» улетели, бойцы подошли посмотреть. Оказалось – пустая бочка из-под бензина, стенки продырявлены со всех сторон. При падении воздух попадал, издавая леденящий вой. Один из солдат сплюнул.

– Вот же что делают, скоты!

Другой боец не согласился.

– Лучше бочка, чем бомба.

Утром Илью вызвал Ордынцев.

– Сафронов, бери двух бойцов, на складе получишь два ящика взрывчатки, взрыватели и бикфордов шнур. Полуторка к складу подойдёт. Ваша задача взорвать мост через Проню. Карту читать умеешь?

– Умею.

– Показываю. Вот река, вот мост. Чтобы к вечеру моста не было, приказ сверху.

– На этом берегу точно наши?

– Сам знаешь, обстановка меняется быстро. Пока наши. Удачи.

Илья едва не послал его к чёрту, как у них в отряде принято было. А сейчас лейтенантом это может быть воспринято неправильно.

Складом была землянка. Когда Илья подошёл к ней с бойцами, предупреждённый старшина сразу выдал два ящика с тротиловыми шашками, детонаторы.

– Тебе сколько шнура?

– Минут на десять-пятнадцать, причём в двух экземплярах.

– Не учи учёного, ящиков-то два.

Время горения бикфордова шнура определялось по меткам на оболочке шнура. Старшина отмерил, отрезал. Пока Илья шнур в кольцо сворачивал, завскладом отрезал второй такой же кусок.

– Распишись!

К землянке подъехала полуторка. Из кабины высунулся водитель.

– Это вас везти?

– Нас. Не развалишься по дороге?

Полуторка, выдавшая виды, с латками, довоенного выпуска, при двух фарах. С началом войны стали для экономии ставить одну фару и передние

крылья не штампованные, а гнутые и сваренные, по упрощённой схеме.

Дорога мало сказать скверная. Перед войной главная дорога Белоруссии – Брест – Минск – Москва приобрела булыжное покрытие, асфальт уже после войны постелили. А другие дороги или грунтовые или щебёнка. А эта разбита гусеницами бронетехники, вся в воронках от снарядов и бомб, на обочинах разбитая и сгоревшая техника. Водитель матерился отчаянно, лихо крутил баранку. Грузовик бросало по дороге, как утлую лодку в шторм.

Чем ближе к цели подъезжали, тем у Ильи тревожнее становилось на душе, потому что движение на дороге прекратилось. Знак тревожный.

– Притормози и глуши мотор, – приказал Илья.

– Не доехали же! – буркнул водитель, но приказ выполнил.

Илья дверцу кабины открыл, на подножку встал. Отчётливо были слышны выстрелы пушек и едва различимы пулемётные очереди. Судя по звукам, впереди, на удалении полтора километра, бой идёт. Как бы не попасть под раздачу. У сапёров в кузове винтовки, у Ильи «наган» 1905 года производства с семью патронами в барабане и без запасной пачки. Появись немцы, не отобьёшься. А мост, их задание, как раз там. За неисполнение можно под трибунал угодить, и по военному времени наказание суровое – расстрел.

– Трогай, – сказал водителю Илья. – А вы по сторонам смотрите.

Это он сапёрам в кузове. Из кузова обзорность лучше, опасность увидят раньше. Проехали немного, за поворотом несколько бойцов в окопе, ручной пулемёт на бруствере. А на дороге старший лейтенант руку поднял. За заставой в полусотне метров мост, который Илья с сапёрами взорвать должен. Водитель грузовик остановил. Илья из кабины выбрался.

– На ту сторону нельзя, – сказал старший. – Наши сюда прорываются, бой идёт.

– У меня приказ мост взорвать.

– Не дам! Как наши выходить будут? У меня тоже приказ – держать мост до последнего.

Старлей званием и должностью выше сержанта. Илья подчиняться должен. Но в итоге за невзорванный мост отвечать ему.

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите мост заминировать. В последний момент рванём, когда немцы подступят.

Старший думал недолго.

– Валяй.

Видимо, сам понимал, что мост целым сдавать нельзя. Илья сразу к сапёрам.

– Берите ящик, устанавливайте на дальней опоре, второй ящик у ближней.

– Да какая разница?

– Разговорчики! Сам с двух раз догадаешься?

Сапёры по пустынному мосту понесли ящик. Долго возились под мостом. Неудобно закладывать взрывчатку на высоте, когда лестницы нет. Сапёры выход нашли. Один влез на плечи другого, втиснули ящик. Сапёр вытащил из ящика брусок тротила, вставил взрыватель, в него бикфордов шнур. Тротил в ящик вернул. Теперь осталось только поджечь свисавший изрядный конец бикфордова шнура и всё, взрыв прогремит неминуемо. Двух ящиков с лихвой хватит, чтоб обрушить мост.

Подготовили мост к взрыву, приходилось ждать. Стрельба приближалась, наши медленно пятились, немцы напирали. Обычно наступающие теряют своих солдат втрое больше, чем обороняющиеся. Сейчас расклад был иной. Потери наших войск среднесуточные двадцать три тысячи двести десять человек, а у немцев четыре тысячи пятьдесят.

На тридцать первый день войны 21-я армия Западного фронта отошла к Днепру на участке от Рогачева до Жлобина. В этот же день решением военной коллегии Верховного суда СССР за поражение войск Западного фронта приговорены к расстрелу командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов, начальник штаба В.Е. Климовских, начальник связи фронта А.Т. Григорьев, а также командующий 4-й армии А.А. Коробков. При этом ни один из комиссаров не пострадал, хотя единоначалия не было.

Ставка Верховного главнокомандования издала директиву о вводе в сражение на Западном направлении эшелона резервных армий – 29-й, 30-й, 24-й и 28-й, сосредоточенных на линии Осташков – Брянск. Ставка решила силами этих армий нанести удар сходящимися направлениями на Смоленск.

На шоссе Могилёв – Мстиславль, где у моста через Проню находился с сапёрами Илья, показались первые грузовики с ранеными. Как только они проехали, показался конный обоз. Возчики нахлёстывали усталых коней, стремясь побыстрее перебраться через мост, на другой берег. За обозом потянулись красноармейцы. А стрельба всё ближе. Неожиданно взорвался снаряд прямо посередине реки. Обычно немцы старались по мостам не стрелять, надеясь их захватить.

Илья нащупал коробок спичек в кармане. Спички специальные, для сапёров. Впрочем, их и другие рода войск используют. Горят под дождём, сильным ветром – пока сама не догорит, не погасишь. Ныне это в порядке вещей, а тогда редкость. Илья подошёл к старшему лейтенанту.

– Я на другой берег перейду. Как можно будет подрывать, дайте сигнал.

– Какой?

– Ну, хотя бы фуражкой махните.

– Принимается.

Илья сапёров проинструктировал.

– Следите за старшим лейтенантом. Как отмашку даст фуражкой, поджигайте бикфордов шнур, а я на той стороне запалю.

Илья с трудом прошёл по мосту. Народу много, военные и гражданские, он один против движения. Уселся недалеко от моста на пригорке, лицом к шоссе. Так и другой берег видно, где старлей, и шоссе справа. Большая часть отступающих прошла, да не все.

Неожиданно раздался рёв мотора, потом пулемётный выстрел. На шоссе ворвался танк. Окраска серая, очертания угловатые. Немец! Танк принялся крушить всё – повозки, машины, давить людей. Один грузовик сброшен с шоссе в придорожную канаву, следующий буквально смят. Минуты и танк прорвётся к мосту. Илья вскочил, повернулся к другому берегу. Почему старлей медлит, не подаёт команды? Ослеп и оглох? Илья закричал изо всех сил.

– Прочь с моста, сейчас взорвётся!

Да кто его расслышал за криками паники и страха? Наоборот, люди ринулись на мост, сбивая друг друга в воду. Кого-то сбили с ног, крики! Ждать некогда. Илья сбежал по насыпи, спотыкаясь и оскальзываясь на траве. Вытащил коробок, раза в три больше обычного. Где ящик с тротилом и шнур? Ящик высоко, только угол виден, зато бикфордов шнур свисает и до него можно дотянуться. Илья достал спичку – почти в ладонь длиной, значительно толще обычной, чиркнул об обмазку коробка. Яркая вспышка, дым с противным запахом, от которого сразу в горле запершило. Поднёс пламя к бикфордову шнуру. Почти сразу зашипело, дым струйкой от шнура пошёл. Всё, надо убираться отсюда как можно быстрее. Сначала побежал по берегу по течению, увидел прибившуюся к земле корягу. Столкнул её в воду, из нагрудного кармана достал красноармейскую книжку, взял зубами за её уголок. Оттолкнулся, вцепился в корягу и поплыл. Вот-вот грянет взрыв. От моста на полсотни метров отплыл. Если бы под опорой лежала бомба, а не безоболочный тротил, ему не выжить – осколки далеко летят, за сотню метров, а то и дальше. Река помогала течением. Илья беспокоиться стал. Вдруг шнур погас или не сработал взрыватель? Танк уже на подходе к мосту. Люди в панике бросаются с моста в воду. И тут грянул взрыв! Всё заволочло дымом, быстро поднявшимся вверх. Танк, передними катками

въехавший на мост, нагнулся, полетел вниз и перевернулся, упав в воду, поднял огромный фонтан брызг. Пролёт моста рухнул, но полностью не упал, стоял под наклоном. Люди, из тех кто остался на мосту, бежали к восточному его концу. И тут второй взрыв. Это его сапёры, пусть и с задержкой, взорвали второй ящик тротила.

Всё, задание выполнено. Илья заработал ногами, коряга стала приближаться к другому берегу. Очень медленно, течением вниз её сносило быстрее. Река сделала поворот, обрушенный мост, люди на берегу, всё исчезло из вида. Сколько он проплыл? Триста метров, пятьсот? Да какая разница? Корягу прибило к берегу, он встал на ноги, выбрался на берег. На красноармейской книжке два маленьких пятнышка от воды. Документ убрал в карман, потом лёг на спину, задрал обе ноги. Из сапог с шумом вылилась вода. Не теряя реку из вида, пошёл по редколесью. Надо выбираться к шоссе. Там грузовик, сапёры. Выбрался. На этой стороне никого нет. Ни старлея с бойцами, ни полуторки с сапёрами. А на другой стороне ад! Вслед за первым танком вырвались ещё два и несколько бронетранспортёров. Стреляли из пулемётов по людям, давили гусеницами. Страшная картина и помочь невозможно. Конечно, значительная часть гражданского населения и военных успела пройти по мосту. Не взорви Илья мост, немецкие танки уже были бы здесь, на этом берегу. Возможно, люди разбежались бы, остались целы. Но какой ценой? Обидно было. Илья попал в сорок первый из лучших для армии времён, когда Шойгу возродил армию. Появилось новое вооружение, новые технологии, взять те же беспилотники, танки «Армата». И служить в армии стало не зазорно, на срочную службу шли с желанием. И видя сейчас, как отступает Красная армия, с большими потерями, неорганизованно, было досадно, сердце щемило.

Шагал по шоссе, пока не уткнулся в заслон.

– Стой! – раздался приказ. – Кто такой? Документы!

Вот где пригодилась красноармейская книжка. Илья предъявил.

– Окруженец?

– Никак нет. Выполнял с группой сапёров приказ – взорвать мост через реку Проню.

– Успешно?

– Сами видите, через мост никто не идёт и не едет, на шоссе пусто.

– Не поторопился?

– Вместе с мостом в реку рухнул немецкий танк. Можете сами убедиться, если смелости хватит к берегу выйти. Там сейчас немцы наших танками давят.

– Сержант, что вы себе позволяете? – разозлился командир заслона.

Или заградотряда? Были такие в первый год войны. Задерживали красноармейцев и командиров, собирали в команды, передавали на пополнение в соседние части.

Но Илью не стали задерживать. Документы в порядке и ведёт себя независимо. Окруженцы или отступающие вели себя по-другому, чувствовали свою уязвимость.

На машине до моста добрались быстро, а шагать пришлось долго. Хорошо, у Ильи зрительная память отличная. К вечеру добрался до расположения части. Нашёл командира взвода, доложил о выполнении задания.

– Жив? – удивился Ордынцев. – А сапёры сказали – погиб при взрыве. Я уже похоронку написал, только отправить не успел.

– Значит – жить долго буду, примета такая есть.

– Боец Красной армии, а в дремучие приметы веришь, – укорил лейтенант. – Ладно, иди на кухню, там оставляли ужин для нарядов.

И на том спасибо. На фронте поесть, да ещё горяченького – большая удача. Кормили скудно, но в тылу было ещё хуже. Из-за наступления немцев зерновые на корню сгорели, а север страны да Сибирь урожая скудные давали.

Глава 5

В разведке

После ужина Илья зашел в жилую палатку. Те два сапёра, что с ним на задание ходили, увидев его, остолбенели.

– Мы думали – ты погиб, лейтенанту доложили, – повинились они.
– Рано хоронили. Почему медлили со взрывом?
– Старший лейтенант не давал. А как ты взорвал пролёт моста со своей стороны, тут и мы своё дело сделали.

– Я же вам сигнал подавал рукой. А уехали зачем? Я полдня пёхом добирался.

– Так подумали – погиб. Кого ждать?

– Ненадёжные вы товарищи, подведёте в серьёзной ситуации.

Илья не кривил душой. Пока не увидел тело убитого товарища, нельзя утверждать, что он мёртв. Обязательно во время операции или после неё найди сослуживца. Ранен если, окажи первую помощь, доставь в санбат или госпиталь. Убит – вынеси к своим, а если невозможно, похорони, на карте отметку сделай и документы погибшего воина командованию сдай. Сапёры же слиняли, убоявшись пушечно-артиллерийской стрельбы на другом берегу. Зарубочку в памяти себе сделал – с этими на боевые задания не ходить. Люди всегда проявляют себя в тяжёлой, экстренной ситуации. Сколько Илья видел хороших вроде бы парней. Душа компании, балагур, рубаха-парень, свой в доску. А в критической ситуации трусили, жизнь свою спасая. Вокруг таких в отряде некая пустота образовывалась. Потом сами уходили или командиры переводили их в другие подразделения, где риску меньше. Отдохнул день. Отдых в армии дело относительное. Не было боевых заданий. Потому как весь взвод, вернее остатки его, готовили противотанковые мины. Главная ударная сила вермахта – танковые войска. Выбей танки, остановится наступление. Самые танкоопасные места, это ровные поля, луга, где масса танков развернуться может. В лесу или горах, а хуже того – в болотистой местности танки действовать не могут. И в городе уязвимы. У танка обзорность скверная, из любого подвала или этажа могут противотанковую гранату бросить. А ещё – пушка танка, как и пулемёта, не может подниматься на большой угол, мёртвая, непростреливаемая зона получается.

Средств борьбы с танками в сорок первом было немного.

Противотанковых гранат не хватало, к тому же очень тяжёлые, бросать с близкого расстояния надо, а кто же из танкистов подпустит близко пехотинца? Если только из траншеи, когда танк в нескольких метрах. С артиллерией тоже плохо, многие полевые орудия были захвачены в артиллерийских парках, часть уничтожена при бомбёжках. Противотанковых пушек не хватало, да и слабы были. В середине тридцатых СССР купил у Германии лицензию на выпуск 37-мм пушек, наложили на лафет ствол более крупного калибра – 45 мм. Получилось лучше, чем у немцев. Но танковая промышленность не стояла на месте, росла толщина брони и сорокапятка эффективно могла бороться с танками на коротких дистанциях – 150, 200 метров. Только в сорок втором году, с выпуском грабинских дивизионов, положение выправилось.

Противотанковые мины были дешёвым, эффективным и грозным оружием. Ночью, когда ни наземная, ни авиационная разведка не могла засечь постановку минных полей, взвод выехал к передовым позициям на двух грузовиках. В одном сапёры и шанцевый инструмент, в другом – ящики с минами. В расположении наших войск окопы и траншеи неполного профиля. Половину ночи перетаскивали ящики с минами на позиции, ввиду открытой местности машины близко подойти не могли – опасно. Случайная пуля, и грузовик в пыль превратится, разрушив всё вокруг на сотню метров. В каждой mine, с виду круглой, 5 килограмм взрывчатки. Нагрузившись минами, а каждый сапёр по две штуки нёс, да ещё и сапёрную малую лопату, пошли в сторону противника. Капитан пехотной роты, на участке которого проводилось минирование, утверждал, что до немецких позиций четыреста-пятьсот метров.

Командир сапёрного взвода приказал зайти на нейтральную полосу наполовину, расставить мины в шахматном порядке. А как ночью понять, сколько прошёл? Шагами? Так на своих двоих только малую часть пути прошли, потом поползли. Никому не хотелось поймать шальную пулю. Немцы периодически пускали осветительные ракеты, постреливали из пулемётов.

Когда предполагаемые двести метров сапёры преодолели, лейтенант махнул руками в обе стороны. Сигнал – разойтись и ставить мины. Дело нехитрое. Сапёрной лопатой лёжа вырыть ямку, желательнее дёрн аккуратно снять, выбрать землю, раскидать по сторонам, уложить мину, сверху вкрутить взрыватель, прикрыть дёрном. Немецкие танкисты непонятные холмики или подозрительные места объезжали, поэтому мины маскировали по возможности. Илья свои две установил, вернулся к траншее за минами. Чтобы не ходить лишней раз, снял с себя ремень, пропустил через

проволочные ручки мин, две перебросил через плечо, а две в руки взял. Груз опасный и тяжёлый, рискнул, не полз, шёл ногами. Лейтенант увидел, сказал вполголоса.

– Сафронов, ты что же делаешь? Смерти ищешь? Вот вернёмся, получишь два наряда вне очереди.

– Слушаюсь, лучше на кухню.

Илья мины установил, землю раскидал. Вроде хорошо получилось. Но это ночью, в темноте. Но не будут ли мины заметны днём? Похоже, не все сапёры тщательно маскировали мины, потому что Илья задержался дольше всех. Сослуживцы уже поползли назад, Ордынцев приглушённо крикнул, приложив ладони ко рту:

– Сафронов, чего возишься? Возвращаемся.

Работа окончена, можно к передовой, да налегке. Чтобы лопата не мешала, Илья её за пояс сзади черенком заткнул. И проползли всего-то несколько минут, как слева вскрик. Почудилось? Слева лейтенант должен быть. Присмотрелся Илья. Кто-то лежит, а над ним ещё тёмная фигура. Пуля в комвзвода угодила? Рядом с первой ещё фигура возникла. Неладное творится. Илья лопату из-за пояса вытащил, в руку взял. Немецкая разведка? Или наши сапёры? Голос не подашь – спросить, да если немцы, велик риск очередь в ответ получить. Пополз в сторону лейтенанта, а одна из фигур к нему метнулась. Илья вскочил, у лежащего человека манёвра нет. Подбегавший не в пилотке, как у сапёров, а голова капюшоном накрыта. С ходу попытался Илью ножом ударить, да не на того нарвался. Илья боковой стороной лопаты по руке с ножом рубанул и вторым ударом, тычком штыком лопаты в шею. Враг рухнул. И только сейчас Илья припомнил, что немцы уже час как из пулемётов не стреляют и осветительных ракет не пускают. Объяснение простое – их, немецкая разведка на нейтралке. Выхватил револьвер, не целясь, выстрелил в тёмную фигуру раз, второй. Тут же упал на землю, перекатился. В темноте прицелиться невозможно – ни мушки, ни целика не видно, да и сама цель смутно видна. Но, похоже, зацепил. Со стороны нашей передовой винтовочный выстрел. Ага, часовой услышал револьверные выстрелы на нейтралке, тревогу поднял, видел, что сапёры минировать шли. В сторону немецких позиций несколько теней метнулись. Если группа обнаружена, чего уж скрываться? И через малое время с нашей стороны топот.

Илья крикнул:

– Я сапёр, не стрелять!

К нему подбежали двое.

– Что за стрельба?

– Я стрелял, появилась немецкая разведка. Похоже – одного лопатой зарубил, в другого стрелял. А ещё человек пять к немцам побежали.

– Показывай.

Илья повёл бойцов в сторону лейтенанта. Тут же выстрел ударил. Боец упал, сорвал с плеча автомат, дал короткую очередь.

– Сдавайся, не то гранату брошу! – закричал боец.

Нет ответа. Встали, осторожно приблизились. Немец был убит автоматной очередью. А рядом – Ордынцев, мёртвый. Ножом в спину убит. Боец товарищей кликнул. Двое нашего лейтенанта взяли, ещё двое – немца, понесли к своим позициям. Боец спросил:

– Где ещё один? Которого ты лопатой?

– Подальше.

Илья прошёлся зигзагом, наткнулся на тело. Боец подозвал ещё двух красноармейцев. Убитого понесли к нашим траншеям. Туда же направился Илья с бойцом. Немцы не стреляли, боясь задеть своих. Но только Илья и бойцы спустились в траншею, открыли огонь из миномётов, да поздно. Видимо, их разведка вернулась, доложила о неудачном поиске. В траншее уже пехотный капитан ждёт, сапёры. По приказу капитана тела всех убитых в землянку занесли. Здесь светло, копилка горит. Капитан сначала тело Ордынцева осмотрел.

– Ножом его убили.

Потом тела немцев. Оба в маскировочных костюмах, под ними немецкие мундиры.

– У, какие откормленные! – удивился капитан. – Надо контрразведку вызвать, пусть осмотрят. Садись, боец, ждать будем.

Капитан по полевому телефону позвонил, коротко доложил.

– Да, понял, ждём.

Пока ждали, рассвело. Контрразведчик первым делом к Илье.

– Ты их обнаружил, сержант?

– Я, сержант Сафронов. Похоже, они увидели Ордынцева, командира взвода нашего. Я сначала вскрик услышал.

– Что вы делали на нейтральной полосе?

– Всем взводом мины противотанковые ставили.

– Продолжайте.

– Ко мне один из этих направился, кинулся с ножом. Я сначала лопатой по руке ударил, потом в горло.

– Надо же, шустрый какой! У немцев в разведке подготовленные люди, а сержант его разделал, как повар селёдку. Молодец. Всё?

– Нет, мимо меня несколько человек пробежали, далеко, смутно тени

видел. Дважды из «нагана» стрелял. Часовой на нашей стороне из винтовки пальнул. Потом красноармейцы прибежали.

– Стой здесь, я тело осматриваю.

Контрразведчика не было долго. Вернувшись, сказал.

– Зайди в землянку, показания подписать надо.

В землянке усадил за стол, которым служила дверь, снятая с какой-то избы, дал бумагу, карандаш.

– Пиши, так, как мне говорил. Внизу дата, подпись.

Илья написал, бумагу контрразведчику вернул. Тот пробежал глазами.

– Складненько. Вот что, сержант. В сапёрах мужикам в возрасте служить надо. А тебе сам бог в разведке служить велел. Ты как?

– Не против.

– Я с командиром разведки потолкую. Он тебя найдёт.

– Разрешите идти?

– Разрешаю.

Сапёры тело своего командира на плащ-накидке понесли, Илья следом шагнул. Внезапно всё получилось, не ожидал. Если бы не реакция, не навыки, отработанные до автоматизма, сам бы сейчас на нейтралке лежал. Илья резко развернулся, вернулся в землянку капитана.

– Разрешите нож немецкий забрать? Если меня в разведку переведут, мне пригодится.

– Если для дела, бери. Твой трофей.

Илья ещё при осмотре тела немца обратил внимание на нож. В чёрных кожаных ножнах, ручка рифлёная, с выемками под пальцы, клинок смотрится хорошо. В деле его Илья не пробовал, но в разведку плохое оружие не берут, от этого жизнь зависит.

Сапёрам лопатой орудовать – не привыкать. Для Ордынцева могилу вырыли, завернули в кусок брезента, после полудня схоронили. Старшина водку выдал, фронтовые сто грамм. Но из-за убыли бойцов получилась двойная доза. Помянули лейтенанта. Строг был, но справедлив, не придирался из-за мелочей. Илье Ордынцева жалко было – молодой, неопытный, погиб нелепо.

Через день в сапёрный взвод появился лейтенант. Сначала все подумали – нового командира взвода прислали. А лейтенант спросил Сафронова.

– Сержант Сафронов, – козырнул Илья.

Лейтенант критически осмотрел Илью, даже вокруг обошёл. Илья немного обозлился. Чего он, как цыган при покупке лошади, ходит да смотрит. Офицер, по тогдашнему – командир, до сорок третьего года, когда

погоны в армии ввели, попросил красноармейскую книжку. Илья достал документ из кармана, протянул. А лейтенант внезапно удар нанёс. Илья, не ожидавший нападения, всё же сумел откатнуться назад, на рефлексх.

– Хм, неплохо. А с дышалкой как?

– Не курю.

– Замечательно. Мне про тебя вчера контрик рассказал. Интересно стало, как это ты лопатой немецкого разведчика убил. У них ведь подготовка серьёзная.

Контриками называли солдаты между собой сотрудников военной контрразведки.

– Случайно вышло.

– Рупь за двадцать, врѣшь!

– Тогда зачем спрашивать?

– Пойдѣшь ко мне во взвод? Спокойной жизни не обещаю.

– Пойду.

В разведку брали только по желанию бойца. Сложная служба и рискованная. Заставь человека приказом, он в поиске всю группу подвести может.

– Я твою книжку заберу, поговорю с начальством.

В сапѣрном взводе половины личного состава не хватает, и хороший командир толкового солдата добровольно не отдаст. Илья сомневался, что лейтенант добьѣтся перевода, да ошибался. Лейтенант, командир взвода полковой разведки, по роду службы постоянно общался с начальником штаба, командиром полка. Ведь разведданные он передавал им. Видимо, нашѣл аргументы, поскольку уже вечером в распоряжение взвода пришѣл разбитной сержант.

– Сафронов есть?

– Я! – отозвался Илья.

– С вещами на выход. Держи ксиву.

И протянул Илье его красноармейскую книжку. По виду сержант сильно смахивал на блатного, Илья усомнился, книжку открыл. Действительно, есть запись о переводе, как положено – подпись, печать.

– Нет у меня вещей.

– Тогда прощайся с братками и пошли.

Илья повернулся к сапѣрам.

– До свидания, славяне!

Ни с кем в сапѣрном взводе он не сблизился, потому сильно не сожалел. Пока шли к штабу полка, рядом с которым располагался разведвзвод, сержант представился.

– Моя фамилия Пакля, командир отделения. Ты чего лыбишься? Из украинцев я.

– Весёлая у тебя фамилия.

– Какая есть. В моём отделении служить будешь.

Пришли во взвод. Пакля представил его бойцам.

– Наш новый боец, сержант Сафронов.

А всё отделение шесть человек вместо десяти по штату. У бойцов весь опыт – месяц боёв. Пакля лежанку показал в землянке.

– Твоя, занимай.

Пошли экипироваться. Илья получил автомат, к нему запасной диск, две пачки патронов. А ещё маскировочный комбинезон в каптёрке, сидор. Без сидора в поиск нельзя. Надо же куда-то запасной магазин пристроить, гранаты, харчи, ежели поиск предполагался на несколько дней. Илья попросил карту.

– А нету! Наш комвзвода трофейной пользуется. Отбери у немца, будет тебе карта.

С картами было плохо. Склады с картами были частью сожжены своими при отступлении, частично немцам достались в виде трофеев. Только зачем они немцам, если качество печати их топографических карт выше? А как без карты воевать?

На следующий день Пакля решил проверить, на что новичок способен. Отвёл Илью в овраг, поставил пустую консервную банку, сам встал рядом.

– Отсчитай сто шагов и стреляй.

Чёрт! Из ППД, который получил Илья, он не стрелял никогда, а оружие для начала пристрелять надо. Пакля же бравирует, в двух шагах от банки стоит. Илья для устойчивости лёг, переводчик огня на одиночный огонь поставил, прицелился, выстрелил. Видимо, прежний владелец оружия пристреливал автомат. Оружие снаружи потёртое, но попал Илья точно. Банка от попадания пули подпрыгнула, упала.

– Хорош! А то тревога поднимется, что за стрельба в тылу, – кивнул Пакля. – Давай теперь в рукопашную.

Илья автомат отложил. Пакля напал первым. Удары наносил резкие, но Илья был готов, блокировал. Предплечьями, а потом и сам атаковал. И не руками, а ногами. Мышцы ног значительно сильнее мускулов на руках. Бил не в полную силу, только обозначал удары, но всё равно вышло чувствительно.

– Стой! – раздался голос сверху. – А то ты Паклю забьёшь. Немцев так бить надо, а не своих товарищей.

Оба сержанта головы подняли. На краю оврага стоял лейтенант

Хохлов, командир взвода разведки.

– Поднимайтесь, разговор есть.

Илья автомат поднял, на плечо повесил, привычным движением гимнастёрку оправил, складки назад согнал. Хохлов хмыкнул одобрительно. Все трое прошли в расположение взвода. Хохлов уселся на траву, разведчики перед ним. Лейтенант расстелил трофейную карту.

– Получен приказ взять языка, желательно офицера, ещё лучше – из ближних тылов.

Дураку понятно. Взводный или ротный офицер знает только положение на своём маленьком участке, и назвать может командира полка и дивизии. Требовался язык, знающий хотя бы дивизию, – направление удара, оснащённость, боеспособность. Можно подумать, такие в немецком тылу пачками ходят.

– Пакля, кого в группу берёшь?

– Вот его, – ткнул в Илью пальцем сержант, – и Ефремова.

– Не мало трёх?

– Если втроём не возьмём, то и вшестером тоже. Когда выход?

– Как стемнеет. Я на передовую сам провожу.

Так положено, во избежание несанкционированного перехода, случаи такие были. Илья задумался. Задание сложное. Правда, некоторые положительные моменты есть. Немцы наступают, дислокация войск меняется почти ежедневно, определённая неразбериха есть.

Провизию не брали, полагали – вернуться к утру. Автомат, запасной магазин, нож да кусок верёвки – весь груз. Лейтенант вечером сам группу к передовой повёл. Илья сразу недочёты в подготовке группы выявил, сказывалось отсутствие боевого опыта, за месяц войны его не наработаешь. Во первых – сапоги отечественные, во вторых – оружие. Лучше бы автомат не применять. Когда в поиске доходит до применения оружия, считай – провал. Уже не до «языков», самим бы ноги унести. Оружие следовало немецкое иметь. Случись перестрелка, немцы сразу по звуку выстрелов определяют – красноармейцы у них в тылу. А ещё – нет карты. Компас у Пакли допотопный есть, а что в нём толку без карты? Как определять местоположение? Даже мелочь взять – перед выходом не попрыгали. В момент перехода передовой оружие может предательски звякнуть, и группа обречена. Из таких вроде бы мелочей складывается успех или неудача.

После полуночи, когда эпизодические перестрелки на передовой стихли, лейтенант произнёс:

– Пора. В пять тридцать светать начнёт, вам до этого времени вернуться надо.

Метров двести шли в полный рост по нейтралке. Наши войска противопехотные мины не ставили, а если на противотанковую мину наступить, взрыва не последует, взрыватель срабатывает только под большим весом – танка, тягача, грузовой автомашины.

Илья спросил Паклю:

- Сержант, ты на той стороне бывал?
- И не раз.
- Конкретное место перехода наметил?
- Пустое, так просочимся.

Опять просечка. Днём следовало понаблюдать за передним краем в бинокль. Определить, где пулемётное гнездо, по возможности – огневые точки, часовых. Или неудобья – ручьи, овраги, заросли. Немцы в лучшем случае их заминируют либо поставят рядом часового. Немцы комфорт любят, кто поползёт в воду и будет там находиться всё время караула? Германцы слишком себя ценят. Поэтому неудобья, плохая погода – ветер, дождь, снег – самые лучшие условия для разведчика.

Дальше поползли. Сколько миновали, неясно. Пакля шепчет:

- Ты же из сапёров. Ползи первым, землю щупай.

Скорость передвижения снизилась. Илья проверит руками землю, проползёт полметра и вновь ощупывает. Недалеко от группы ракета взлетела. Сразу головы вниз опустили, замерли. Любое движение видно сразу. Когда ракета погасла, поползли. Уже табачным дымом потянуло, а затем тихий разговор послышался. Похоже, двое часовых в траншее встретились. Пришлось выжидать, пока разойдутся в стороны. А время неумолимо идёт, уже час ночи. Илья подполз к брустверу первым, за ним, по его следам – Пакля, замыкающим Ефремов. Илья в траншею заглянул, пусто. Перемахнул через неё, залёг. Так же и два других разведчика траншею преодолели. Ещё сто метров ползком, потом встали. Плохо, что никто из группы немецкого языка не знал. Ни подслушать, ни языка допросить. А ещё неизвестно расположение немецких частей. Насколько помнил Илья, вдали лес был, в ближайшем немецком тылу. Самое место для укрытия техники, расположения батарей. От леса до наших позиций километра полтора. Для пушки – тьфу, не расстояние. Да и миномёты калибром 80 мм и выше достанут.

Илья шёл медленно, вслушиваясь и вглядываясь. В случае опасности ложился. Пакля и Ефремов, следующие за ним цепочкой, повторяли его действия. Уже и лес рядом, Пакля подполз, в ухо зашептал:

- Какого лешего нам в лесу делать? Влево или вправо уходить надо.
- В лесу артиллерийские или миномётные батареи будут, штабы,

госпитали. Там языка возьмём.

– Ну, гляди мне.

Илья про себя удивился – как Пакля в разведку попал, если аналитически мыслить не может? Но Пакля старший в группе, за неудачу с него спрос будет, если повезёт вернуться.

К опушке подползали, Илья рисковать не хотел. Уже подняться хотел, а рядом хруст. Из-за дерева немец вышел. Видимо, часовой, стоял какое-то время недвижимо, прислонясь к дереву. У Ильи на лбу испарина выступила. Подождал, пока часовой спиной к нему повернётся, вскочил, в два прыжка до немца добрался, всадил ему нож под левую лопатку. Обмякшее тело подхватил, опустил на землю бережно. С Ильёй Пакля возник.

– Зачем замочил?

– Часовой, едва не напоролся на него. Как «язык» – никчёмный.

Пакля часового обыскал, из нагрудного кармана вытащил солдатскую книжку, к себе в карман сунул. Полсотни метров в глубь леса, табачным дымом запахло, потом свет фонарика блеснул. Илья замер, немец метрах в десяти. На голове ни пилотки, ни фуражки. Рядовой или офицер? В сорок первом офицеры вермахта на передовой фуражки носили. Оказалось – сильно рисковали, для нашего снайпера или пулемётчика заманчивая цель. Потери большие среди командного состава пошли, офицеры на передовой пилотки стали одевать, а в тылу – кепи, как у егерских частей.

Немец не спеша, прогулочным шагом, пошёл в сторону разведчиков. Разведчики встали за стволы деревьев. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Что тут немцу делать? Или палатка в лесу? Взять?

Немец поравнялся с деревом, за которым Илья стоял. Выбора не было. Илья сложил кисти в замок, ударил по затылку. Проверено – сознания на несколько минут такой удар лишает, но без последствий в виде амнезии или того хуже – смерти. Немец упал навзничь. Тут же разведчики подскочили. Пакля моментально руки немцу за спину завёл, связал верёвкой. Надо бы рот кляпом заткнуть, чтобы не крикнул, а кляпа нет. Ефремов ремень поясной расстегнул, задрал гимнастёрку, от полы исподней рубахи ножом полосу ткани отхватил, немцу в рот затолкал. Илья прислушался – дышит ли немец, не зашиб ли?

– Ефремов, тащи пока «языка» на себе, потом Сафронов сменит.

В одиночку, да по пересечённой местности, нести человека, равного весом – та ещё задача. Ефремов мужик молчаливый, кряжистый, раньше кузнецом в колхозе работал, мышцы буграми. Бесчувственное тело подхватил на плечо. Илья впереди, дозором, за ним Ефремов с языком,

замыкает Пакля. Илья маршрут поменял. Самое трудное – перебраться через траншею. Здесь она в одну линию, поленились немцы вторую создавать, всё равно наступать.

С наступлением у них на этом участке задержка получилась. Сначала, 23 июля, наши начали наступать на Смоленск из района Рославля, 25 июля – из района города Белый, 26-го из района Ярцево, 27 июля 22-я армия Западного фронта зацепилась на реке Ловать, где смогла удерживать позиции до конца августа. Немцы вынуждены были обороняться, подтянули резервы, и 28 июля 3-я танковая группа в 40 километрах восточнее Смоленска перерезала дорогу на Дорогобуж. Наши 16-я и 20-я армии Западного фронта оказались в окружении.

Ввиду больших потерь немецкое верховное командование издало директиву № 34, где группе армий «Центр» приказано было остановиться на занятых рубежах, прекратить наступление, закрепиться и перейти к обороне. И не только из-за потерь последовала остановка. Группа армий «Центр» начала страдать из-за нехватки топлива, боеприпасов, провизии. Их можно было доставить только грузовиками и бензовозами – железная дорога не действовала. А коммуникации растянулись на 400–600 километров фронтовых разбитых дорог. Кроме того, для подтягивания резервов из мест дислокации – в Польше, Германии, Франции – требовалось время. Немецкие стратеги при планировании операции предусмотрели не всё, не учли состояние дорог и стойкость Красной армии. Гитлер обвинил в промахах абвер.

Траншея уже в двадцати метрах впереди. Видимо – только сменились караулы, слышен бодрый разговор. Потом хлопнул выстрел, в небо полетела ракета. Дежурный пулемётчик дал очередь. ДОТа или ДЗОТа не было, пулемётчик вёл огонь из ячейки. Илья ясно видел пламя на конце ствола. Если перебираться здесь, пулемётчик представляет серьёзную угрозу. И время поджигает, до рассвета уже полтора часа. Подполз Пакля, прошептал в ухо.

– В сторону уходить будем?

– Выждем немного, я пулемётчика сниму, тогда вы вдвоём берёте языка и через траншею.

– Кто командир группы? Я или ты?

– Тогда предложи другой вариант.

Пакля помолчал. Видимо – ничего другого в голову не пришло.

– Ладно, действуй!

Илья пополз к пулемётному гнезду. Стрельба прекратилась. Пулемётчики сели есть. Слышно было, как они скребли ложками по

консервной банке. Потом банку вышвырнули за бруствер, чиркнула зажигалка, потянуло дымом. Илья осторожно выглянул. Один пулемётчик откинул крышку на пулемёте, заряжал новую ленту, другой ему что-то рассказывал. Оба спиной к Илье. Разведчик повертел головой – не видно ли кого в траншее? Пусто. Вытянул нож, прыгнул. Первому сразу под лопатку, раз и второй, положил тело. Второй почуял неладное сзади, успел повернуться, а смерть уже вот она. Илья в сердце ударил. Пулемётчик вскрикнуть не успел. Илья из пулемёта затвор вытащил, зашвырнул далеко вперёд. По крайней мере, этот пулемёт им в спину стрелять не будет. Выскочил на бруствер, рукой махнул. Увидит ли сержант? Увидели. К траншее «языка» подтащили. Илья несколько шагов к ним сделал, помог немца принять. Оба разведчика траншеею перескочили. А дальше ползком. Илья опасался противопехотных мин, а ещё пустых консервных банок. Заденешь неосторожно – звякнет. Колючей проволоки немцы поставить не успели. Проползли четверть часа, встали, немца втроём взяли и бегом к нашим позициям. Илье показалось – долго бегут, уже дыхание сбиваться стало. И окрик часового.

– Стой! Кто идёт? Стрелять буду.

Пакля ответил ядрёным матом, потом добавил:

– Разведка!

Оказалось, вышли в расположение своего полка, но не там, где выходили в поиск, а на позициях другого батальона. Но разобрались быстро. Комбат провожатого дал, чтобы сопровождал. Пока добирались по известным ходам, светать начало. У разведчиков напряжение отпустило. «Языка» взяли, сами целые остались, такое везение не всегда бывает. А уж как Хохлов обрадовался! «Язык» к тому времени в себя пришёл. Сначала дёргаться начал, да Ефремов ему кулак показал.

– В плену ты! Гитлер капут. Так что заткнись!

Пленного на ноги поставили, кляп изо рта вытащили. Даже если заорёт, уже никому не навредит. Все вместе дошли до штаба полка. Хохлов с пленным к ПНШ по разведке ушёл. ПНШ – это помощник начальника штаба. В полку ПНШ, в дивизии – начальник разведки и в подчинении у него уже разведрот. Пакля спросил:

– Ну что, кореша, спать завалимся или подождём?

Допрос мог идти долго. Ефремов и Илья переглянулись, дружно ответили:

– Спать.

В землянке сыrovато, зато тепло. Скинув сапоги и сняв оружие, улеглись на лежанки. Жёстко, зато безопасно. Илья сразу в сон провалился.

Показалось – несколько минут прошло, а уже трясёт кто-то за руку. Разлепил веки – Пакля.

– Ну что тебе неймётся?

– Обедать пора.

В землянке пусто. Как бойцы ушли, Илья не слышал. Пока сапоги одевал, Пакля похвалился:

– «Язык»-то ценный оказался. Обер-лейтенант интендантской службы. На карте расположение своих частей указал. Говорит, группа Гота, генерал ихний, завтра наступать будет.

– Я без «языка» знал, что немцы наступать будут, тоже мне новость.

Чувствовалось, Пакля ещё что-то сказать хочет.

– Говори, пока мы в землянке.

– Мне за взятого «языка» старшего сержанта дали.

– Растёшь! А по мне – правильно. Ты командир группы в поиске был, немца мы серьёзного взяли, не рядового.

– Так ты не обиделся?

– С тебя...

– Знаю, знаю, уже приготовил, – перебил его Пакля. – Сначала обед, потом отметим.

После обеда уединились в землянке. После ночного поиска разведчиков никто не беспокоил. Пакля вытащил из-под лежанки бутылку водки, разлил по кружкам, Илья сказал тост:

– Чтобы звание не последним было. Расти до старшины.

Выпили. Водка ещё довоенного производства была, вполне нормальная. Ефремов на хлеб с салом налегал. Водка расслабила, Илья не пил давно. Пакля вытянул ещё одну бутылку, на этот раз коньяк.

– Трофейный, – похвалился он.

– Пойло, по мне водка лучше, – вздохнул Ефремов.

А Илье коньяк понравился. Вкус богатый, аромат – букет! Выпил не спеша, по глотку, смакуя. Пакля, как и Ефремов, выпили залпом, как водку.

– Тьфу, как одеколон, – поморщился старший сержант.

– А ты как буржуй пьёшь, – глядя на Илью, сказал Ефремов. – Из каких будешь происхождением?

– Техникум перед войной закончил, а поработать не успел, призвали, – соврал Илья.

– Всё равно белоручка, – пробурчал Ефремов.

– Паша, отстань от человека. Он ночью троих немцев завалил. А ты? Нам собачиться не пристало, одно дело делаем и от каждого зависит успех задания и жизнь сослуживца. А Сафронов проявил себя, не сдрейфил. Ты

случаем не сидел?

– Бог миловал.

– А я мотал срок по малолетке за драку. Ножичком ты работаешь умело, как будто опыт есть.

– Долго ли приобрести? Из окружения выходил, пришлось поучиться. В землянку зашёл Хохлов. Разведчики вскочили.

– Сидите! Отдыхаете?

– Новое звание Пакли обмываем.

– Плесните и мне.

Виновник торжества развязал сидор, выудил на свет божий бутылку водки.

– Берёг для особого случая! – гордо сказал Пакля.

Лейтенант сказал тост:

– Чтобы из поиска все возвращались живыми!

Молча выпили. Илье уже рассказали, что после первых боёв и первых поисков взвод понёс серьёзные потери. Да он и сам видел по численности. Полк был из кадровых, не кадрированных, в которых служили только офицеры, да и то не меньше штатной численности. В случае военного положения призывники прибывали, а техника, вооружение и командиры уже здесь. Это лучше и быстрее, чем формировать полк сызнова.

– Товарищ лейтенант! Ещё?

– Хватит. Да и вам пора прекращать.

– Отдыхаем, надо же звание отметить, традиция.

Лейтенант ушёл. Обычные командиры с подчинёнными не пили. Не из-за гордыни, субординацию соблюдали. Но в разведке писанные и не писанные правила зачастую нарушались. Кому ещё дозволялось ходить с ножами? Или в немецких сапогах? А пошарь у любого разведчика в сидоре. Найдёшь не только запасные портянки, но и выпивку, а ещё трофейные пистолеты, как оружие последнего шанса. Командиры глаза закрывали. Штатное оружие – автомат, не положено бойцу два ствола. И ножей военная промышленность в начале войны не выпускала. Делали сами, заказывая у слесарей в автобате из рессорной стали, пользовались трофейными. Позже стали выпускать ножи по типу финских для разведки, десантников. Без ножа даже простому пехотинцу плохо. Ни банку консервов вскрыть, ни в рукопашной отбиться. Штык трёхлинейки четырёхгранный, на длинный стилет похож. Им только колоть противника можно, а резать не получится. Правда, до войны стали выпускать АВС и СВТ, самозарядные винтовки, к ним придавались штыки плоские, но неудобные, потому что длинны чрезмерно. На немецких карабинах штыки

тоже были, но для солдатского быта неудобные. А штыковых атак немцы не любили, боялись, считали – варварство. Уже после войны конструкторы и руководство армии негативный опыт учли. На автоматах Калашникова штык-нож был удобен, а при помощи ножен и проволочные заграждения можно было резать. На карабине Симонова, к сожалению, штык был несъёмный, откидной.

Выпив, захмелев, легли спать, всё же бессонная ночь сказывалась. Утром Пакля выглядел помятым, вздохнул:

– Сейчас бы рассола, душа просит.

В полдень во двор прибыло пополнение – четыре бойца, все из госпиталей. Пакля оживился, пошёл просить Хохлова отдать к нему в отделение. Вернулся ни с чем.

Немцы начали наступление. Как обычно, в атаку первыми пошли танки, за ними пехота. Наши подпустили поближе. Сначала открыли огонь противотанковые пушки. Мало их было, одна батарея, да и то сорокапятки на большом расстоянии друг от друга. Немцы огнём танковых пушек батареи подавили, правда, с потерями для себя – два танка горели, испуская густой чёрный дым. А потом на противотанковой mine подорвался один танк, потом другой. Наступление захлебнулось. У танков разбитая ходовая часть, двигаться не могут. Немцы ремонтировать не стали. По пушкам или бронебойщикам они могут стрелять, подавлять, а как увидеть смертельную опасность в земле?

Вечером лейтенант собрал взвод.

– Командование полагает, что немцы ночью попытаются вытащить свои подбитые танки. Не исключено, что сапёров на нейтралку пошлют, разминировать. Задача взвода – сорвать попытки эвакуации техники, а сапёров уничтожить. Командиры отделений – ко мне!

Как темнеть стало, отделения разведки выбрали на нейтральную полосу. Илья залёг в сотне метров от одного из танков. Час прошёл, другой, полночь уже. Послышалось тихое позвякивание. Он пытался понять – что это? Провести ремонт на месте невозможно. У танка Т-III разбит передний, ведущий и направляющий каток. У советских танков ведущим, то есть имеющим привод от двигателя, по традиции был задний, у немцев – передний. В этом случае ремонт сложнее, дольше. Звуки не прекращаются. Илья пополз к танку, залёг в десятке метров. Потом появились две смутные фигуры. Немецкие ремонтники тащили за собой длинный трос. Явно хотели зацепить проушину троса за крюк на кормовой броне и вытянуть, не приближаясь на тягаче к минному полю. В качестве тягачей и у наших и у немцев служили танки без башен и вооружения, в лучшем случае лобовой

пулемёт. Ремонт бронетехники обходился значительно дешевле изготовления нового танка. Ремонтники за эвакуированный с поля боя танк получали денежное вознаграждение и были материально заинтересованы. Все армии мира делали так. Илья выждал, пока ремонтники к танку приблизятся, но набросить трос не дал. Возник рядом в последний момент.

– Хенде хох!

По-немецки он знал с десятков слов, услышанных в фильмах о войне. С ремонтников вояки никакие, сразу трос на землю бросили, руки вверх вскинули. За Ильёй Ефремов возник.

– Паша, зайди со стороны, обыщи, чтобы сюрприза не преподнесли.

Паша описал полукруг, чтобы не перекрывать Илье сектор обстрела, добросовестно обыскал ремонтников, вытащил пистолеты из кобур. Потом дал пинка.

– Топайте вперёд!

Так и привели немцев в нашу траншею. А у второго танка перестрелка произошла. Один из разведчиков тоже шум услышал, сразу очередь на слух дал. И в ответ очередь получил, был ранен. Уже утром, в землянке, Ефремов сказал:

– Везучий ты, Сафронов. К тебе поближе держаться надо. Глядишь – косяя мимо пройдёт.

Вот это не факт. Позже Илья встречался с удивительными случаями. В окоп мина попала, одного бойца буквально разорвала, на втором ни царапинки, только лёгкая контузия. Немцы всё же танки свои подбитые уволокли, причём белым днём. Средний Т-IV подполз, прикрываясь разбитым танком, набросили трос и поволокли. Внаглую! Поскольку противотанковой артиллерии в полку уже не было. И со вторым танком так же поступили. Наши миномётчики огонь открыли, пытаясь помешать, а толку? Осколки мин танк не пробьют.

Илья вообще недоумевал – почему немецкие танки на нейтралке не сожгли? На каждого по бутылке с «коктейлем Молотова» хватило бы. Или не было этих бутылок? Отдали бы приказ, разведчики что-нибудь придумали.

К обеду начало погромыхивать на востоке. Бойцы обеспокоились. Пушечная канонада была в нашем тылу, пока далеко, километрах в десяти, но не предвещала ничего хорошего. Канонада то разгоралась, то стихала. Ясно было – ведутся тяжёлые бои.

Утром пулемётная стрельба, крики.

– Окружают! Танки прорвались!

Илья по-быстрому оделся, оружие схватил и вон из землянки.

Землянка – укрытие ненадёжное, защита от ветра и дождя. Но от снаряда не защитит, это не блиндаж, где сверху брёвна в три-четыре наката. А перекрытие землянки танк своим весом легко обвалит. У избы, где штаб полка располагался, штабные мечутся. Грузовик подогнали, бойцы документы грузят, железный ящик вынесли. Рядом с грузовиком снаряд разорвался. Кто цел остался – врассыпную, кричат:

– Санитаров сюда!

И почти сразу послышался рёв танковых моторов. Немцы наступали не со стороны передовой, а с тыла. Прорвались на каком-то участке, в тыл зашли и начали расстреливать из пушек и пулемётов, давить гусеницами. У Илья гранат нет, а автомат танку вреда не нанесёшь.

Красноармейцы побежали, и он за ними, впрочем, как и другие разведчики. На бегу обернулся. На тыловые подразделения накатывались три танка, два Т-III и один Т-IV. Бах! Резкий выстрел противотанкового ружья. Один танк остановился, задымил. Из него стали выбираться танкисты в чёрных комбинезонах. Илья остановился, автомат вскинул. До танка метров сто пятьдесят – двести. Попадёт или нет, а попробовать надо. Дал очередь, один танкист упал. Справа хлопнул винтовочный выстрел, ещё один. И второй танкист сражён был. Другие члены экипажа выбрались через другой боковой люк, прикрываясь башней. Второй Т-III крутнулся на месте, открыл огонь из пулемёта по бегущим бойцам. Илья сразу упал, так меньше шансов быть убитым. Невидимый отсюда бронбойщик выстрелил ещё раз. И второй Т-III застыл, откинулись люки. А потом взрыв, башню танка сорвало, из корпуса столб пламени. Оставшийся Т-IV, не видя бронбойщика, стал стрелять из пушки и пулемёта по всем подозрительным местам, где мог укрываться боец. У немецких танков обзорность лучше, чем у советских, в первую очередь за счёт командирских башенок. Наши конструкторы внедрили такие башенки только в 1943 году на Т-34-85 и самоходках на его базе.

Илья уже не бежал, было интересно, чем кончится смертельный поединок. Противотанковое ружьё – оружие длинное, тяжёлое, не маневренное. На марше его вдвоём несли. И отдача мощного 14,5 мм патрона такая, что бронбойщики телогрейки одевали даже в жару, чтобы смягчить чудовищную отдачу. Илья заполз за дерево, поднялся, отсюда обзор лучше. Ещё один выстрел бронбойщика. На этот раз звук выстрела из другой точки идёт. Ай, молодца! Не сидит на месте, перемещается, чтобы не засекли. Попадание по гусенице было. Вероятно – специально. У Т-IV броня толще, чем у Т-III. Бронбойщик решил гусеницу перебить, чтобы танк обездвижить. Илья задумку бронбойщика понял. Лишившись

хода, танк превратится в неподвижную огневую точку. Если его обойти, да выстрелить в борт, а лучше в корму, есть шанс уничтожить. Башня на танке поворачиваться начала. Сейчас командир и наводчик орудия в перископы осматривают местность. Поединок идёт, кто кого раньше обнаружит. Илья, когда башня в его сторону повернулась, прицелился по смотровым щелям с триплексом, очередь дал, ещё одну. Сразу упал, перекатился метров за пять, за другое дерево. Пули триплекс не пробьют, но он покроется сетью трещин, видимости не будет. Надо хоть как-то бронбойщику помочь. Что он медлит? Или один в расчёте остался, а ружье тяжёлое, времени на переноску требует. Да и не по ровной дороге идти, ползти надо скрытно, чтобы под очередь с танка не попасть. Из танка забил спаренный с пушкой пулемёт, пули ударили в дерево, за которым недавно укрывался Илья.

И снова выстрел ПТР. По звуку – по другую сторону танка, сменил всё же бронбойщик позицию. А танк не горит, башня стала поворачиваться пушкой в сторону бронбойщика. Илья к танку пополз. На Т-IV механик-водитель и стрелок-радист его увидеть через приборы не могут. Надо подобраться, там видно будет, что предпринять можно. Бабахнула танковая пушка. На Т-IV стояла короткоствольная 75 мм пушка, сами танкисты называли её окурком. Затем танк пережил несколько модернизаций, длину ствола значительно увеличили, возросла начальная скорость снаряда и его бронепробиваемость. Позже начали производить танки более современные – Тигр Т-VI, Пантера Т-V, но выпуск их был мал, а Т-IV так и остался рабочей лошадью танковых войск Германии.

Идея мелькнула. Илья набрал в карманы маскхалата земли, влез на танк с кормы. Прижимаясь к башне, обошёл, да две пригоршни земли засунул в жерло пушки. Сразу с танка сиганул. Вслед прозвучал пистолетный выстрел. У всех танков, что наших, что немецких, в башне круглые отверстия были. В бою они закрывались броневыми пробками. В случае необходимости экипаж мог через них отстреливаться. Кстати, это одна из причин, почему нашим танкистам выдавали револьверы. Их ствол в отверстие проходил, в отличие от пистолета «ТТ».

Справа слышалась автоматная и винтовочная стрельба. Автоматы точно не советские. Это подросла к танкам отставшая немецкая пехота. Илья медлить не стал, помчался в лес. Позади раздался глухой взрыв. Обернулся, а танка за деревьями не видно, только дым поднимается. Танкисты выстрелили из пушки, а ствол разорвало. Вполне предсказуемо. Конечно, повреждения не критичны, танк восстановят. Гусеницу заменить – раз плюнуть. С заменой пушки сложнее, для этого краном надо снимать башню, она весит пять тонн. В полевых условиях не получится, придётся

отправлять в тыл. Танк на неделю-две выведен из строя. Побежал в глубь леса, боковым зрением увидел движение слева. Резко повернулся, направил ствол автомата, уже готов был на спуск нажать, да форма на бойце советская, цвета хаки.

– Свои!

Боец вскинул руки. Лето, а он в телогрейке.

– Ты бронбойщик?

– Он самый.

– А что же танк не добил?

– Пять патронов всего к ружью было, пять! Все использовал. Затвор вытащил, а ружьё бросил. Не ушёл бы я с ним. А ружьёцо хорошо, прямо фузея. Подожди, так это ты по смотровым щелям стрелял?

– Я.

– Пётр, – представился бронбойщик.

– Илья, сержант Сафронов.

Настоящего Сафонова звали Михаилом. Но когда лейтенант Хохлов красноармейскую книжку менял, Илья назвал настоящее имя, так привычнее. В книжке, в которой чернила расплылись, можно было разобрать только первые три буквы фамилии.

– Бежим.

Побежали вместе. Уже стрельбы не слышать. Автомат слышен метров за семьсот-восемьсот, винтовка за километр. Запыхались, сели под дерево дух перевести.

– Ты почему без оружия? – спросил Илья.

– Револьвер табельный в землянке остался. Когда тревога поднялась, мы со вторым номером к ПТР кинулись. Думали, танки к нашей передовой прорвались, а они с тыла.

Илья магазин от автомата отщёлкнул. Крышку открыл. Девять патронов осталось, а куда запасной магазин делся, не знает. В сидоре? Тоже выбежал по тревоге. Эх, поторопился. Хотя как знать? Задержался бы немного и события могли пойти по-другому. Вон сколько бойцов убито было. Сомнений куда идти, не было. Туда, где громыхает, на восток, к своим.

Какое-то время шли по лесу, потом он кончился, впереди луг, за ним рощица. Луг большой, километров пять. Ни деревень не видно, ни немцев. Пётр хотел сразу пойти, Илья придержал.

– Погоди минуточек десять, предчувствие у меня нехорошее. Уж больно место для танков удобное.

Как оказалось – не ошибся. Послышался гул мотора. Сначала

мотоциклисты показались – немцы без разведки лёгкими силами вперёд не продвигались. Промчались мотоциклисты, видимо, по радиации сообщили, вскоре колонна танков и бронетранспортёров показалась. С грунтовки на луг свернули. Колонна прошла метров триста-четыреста, когда головной танк забуксовал. Гусеницы крутились, сзади выхлоп дыма, а машина ни с места. Второй танк лихо обошёл застрявший головной и через полсотни метров увяз сам. Луг влажноватый, тяжёлую технику не держит. Мотоциклы проскочили, вес небольшой. Чтобы застрявшие танки вытащить, нужен тягач, причём по весу не уступающий танку. Вся колонна остановилась сначала, потом медленно стала сдавать задом, по своим следам. Грамотно, ибо начини танки крутиться, гусеницами снимут верхний слой земли, которая проросла травой, и тоже увязнут.

Колонна выбралась на грунтовку, танкисты выбрались из машин, пошли к увязшим танкам. Поговорили, размахивая руками. Один стал на лес рукой показывать.

Пётр сказал:

– Драпать нам отсюда надо. Видишь – фашист на лес показывает. Через лес попрут.

– Не, не пойдут. Танкисты должны боевой приказ выполнить, выйти в определённую точку ко времени. А на лес показывают, так метод такой есть: срубить дерево, подложить бревно под гусеницы. Называется самовытаскивание. Медленно, но верно получается.

– У немцев не всё, как у людей, – засомневался Пётр.

Но получилось так. Колонна бронетехники взревела моторами, медленно двинулась по дороге. От удушливого выхлопа множества двигателей стало трудно дышать, хотелось чихать и кашлять. Около двух десятков танков и десятков бронетранспортёров проследовали мимо. Выходило – неполный танковый батальон. Илья приметить успел на лобовой и кормовой броне знаки – оскаленную морду тигра, знак принадлежности к какой-то дивизии. Два увязших танка так и остались. Экипажи двигатели заглушили, выбрались. Илья знал, при любой бронемашине всегда есть шанцевый инструмент для таких случаев – лопата, пила, топор, кувалда, а ещё мощный трос. Танкисты, взяв в руки инструменты, направились к лесу. Один, два... шесть.

– Пётр, сколько членов экипажа в Т-III?

– Откуда мне знать? Мне на картинках показывали рисунки танков и их слабые места, куда стрелять надо. Гусеницы, смотровые щели, бензобак.

Все экипажи пойти в лес не могут. Кто-то должен поддерживать радиосвязь, охранять машины. Если экипаж четыре человека, то остался

один, скорее всего командир танка. А если пять? Тогда в каждом танке двое, танков два. Танки лишились хода, но огневую поддержку оказать могут – и пушкой, и пулемётом. У немцев, которые в лес идут, только пистолеты в кобурах.

– Ты что удумал? – прошептал Пётр.

– Экипаж уничтожить. Сейчас они по лесу разбредутся, дерево с прямым стволом искать. Ты вот что, на полсотни метров перебеги туда, – Илья махнул рукой. – И затихарись, сиди как мышь.

– А если немец на меня выйдет?

– Исполни!

Немцы подошли к лесу, бронебойщик вскочил, побежал. Сейчас танкисты будут искать подходящие деревья, им нужно два, внимание рассеется. Илья автомат ремнём на плечо закинул, влез на нижнюю ветку яблони – дички. Немцы, как в лес вошли, спорить стали, потом разошлись. Илья проверил, хорошо ли нож из ножен выходит, бесшумно? Клинок в зубах зажал. Пять минут никого нет, десять. Неужели немцы в глубь леса пошли? Ну не дураки же они – трелёвочного трактора нет, бревно тащить придётся, поэтому от опушки дальше десяти-двадцати метров углубляться не будут. Сквозь листья Илья увидел танкиста в чёрной униформе. Тот неторопливо шёл, смотрел на деревья. Остановился почти под яблоней. Момент удобный, танкист наверняка дальше пойдёт, у яблони ствол неровный и немного выше человеческого роста раздваивается. Илья оттолкнулся от ветки, прыгнул. Танкист не успел понять, что на него свалилось, от мощного удара упал. Илья тут же нож из зубов выхватил, ударил в сердце. Один готов! А главное – пистолет! Илья «Парабеллум» из кобуры вытащил, запасную обойму. Побежал туда, куда Пётр скрылся. Да где же он? Свистнул синицей – об условном сигнале не успели договориться, поймёт ли Пётр? Понял, высунулся из кустов.

– Пётр, ты из пистолета стрелял?

– Из винтовки только.

– Держи трофей.

Илья пистолет с предохранителя снял, потянул пуговики затвора вверх, совсем немного. Ага, патрон в стволе. Отдал пистолет Петру.

– Только палец на спуск не клади. Идём к немцам. Как они дерево найдут и пилить станут, я стрелять начну. Ты немного в стороне будь, только прошу – не в секторе обстрела. Как палить начну, ты тоже стреляй.

Когда двое с разных сторон огонь вести станут, немцы растеряются. Не об отпоре думать будут, а как целыми сбежать. Была бы у Ильи в автомате хотя бы половина магазина, он Петра бы не привлекал. Пусть

Пётр хоть одного сразит, помощь будет.

Не успели дойти до трупa танкиста, впереди крик:

– Хельмут! Ком!

Ага, подходящее дерево нашли и кличут потерявшегося Хельмута. Не, не придёт он! А вскоре и другим предстоит с ним встретиться, только уже в другом мире.

– Пётр, тихонько за мной, как рукой махну, уходи вправо, но так, чтобы немцев видать.

– Да понял я.

А у самого лицо напряжённое, пальцы, что рукоять пистолета сжимают, побелели. Да, брат, это тебе не фунт изюма. Одно дело из окопа стрелять по танку, а другое – из пистолета с десяти метров. Хоть и враги, а живые люди, не всякий сможет, для этого какую-то черту внутри себя переступить надо.

– Эй, Хельмут!

И ещё слова, похоже – брань. И голоса совсем рядом. Илья левой рукой в сторону показал.

Глава 6

Пётр

Пётр ушёл в сторону. Хоть старался идти бесшумно, а не получалось – то старая, высохшая ветка под ногами хрустнет, то шишка треснет. Были бы среди танкистов охотники, подозрительный шум услышали бы и насторожились. Илья поморщился. Пётр мужик неплохой, но в разведку с ним идти нежелательно. Но выбора нет. Пётр выбрал место, соорудил Илье страшную рожу – готов, мол. Знать, где находится Пётр, было необходимо, чтобы не зацепить его при стрельбе.

Теперь Илья стал подходить к немцам. Стала вжикать пила. Двое работают, трое советы подают. Ага, по старой русской пословице – можно бесконечно долго смотреть, как течёт вода, горит огонь и работает другой.

Немцы уже рядом, их отчётливо видно. Всё их внимание на камрадов с пилой, Илья видит их со спины. Хоть бы обернулся кто, всё же в чужой стране, непрощенные гости. Пора. Илья автомат вскинул. Короткой очередью убил двоих, что поближе были, потом перевёл ствол на правого, за ним видна голова немца с пилой. Ещё очередь. Всё произошло в две-три секунды. Бах! Одиночный пистолетный выстрел в стороне. Немец, что пилил дерево слева, упал. Плоховато Пётр целился, немец ранен, кричит. А другой «пильщик» пилу бросил и в лес бежать. Между деревьями петляет, чтобы попасть трудно было. И голова у немца соображает, не к опушке бежит, где на лугу он будет представлять хорошую мишень, а в глубь леса. Илья за ним помчался. Чёрная курточка танкиста то видна, то скроется за деревьями. Было бы патронов побольше, дал бы очередь длинную, зацепил, а потом добить можно. Сколько патронов в магазине осталось? Один, два? Немец показался на секунду, Илья сразу выстрелил. Вместо очереди одиночный выстрел и затвор клацнул вхолостую. Но попал Илья. Немец рухнул ничком на попревшую листву. Илья подошёл. На мундире сзади дырка от пули. Немца перевернул. Готов! Вытащил из кармана документы, а ни черта понять нельзя. Гюнтер, фамилия сложная, как у немцев бывает, когда три согласных буквы вместе. И цифрами – 136. А что это? Полк, дивизия? Документы на тело бросил. А пистолет и запасную обойму забрал. Из-за отсутствия патронов его автомат превратился из грозного оружия в тяжесть, обузу для переноски. И не бросишь, номер автомата вписан в красноармейскую книжку. А утрата оружия в военное время –

воинское преступление со всеми вытекающими последствиями. Илья вернулся туда, где немцы дерево пилили. У одного из немцев Пётр стоит, в руке пистолет.

– Пётр, ты чего?

Вид у Петра какой-то растерянный.

– Этот ранен.

Бронебойщик пистолетом показал в сторону танкиста.

– Это же ты в него стрелял. Добей!

– Не по-людски. У нас в деревне лежачего не били. Ну его, сам дойдёт.

– Пётр! Оставлять раненого врага за спиной чревато для собственной жизни. Твой недочёт, ты исправляй.

Танкист был без сознания, дышал хрипло. Пётр сделал шаг, направил пистолет в грудь, отвернулся, закрыл глаза, нажал спуск. Грохнул выстрел.

– Пётр, больше таких ошибок не делай.

– Не курица же, человек.

– Надо было его пожалеть? Ну, тогда бы отнёс его к танкам. Глядишь – по рации бы вызвали санитарную машину, отправили в госпиталь, спасли. А может, немец этот женщин и детей, наших раненых красноармейцев гусеницами давил! Он враг и должен быть убит! Выстрели, убей ножом, зубами в горло вцепись, а убей. Этим ты кому-то из наших бойцов жизнь сохранишь.

Пётр стоял, опустив голову. Илья собрал оружие у танкистов. Все пистолеты ему не нужны, лишняя тяжесть. А обоймы из рукоятей достал, из кармашков кобур. Пистолеты одинаковые, все магазины подойдут. Карманы галифе сразу распухли.

– Идём к опушке, надо думать, получится ли танки как-то уничтожить.

– Ты это серьёзно? – удивился Пётр. – У нас ни гранат нет, ни бутылок с зажигательной смесью.

– Вот и помозгуем.

Вышли к опушке, залегли. В танках явно слышали стрельбу в лесу. Люки на башнях задраены, сами башни повернуты стволами к лесу. Лобовыми пулемётами танкисты воспользоваться не смогут – к лесу смотрят кормовые отделы. Но на каждом танке в башне спаренный с пушкой пулемёт. К танкам не подойти. Два пулемёта – сила.

Пётр произнёс.

– Да ну их! Давай уйдём. Не сидеть же здесь до ночи.

– Придётся. Танковая колонна уже далеко вперёд ушла. Экипажи сами свои танки из топкого места выволить должны. Те, кто в танках остался, стрельбу слышали, сейчас гадают – что произошло и остался ли в живых

кто из танкистов. А пока они в неведении, давай думать, что предпринять.

После некоторых раздумий Илья решил танки поджечь. Нет, днём это сделать невозможно, а ночью вполне. А чтобы обезопасить себя, под покровом темноты подобраться, взять кувалду из набора шанцевого инструмента, да несколькими ударами погнуть стволы пулемётов. А потом подтащить веток из леса, набросать их на моторное отделение и поджечь. Двигатели бензиновые, стоит угольку провалиться в моторный отсек, случится пожар. Только один человек на подстраховке быть должен – на обоих танках есть радиосвязь, один экипаж по просьбе о помощи другого вполне может обстрелять другой танк. Броне пули урона не нанесут, а вот доморощенных поджигателей убить – вполне. Танки друг от друга в полусотне метров стоят, даже немного меньше. Илья изложил свой план Петру. Тот выслушал внимательно.

– Пожалуй, может получиться. Тогда я буду сухой мох и ветки таскать, а ты кувалдой действуй.

– Желательно пулемёты на башнях одновременно из строя вывести.

– А вдруг немцы люки откроют, пальбу учинят?

– У тебя у самого пистолет есть. Как только люк попробуют приоткрыть, стреляй в щель. Пуля внутрь от брони рикошетировать будет, кого-нибудь да заденет. Да и не будут они открывать, через бойницы из личного оружия стрелять будут. Но бойница с каждого борта башни есть и в корме.

– Не знал, спасибо за подсказку.

– Давай ветки собирать, пока светло.

Собрали на опушке большую кучу. Выбирали посуше. Пётр ещё охапку сухих листьев принёс, ещё прошлых годов.

– Листья-то зачем? Никакого прока от них.

– Э, не скажи. Дыма от них много. Через все щели дым в танк поползёт – не выдержат фрицы, повылазят, как тараканы.

– Верно. А ещё, Пётр, на танки посмотри. Что видишь?

Пётр смотрел несколько минут.

– Танки как танки.

– На правой надгусеничной полке антенна. Сбить её кувалдой, конечно, уже после того, как ствол у пулемёта согнёшь. Танки без связи останутся.

– Когда подожжём, пусть связываются, с кем хотят.

Пока таскали хворост, начало темнеть. Немцы в танках ничего не предпринимали. Поняли – экипажи в танки не вернутся. Выйти боялись, скорее всего – радировали в батальон об обстановке. И вполне вероятно,

что на помощь им пришлют броневичок.

Как только стемнело, поползли к танку, который ближе был. Ещё в лесу Илья предупредил:

– У танка молчи, никакого шума. Посмотри, где кувалду брать буду, сам на другом танке там же возьмёшь. Как только ты первый удар нанесёшь, я в действие вступлю.

– Замётано.

Видно было, волновался Пётр. К каждому доведись такое, особенно в первый раз, нервы будут на взводе. От танка бензином пахнет, маслом. Инструментальный ящик по правому борту, над гусеницей. Без кувалды танкисту никак, особенно если повреждена гусеница и надо менять траки, палец без кувалды не забьёшь. Палец соединяет траки, сидит плотно, требует силы удара.

Илья отодвинул подпружиненную защёлку, откинул крышку инструментального ящика. На ощупь обнаружил кувалду, вытащил. Немцы – педанты, инструмент в комплекте, на своих местах, там же промасленная тряпочка. О, пригодится. В танке тихо, спят, что ли? Илья рукой в сторону другого танка показал. Пётр кивнул и уполз. В танке неожиданно запищала рация, танкисты стали переговариваться, знать бы – о чём? Илья отошёл к корме танка, отсюда взбираться на броню проще. Ждал, когда Пётр кувалдой ударит. Такой звук не услышать нельзя, когда железо о железо с силой бьётся. Бац! Сочно звякнуло. Илья, уже не таясь, громыхал сапогами, взобрался на моторное отделение, зашёл со стороны пушки, рукой нащупал ствол пулемёта. Размахнулся кувалдой, нанёс первый удар, за ним ещё два – мощных, во всю силу. Внутри танка громко заговорили. Башня стала поворачиваться. Да теперь уже делайте что хотите. Илья перебрался к носу танка. Коли он уже наверху, на броне, грех не испортить второй пулемёт. Два раза крепко ударил по лобовому пулемёту в шаровой установке. Теперь у танка только пушка боеспособной осталась. Илья спрыгнул на землю. Подошёл к правому борту. Удар по креплению антенны, ещё один, ещё! Фарфоровый изолятор сломался, антенна повисла, как сломанный прут. Ну вот, пять минут работы кувалдой и танк лишён связи и пулемётов. А со стороны другого танка удары один за другим, почти без остановки. Да что там Пётр, кувалдой решил танк расплющить? А потом пистолетный выстрел. Танкисты стреляли или бронебойщик? Пётр появился из темноты внезапно.

– Всё размолотил – пулемёты, антенну. Думал пушку помять, не получилось. Немцы внутри ругаются.

– Ты что, язык знаешь?

– И так понятно, без перевода.

И бегом в лес за ветками. Набросали на моторный отсек, Илья снизу ещё промасленную тряпку подложил. Пётр спички достал, сначала кусок сушёного мха поджёг. Когда он тлеть стал, бросил его на тряпку. Открытого пламени ещё не было, а дым повалил, удушливый, вонючий. Илья тряпку двумя пальцами подхватил и на верх башни забросил, к командирской башенке, где люки, смотровые щели. Что-то звякнуло, раздался выстрел. Это танкист открыл бойницу, выстрелил из пистолета. А только из бойницы угол обстрела мал. Но Илья с танка спрыгнул, зачем рисковать попусту. У танкистов выбора нет – или сгореть с машиной, или выбираться. Через нижний, десантный люк не получится, танк почти на брюхе лежит. Прогнали немцы. Лёгкий, поначалу в 14 тонн, танк по мере усовершенствования потяжелел, масса увеличилась почти до 22 тонн, а гусеницы остались узкими, рассчитанными на дороги с твёрдым покрытием, потому увяз. В Белоруссии таких мест полно. Идти в Россию неподготовленным можно только до первой осени или зимы. Плохо немцы историю учили, опыт Наполеона в учёт не взяли.

Хворост разгорался, искры полетели, тряпка на башне тлела, дым валил. Внутри танка слышны громкие голоса, похоже – спорят. Пётр спросил у Ильи.

– Идём второй танк жечь?

– Подожди, по очереди, сейчас представление начнётся.

В танке начали кашлять, зашумел вытяжной вентилятор. Ими оборудованы все танки, иначе при стрельбе из пушки от пороховых газов в тесной боевой рубке можно угореть. Но вентилятор засасывает воздух снаружи, ещё больше дыма попало внутрь танка. У танкистов кашель непрерывный, надсадный. Ещё пять минут, танк весь окутался дымом. И что радовало, показались красные языки пламени из моторного отсека. Огонь затрещал, танкисты угрозу оценили. Приоткрылся люк командирской башенки. Илья, а следом Пётр выхватили пистолеты. Из люка показалась рука, держащая ремень с кобурой.

– Нихт шиссен! – прокричал и закашлялся немец.

– Вылазь! И это... как по-немецки? Хенде хох! – закричал Пётр.

Из открытого люка дым уже валил. Танкист кашлять начал, неловко вывалился на броню, завопил. Поскольку руки обожгло. Вскочил, одну руку поднял, на кисть второй дуёт.

– Слазь! – махнул пистолетом Илья.

Танкист спрыгнул. Илья показал два пальца. Мол – где второй? Танкист закричал по-немецки. Из люка показалась рука, танкист выбросил

кобуру, затем выбрался сам. Этот точно командир танка, на узеньком погоне квадратики. Илья укорил себя, за короткое время нахождения в разведзвезде надо было выучить звания в немецкой армии. Танкист, ловко держась за ствол пушки, спрыгнул на землю с носовой части танка. Чувствовался опыт, сноровка. Нехотя, через силу поднял руки.

– Пётр, заberi пистолеты.

Личное оружие танкистов валялось на броне. Из моторного отсека уже вырывалось пламя, освещающая фигуры. Илья решил – надо уходить от танка, с секунды на секунду взорвётся бензобак, мало не покажется. И в это время со стороны второго танка зачастили пистолетные выстрелы, один, второй, третий. Илья под прикрытием танка оказался, а Пётр рухнул. Немцы бросились бежать ко второму танку. Ну нет, не уйдут живыми. Илья пистолет вскинул, стрелять начал. На танкистах униформа чёрная, в темноте видно плохо. Услышал вскрик, попал в кого-то. Илья пистолет в карман сунул. Ухватил Петра за руку, стащил с брони на землю, потащил подальше от горящей машины. За спиной яростно заревело пламя, а через секунду-другую взрыв. Илью взрывной волной повалило на землю, заложило уши. Голову повернул – с горящего танка башня сорвана, лежит на боку, пламя бушует. Илья не чувствовал, что где-нибудь болит. А что с Петром? Наклонился, приник к груди. За рёвом пламени не слышно, бьётся ли сердце? Начал ощупывать бронебойщика, чтобы определить, куда ранило? Грудь и живот целые, а за голову взялся, вся в крови, липкая. Руку на грудь положил, не дышит. Такая злость Илью взяла! Ну, сейчас он поджарит танкистов во втором танке! Побежал ко второму танку, а справа на дороге огни фар показали – мотоцикл, за ним колёсная бронемашина. Не успел Илья, немцы помощь прислали. Надо самому убираться. Кинулся назад, схватил убитого Петра за руки, поволок в лес, благо недалеко. За деревья только успел, как фары дорогу осветили. Потом броневи́к и мотоцикл в сторону танков свернули. Илья документы Петра к себе в нагрудный карман переложил. Надо бойца похоронить, негоже его так бросать. На полсотни метров в глубь леса тело перенёс, потом яму рыть стал. На полметра углубился, как немцы лес обстреливать стали. Из двух пулемётов – мотоцикла и бронемашины – по лесу неприцельно. Пули по веткам били, по стволам деревьев. Илья распластался – не хватало под дурную пулю попасть. Каждый пулемётчик не меньше ленты выпустил. Когда обстрел прекратился, Илья тело Петра в яму опустил, землёй засыпал. Надо место запомнить, потом в штаб полка доложить. Илья полагал, что какие-то подразделения полка, пусть и не в полном составе, вышли из-под немецкого удара, уцелели, надо только их найти.

Не знал он, да и откуда солдату знать, что наши 16-я и 20-я армии под общим руководством К.К. Рокоссовского прорвали кольцо окружения под Смоленском. Но уже через четыре дня войска вермахта смогли подтянуть резервы и ликвидировать группировку советских войск в районе Смоленска.

По данным Гальдера, с 22 июня по 31 июля 1941 года потери немецких войск составили 205175 рядовых и унтер офицеров и 8126 офицеров, а среднесуточные потери возросли до 5628 человек. Столько немцы не теряли при захвате целых европейских стран. Немцы были сильны, наступали, но темпы наступления падали.

Оставшись один, Илья сориентировался по звёздам, пошёл на восток. Сложные чувства обуревали. Петра искренне было жаль, а ещё чувство удовлетворения было. Сутки не зря прошли, уничтожили ещё один немецкий танк, а еще убили, не полностью, правда, два экипажа. Урон врагу нанесли, какой каждый боец должен сделать. Уж коли выпала тяжёлая судьба стране, каждый воин должен испить свою чашу до дна, горькую чашу.

Хотелось есть, да и устал, столько событий за сутки произошло. В глухом месте, уже на исходе ночи, спать устроился. Уснул сразу, без сновидений. Проснулся, когда рассвело. В ручье неподалёку вымыл руки, сполоснул лицо, напился. Ручей, вода проточная быть должна, а вода болотной тиной отдавала. На востоке гроыхать начало, пушки били. Потом высоко над головой пролетели немецкие бомбардировщики, много – не менее трёх десятков. Илья успел пройти пяток километров, как бомбардировщики пролетели назад.

– Отбомбились, сволочи, – процедил Илья. – Ничего, будет на нашей улице ещё праздник.

В траве промелькнула змея. Илья за ней. Чтобы выжить в лесу, надо знать, что и когда можно есть. Змея – это хорошее мясо, по вкусу – как куриное. На учениях Илье приходилось и ящериц есть, и жуков. Принцип китайцев – всё живое можно есть, только приготовить надо. Илья с земли палку схватил, ударил по телу змеи. Та извиваться начала, шипеть. А Илья палкой ещё удар нанёс, и ещё. Когда змея шевелиться перестала, собрал веток, развёл маленький костёр, почти бездымный. Шкуру со змеи снял, ножом на куски порезал, на веточки насадил, стал над костерком жарить. Пресмыкающихся Илья не любил, но выбора не было. Запах от мяса пошёл аппетитный. Мясо белым стало, с одной стороны уже с корочкой. Попробовал – горячо, вкусно. В общем, всю змею съел. Зато сил прибавилось. Скажи ему кто-нибудь раньше, скажем – в школе, что он змей

будет есть, не поверил бы. Человек должным образом обученный, да ещё летом, способен долго прожить в лесу, не имея запаса провизии. Ягоды, грибы, съедобные коренья, жучки, ящерицы, змеи, рыба и лягушки в реках и болотах – съедобно всё. А уж если оружие есть, можно охотиться на крупную дичь. Но это в мирное время. Война зверьё распугала, и его встреча со змеей – удача.

По мере его продвижения к востоку канонада распалась на отдельные пушечные выстрелы. Ещё несколько километров, и звуки отчётливы стали. Где-то недалеко была артиллерийская батарея. Направился по звуку. Если наши, считай, повезло. Ежели немцы, можно шороху навести.

Батарея стояла почти на опушке. В лесу ящики со снарядами, сами гаубицы в полусотне метров от деревьев. Четыре 105-мм полевых гаубицы Ф.Н.-18 каждую минуту посылали в невидимую цель 6–8 снарядов. Для гаубицы, в отличие от пушки, цель не обязательно видеть в прицеле, её снаряды летят на десять с половиной километров. Где-то далеко впереди, на передовой, сидит артиллерийский корректировщик. По телефону или радиации передаёт координаты цели. Офицер из отделения управления делает расчёты – направление стрельбы, угол возвышения ствола, мощность заряда. В отличие от пушек с унитарным патроном, дальность полета снаряда гаубицы, который летит по навесной траектории, можно регулировать или меняя угол возвышения ствола, или меняя заряд. В гильзу укладывают мешочки с порохом – один, два, три. Таким же образом стреляют из миномётов.

Расчёты у гаубиц раздеты до пояса, жарко, да ещё работа в высоком темпе, у заряжающих спины мокрые. Ага, вот и офицер, несколько в стороне от батареи, в небольшом окопчике, там же радист. Его не видно, но торчит антенна радиостанции. Если их убить и повредить радиацию, батарея станет слепой и глухой. Судя по тому, какая интенсивность стрельбы, лупят по площадям, а не точечным целям, вроде ДОТов. И каждый снаряд – убитые и раненые красноармейцы. Оружие артиллеристов в козлы составлено возле орудий. От передовой далеко, карабин не нужен, а в работе мешает. Это хорошо для того, что Илья задумал.

По опушке прополз правее офицера управления, батарея значительно левее осталась. Пополз в сторону окопчика. Трава высокая, скрывает его передвижения. Только периодически высовываться приходится, голову поднимать, чтобы с направления не сбиться. А поближе подполз, уже по звуку ориентироваться стал. Рация пищит, офицер команды повторяет:

– Айн-цвай-цвай. Гут. Фойер!

И следует залп батареи. Когда гаубицы сделали залп, Илья загнал

патрон в ствол. Подполз к окопу. Радист с наушниками сидит, ничего вокруг не слышит. Офицер перед собой планшет разложил, увлечён, по сторонам не следит. Делает отметки на карте карандашом, вводит поправки логарифмической линейкой. В любой армии офицеры-артиллеристы самые грамотные специалисты – подготовка по математике сильная. Илья пистолет поднял. До немцев от силы метров семь-восемь. Когда громохнул залп, он начал стрелять. Один выстрел в офицера, другой в радиста. Оба упали. Ещё гаубичный залп, и Илья дважды выстрелил в рацию. Пора сваливать. По своему же следу в траве он добрался до леса. Артиллеристы у гаубиц ничего не услышали и немудрено. Чтобы не оглохнуть от выстрелов, расчёт при команде «огонь» открывает рот и закрывает ладонями уши. Иначе могут полопаться барабанные перепонки. Правда, современные артиллеристы в российской армии отдают другой приказ на открытие огня – «триста тридцать три».

Стрельба стихла. Командиры орудий ждут целеуказаний, а их нет. Солдаты расчётов передышке рады, пот вытирают. Эх, пулемёт бы сейчас! А с пистолетом много не навоюешь.

Не дожидаясь, пока кто-нибудь из командиров орудий пойдёт к офицеру узнать причину задержки, Илья побежал в глубь леса.

Ещё двоих вермахт сегодня не досчитается. Грамотного офицера заполучить – это не один месяц в военное время учить надо, а потом опыт боевых действий приобрести.

Метров через двадцать с бега на шаг перешёл, а потом и вовсе улёгся. Магазин в пистолете заменил на полный, отдышался. За лесом и гаубичной батареей – открытое пространство. Надо в сторону уходить, искать другой путь. До наших самое большое – десять километров, иначе бы гаубицы не вели огонь, это почти максимальная дальность полёта снарядов.

Ой, какой же он дурак! Илья хлопнул себя ладонью по лбу. Карта у офицера была. Ну кто мешал её забрать? Там точно обозначена позиция батареи, цель, иначе расчёты сделать невозможно. Сразу было бы видно, где наши позиции. Ой, дурень, дурень! Такую промашку сделал. А назад не вернёшься, немцы наверняка спохватились. Не знал Илья, что когда командиру батареи доложили о смерти радиста и офицера управления, тот сильно разозлился. Как объяснить начальству смерть подчинённых в тылу, далеко от передовой? Приказал артиллеристам взять оружие, встать цепью и прочесать лес. В случае обнаружения неприятеля стрелять на поражение. Комбат правильно решил, что напал одиночка, выходящий из окружения.

Солдаты шли цепью, держа в руках карабины, а Илья сидел, раздумывая, в каком направлении пойти. Только артиллеристы – не егери,

шли шумно, перекликались. Илья их услышал за сотню метров, опасность оценил, бросился бежать. Артиллеристов не так много, человек пятьдесят, часть их осталась охранять гаубицы, снаряды. Ни один командир не позволит себе бросить боевую технику без пригляда. Но всё равно – устраивать перестрелку со значительно превосходящими силами неразумно.

В немецких частях были егеря, набирали в них преимущественно австрийцев. Вот те были настоящие доки – в поиске, преследовании. Илья увидел редкую цепь артиллеристов. Можно было убежать, он поступил рискованнее и проще. Влез на тополь. Крона густая, ветвей много. Уселся на развилке двух крепких ветвей. Два солдата прошли внизу, и никто не поднял голову. Илье пришла в голову мысль парадоксальная, на первый взгляд дикая – вернуться к батарее. Кто там остался? Комбат и несколько часовых. Не пехотинцы, навыками пехотного боя не владеют. Есть шанс пустить кровь, а если повезёт, то попортить технику. Соблюдая осторожность, слез с дерева. Цепь солдат уже мелькала вдалеке. Илья помчался к батарее, залёг на опушке. У гаубиц прохаживается часовой, уже в форме, а не раздетый до пояса, в кепке, на плече карабин.

Илья замешкался. Надо подобраться к гаубице. А что он сможет? Тихо повредить невозможно, часовой услышит или увидит. Солдаты таскали снаряды от опушки. Наверняка там снарядный ровик. Была бы граната, сейчас он устроил бы фейерверк. Но гаубицу повредить ценнее. Думай, Илья, думай! И выход нашёлся – снять панораму. Панорама – оптический прицел, там угломер, горизонт, прицельная марка. Снимается легко, укладывается при транспортировке пушки или гаубицы отдельно, в специальном деревянном ящике, за который отвечает наводчик. Без прицела из орудия выстрелить можно, только не попадёшь никуда. Это как ружьё без мушки и целика. Пополз к крайнему орудью. Когда часовой приближался, Илья замирал; когда немец шёл на другой фланг батареи, быстро полз. Запахло сгоревшим порохом от стреляных гильз. Батарея в нескольких метрах. Прислушался – тихо, голову приподнял – часовой идёт от него. Подполз к орудью, прицел на месте стоит. Чтобы снять, никаких инструментов не надо, отжал защёлку и тяни на себя по пазам. Конечно, снятый прицел можно заменить запасным, но потом нужна будет пристрелка, а это долго и хлопотно. Да и стоит орудийная оптика дорого. Снять панораму удалось, а часовой в его сторону идёт. Илья улёгся за колесом. У немецких орудий колёса артиллерийские, со спицами, от взора со стороны укрывают плохо. Такие колёса выдерживают большую нагрузку при выстреле, но быстро везти орудие за тягачом нельзя, максимум

тридцать – тридцать пять километров в час. Наследие Первой мировой войны, когда была конная тяга. Советские конструкторы в серийном производстве первыми начали применять колёса автомобильного типа, с резиновыми покрышками, в первую очередь для удешевления производства и унификации. Так, на наших массовых пушках ЗИС-2 и ЗИС-3 стояли колёса от грузовика «ЗИС-5».

Когда часовой развернулся, Илья пополз назад. Было уже не так удобно, левой рукой приходилось держать прицел. Илья решил утопить его в первом же подходящем ручье, предварительно разбив оптику. Уже заполз под деревья, ещё немного и можно встать и ходу, подальше от батареи. Пополз, встал, а навстречу ему офицер. Столкнулись буквально нос к носу, дистанция пять метров. Для немца появление Ильи тоже было неожиданным, он застыл. Илья с силой метнул в лицо офицеру прицел, тут же выхватил нож и бросил в грудь немцу. Офицер вскрикнуть не успел, повалился. Илья в два прыжка подскочил, выдернул нож и ещё ударил дважды. Подхватил прицел и побежал. На ходу, с трудом попав, вернул нож в ножны – одной рукой действовать было неудобно. Зато достал пистолет. При внезапной встрече он лучше ножа. Постепенно задыхаться стал. Скучное питание и высокие нагрузки делают своё дело. Перешёл на шаг, потом уселся под ёлкой. В стороне, где батарея стояла, ударил винтовочный выстрел. Часовой обнаружил пропажу прицела или наткнулся на труп. Была бы у немцев собака-ищейка, Илья к батарее и не приблизился бы. Но таких собак немцы использовали в карательных батальонах, а не в передовых частях. Кстати, в Красной армии собаки службу несли: подрывали танки закреплёнными на спинах минами, помогали вытаскивать на специальных волокушах раненых с поля боя, а сапёры с их помощью искали мины. И обе стороны использовали собак для охраны концлагерей или важных объектов.

На выстрел часового артиллеристы должны вернуться к батарее, это сигнал тревоги. Илья чертыхнулся, снова побежал. Прицел тяжёлый, руку оттягивает. С ходу перескочил ручей, остановился. Вот же ручей, зачем нести прицел? Рукоятью пистолета разбил оптику, бросил панораму в воду. Немалых денег прицел стоит. Война – это всегда деньги, большие деньги, да не бумажные, которых напечатать можно много, только это фантики. Настоящие ценности – это золото, платина, алмазы. За них в зарубежных странах можно приобрести стратегические товары, боевую технику и боеприпасы, продовольствие. Ещё Наполеон говорил.

«Для победы в войне нужны три условия – деньги, деньги и ещё раз деньги». Кстати, Советский Союз расплачивался с США после войны

драгоценными металлами.

Во время войны Германия пыталась обрушить финансовую систему СССР. Если для своих агентов, заброшенных в наш тыл, давали настоящие деньги из захваченных банков, то для того, чтобы рубль рухнул, начали печатать на своих фабриках деньги фальшивые. Сбрасывали их с самолётов, передавали агентам для распространения. Тогда оперативно сработали органы НКВД, войска по охране тыла РККА. Немцы финансовую войну проиграли. Наши конструкторы, не останавливая конвейеры, усовершенствовали боевую технику, упрощали, не ухудшая боевых характеристик. Так, танк Т-34 в начале выпуска стоил больше четырёхсот тысяч рублей, а в 1945 году двести тысяч. При том, что пушка уже была более мощная, не 76 мм, а 85 мм, коробка передач не 4-х, а 5-ступенчатая, появилась рация, командирская башенка и другие улучшения. А немецкие Пантера Т-V или Тигр Т-VI только росли в цене, хотя стоимость была высока, Тигр обходился в восемьсот тысяч рейхсмарок.

После того как избавился от прицела гаубицы, бежать стало легче. Отмахал с полкилометра, перепрыгивая через поваленные деревца, как лось на гону. А лес возьми и кончись. Далеко позади батарея осталась. Впереди наполовину сгоревшее поле ржи. Илья на дерево влез, на нижнюю ветку, что метрах в четырёх над землёй. Оттуда видимость лучше, для него – важно, чтобы не попасть в опасную ситуацию. В километре от опушки по дороге пылит колонна немецких машин. На бортах кресты, сверху, на крытых кузовах, тоже. Чтобы лётчики опознавали своих, не разбомбили по ошибке. Подумалось – лучше пересидеть в лесу до ночи, безопаснее будет. Начал спускаться, а за спиной щелчок взводимого курка. Ощущение препротивное.

– Застынь! И руки вверх! – скомандовали по-русски. Русский, уже хорошо.

– Если руки подниму, грохнусь с дерева.

– Тогда спускайся, но без резких движений.

Илья спускался на землю нарочито медленно, а сам соображал, что предпринять. Немец бы сразу стрелял, так ведь и русский может оказаться вовсе не другом, а врагом хуже фашиста.

Илья встал обеими ногами на землю, почувствовал себя увереннее. Будучи на дереве не больно-то погеройствуешь, подстрелят.

– Повернись.

Илья повернулся. Перед ним стоял красноармеец с забинтованной головой, в руке «наган».

– Ты кто такой? – спросил незнакомец.

– Сержант Сафронов, полковая разведка.
– Да вид у тебя, как у оборванца.
Что было, то было. По траве и земле ползал, на гимнастёрке и галифе грязь и зелень от травы. А ещё прожжена была, когда танк поджигали.
– Какой есть, – пожал плечами Илья.
– Оружие есть?
– Не ты мне его давал, не тебе брать, – жёстко ответил Илья.
Хотя автомат без патронов можно было снять с плеча.
– А пожрать?
– Сам бы не отказался. Что-то ты как попрошайка на паперти? То оружие тебе, то харчей. У немца заberi.
Боец опустил револьвер.
– У меня один патрон. Оставил на крайний случай.
– Ну и дурак. Ты этим патроном немца убей, а уж на тебя они патронов не пожалеют. Как звать-то, боец?
– Красноармеец Ложкин Павел, призван на военную службу 27 июня, – чётко доложил боец.
– Ранение серьёзное?
– Осколком задело, кожу сорвало, а кости целы. Так санинструктор сказал, когда бинтовал.
– Понятно. Вместе выбираться будем или сам пойдёшь?
– Вместе.
Похоже, боец испугался перспективы остаться в одиночестве.
– До призыва учился или работал?
– Семь классов кончил, ФЗУ, слесарь четвёртого разряда.
– Рукастый, значит. А воинская специальность?
– Пехота.
– Пехотинцам револьверы не выдают, только командному составу или танкистам.
– У убитого забрал, ему-то уже ни к чему.
– Своё оружие бросил?
– Не выдали, не успели. Я три дня как на фронт прибыл, из Тамбова я.
– Тогда так. Выходим вместе, но подчиняешься полностью. Не потому, что я сержант или покомандовать сильно хочется. У меня боевого опыта больше.
– Я не против.
– Тогда до темноты сидим здесь, ночью через поле пойдём. А сейчас отдыхай, сил набирайся.
Казалось, боец только и ждал этих слов. Свернулся под деревом

калачиком, засопел. Пригляделся к нему Илья. Молодой совсем, от силы девятнадцать лет, пацан ещё. Да и не обучен толком. Илья устроился на опушке, ноги на дерево поднял, чтобы отдохнули.

Через пару часов Илья Павла разбудил.

– Теперь моя очередь вздремнуть. Ты на часах.

– Хорошо.

Если передвигаться ночью, лучше отдохнуть. Илья проснулся сам. Уже темно, Павел спит, аж похрапывает. Илью злость взяла. Да как можно полагаться на такого напарника? И себя и Илью погубит. Встал, зашёл сзади, такого пенделя дал, что Павел на живот перевернулся, вскинулся.

– А? Что?

– Тебя на часы поставили. Ты поспал в безопасности, дай отдохнуть другому. Как тебе доверять?

Беспечный и неисполнительный соратник хуже врага, продаст ни за понюшку табака в любой момент.

– Ну, прости, устал.

– Устал? Сколько немцев ты сегодня убил?

– Ни одного.

– Тогда от чего устал?

Илья разозлился не на шутку. Он направился через поле. Павел поплёлся за ним, канюча на ходу:

– Я не специально, извини.

– Ты плохой товарищ, выбирайся один.

Павел шёл за Ильёй какое-то время, потом отстал. Жестоко? От таких человеческих слабостей иногда целые подразделения гибли. В боевых условиях не может быть места расхлябанности, неисполнению приказов. Поле оказалось большим, пашни любили в колхозах. Планов громадьё, как сказал поэт. Вошёл в лес, здесь проще. Есть где укрыться и не застанет, как в поле, ночной дозор.

Шёл быстро, за ночь желательно пройти как можно больше. Лес кончился, пошёл луг. Под сапогами чавкать начало, земля влажная. Слева, на удалении с полкилометра, взлетали осветительные ракеты, потом едва слышно пулемётная очередь. Похоже – там передовая, линия соприкосновения войск. А дальше и вовсе непролазная грязь, осока, камыш. Но Илья упорно шёл вперёд. Чем хуже местность, тем меньше шансов столкнуться с немцами.

Начало светать, туман появился. Надо где-то спрятаться, осмотреться – где он? Нашёл кусок твёрдой земли, уселся. За ночь, по ощущениям, прошёл километров тридцать. Солнце взошло, туман рассеялся.

Осмотрелся. Вот это его занесло! Вокруг камни, местность болотистая, а он на небольшом островке сухой земли. Впереди – двести метров, не более, ивы растут. И никого не видно, ни наших, ни немцев. Передохнув, решил рискнуть и добраться до деревьев. Где деревья, там твёрдая земля, деревья на болоте не растут. Ночью это будет сделать затруднительно. Пошёл, а земля под ногами пружинит, того и гляди – провалишься. Ощущение – как по батуту идёшь. Двести метров всего, а преодолевал их два часа. Ивы, их раньше ракетами называли, росли на сухом месте. С удовольствием улёгся передохнуть. Последний участок перехода самый напряжённый выдался. Ни звуков перестрелки, ни людей. Только высоко в небе бомбардировщики пролетели. Есть охота. Не остался здесь, вперёд пошёл. По его прикидкам, уже наши должны быть. Только в сумятице первых месяцев войны не всегда была передовая, линия разграничения войск. Слева, едва слышно, начали бить пушки. Он развернулся к востоку. Через полчаса хода вышел к хутору. Понаблюдав, никого не видно и не слышно. Даже если хозяева отлучились, что маловероятно, живность должна голос подавать – куры, свиньи. А тут тишина. Подкрался поближе, забора вокруг хутора нет. Обошёл избу, а дверь нараспашку. Заглянул – запустение, пыль. Бросили хозяева хутор, в эвакуацию ушли. Обыскал избу – съестных припасов никаких. Зато старую бритву нашёл и засохший кусочек мыла у рукомыльника в сених. На рукомыльнике осколок зеркала. Воды из колодца ведром зачерпнул, побрился. Мыло хозяйственное, мылится плохо, но вид опрятный стал. Он уж и не помнил, когда брился в последний раз, щетиной оброс. Впрочем, когда ел, тоже не вспомнил.

Бритва опасная, с откидной ручкой, ещё довоенного производства. Интересно – забыл её хозяин второпях или другую, новую имел? Бритву уложил в нагрудный карман. Выйдет к своим, в чём не сомневался, а у него личных вещей никаких. Сидор остался ещё там, в землянке разведвзвода.

Спать хотелось, устал. Преодоление болотистого участка потребовало физических сил и волнений. Случись оступиться, помочь было некому, а трясина не отпустит, не пожалеет, засосёт. Жуткая смерть, уж лучше в бою от пули погибнуть.

Засиживаться не стал, покинул хутор. И четверти часа не прошло, как услышал впереди лёгкий щелчок, сразу упал. Звук явно не природного происхождения, похож на снятие оружия с предохранителя. И тут же голос на русском.

- Кто такой?
- Полковая разведка.
- Подними руки и шагай сюда.

Понял, деваться некуда, двинулся на голос. За деревьями два молодых красноармейца с винтовками. Один, вероятно старший в карауле, приказал:

– Оружие снимай. Веденякин, води его к командиру. И оружие его забери.

Илья автомат с плеча снял, не бросил на землю, а положил бережно. Рядом пистолет трофейный. В разведке сложилось, что кроме автомата обязательно нужен нож, без него часового не снять, проволоку не разрезать, консервы не вскрыть. А ещё пистолет, хоть по штату не положен, как последний шанс на выживание. Разведчики имели пистолеты трофейные. В начале войны личного оружия офицерам не хватало, не до разведчиков. А ещё – такой пистолет в случае необходимости бросить можно, случайно потерять и никакой ответственности не будет, не вписан он в красноармейскую книжку.

Веденякин оружие подобрал.

– Шагай вперёд.

Эх, молодо-зелено, не обыскали даже. В кармане бритва опасная, фактически – нож в умелых руках. Дозорный провёл его к политруку, судя по нашивке на левом рукаве в виде красной звезды.

– Товарищ младший политрук! Задержанного привёл. Вышел на дозор с оружием.

– Что, прямо через болото?

– Так точно.

– Быть того не может, непроходимое оно.

– Не могу знать.

– Благодарю за службу. Оружие задержанного оставь, возвращайся на пост.

Дозорный козырнул, вышел.

– Ваши документы! – политрук застегнул верхнюю пуговицу гимнастёрки.

Илья документы достал. Политрук изучил книжку, сверил номер автомата с записью.

– Всё в порядке. Откуда выходил?

– На полк танки с тыла прорвались, южнее Смоленска. Со мной ещё бронебойщик выходил, погиб. Вот его документы.

Илья положил красноармейскую книжку Петра на деревянный ящик, служивший столом.

– Похоронил я его, место запомнил.

– Полк твой почти весь полёг, сержант. Главное – знамя уцелело и несколько человек. Насколько я знаю, на переформировании, где-то под

Рязанью.

– Туда отправите?

Политрук помолчал.

– Плохую новость я скажу тебе, сержант. Ты думаешь, в распоряжение нашей передовой вышел? Нас тут не больше роты, да и то сборной. Окруженцы! Тоже к своим прорываться будем. Боеприпасов не хватает, провизии нет.

– Жаль, я думал подхарчиться.

– Сейчас одиннадцать тридцать. В двенадцать попробуем предпринять атаку. По рации связывались с нашими, обещали огнём поддержать.

– Товарищ политрук! Разрешите спросить?

– Разрешаю.

– Кто командир роты?

– Я, младший политрук Лабушкин. Я же единственный командир. Есть ещё старшина. Потому тебе придётся возглавить взвод. Бойцы из разных частей, вооружение разное, но выбора нет. Надо прорываться. Пойдём, бойцам представлю. И оружие своё заберу.

– К автомату ни одного патрона нет.

Политрук открыл ящик, достал пачку патронов.

– Держи, последний НЗ.

– Спасибо.

В картонной пачке семьдесят патронов, как раз на ёмкость магазина. Политрук провёл его к бойцам. Какой взвод? Хорошо, если половина. У бойцов на петлицах и чёрный фон – технические службы, и малиновые – пехотные, и даже у одного – голубые, авиация, и оружие разномастное – винтовки в большинстве. У одного – автомат «ППШ», у другого – трофейный МР 38/40.

Политрук представил Илью.

– Ваш взводный, сержант Сафронов.

Потом отвёл Илью в сторону.

– Начало атаки – красная ракета. После сигнала поднимай бойцов, направление на северо-восток.

Для убедительности младший политрук махнул рукой. Политрук явно не строевой командир, вероятно – призванный из запаса, из партруководителей. Илья первым делом уселся магазин патронами набивать. Если скоро атака, негоже идти в бой с пустым магазином. Набив магазин патронами, спросил у бойцов:

– Оружие есть? С патронами как?

Оружие было у всех, с патронами плохо. У кого полная обойма, у кого

две. Загромыхали пушки, бойцы сразу попадали. Но пушки били наши, снаряды ложились правее и на удалении с километр. Тут же хлопнул выстрел ракетницы, в небо взлетела красная ракета.

– Взвод, за мной!

Пока бьют пушки, немцы будут прятаться в укрытиях. Это время надо использовать с максимальной пользой. Илья побежал, за ним солдаты. Слева, из-за деревьев выбежали ещё красноармейцы. Впереди старшина с «наганом» в руке. А справа политрук с «ТТ» в руке, за ним десяток красноармейцев. Бежали молча, экономя силы.

Впереди окопы – не наши, чужие. Земля вспахана взрывами, воронки ещё дымятся дымом после недавних взрывов. Артподготовка была короткой, да и пушек всего четыре, батарея полковых пушек. Не все укрытия были разрушены, потому многие из немецкой пехоты уцелели. Илья заметил, как один немец переставляет ручной пулемёт с фронта в тыл, чтобы начать стрельбу по бегущим бойцам. Илья остановился, присел на одно колено для устойчивости, прицелился, дал короткую очередь. Мимо, пули вздыбили землю. Пулемётчик тут же в траншею спрятался. Илья побежал, за ним солдаты. Навстречу захлопали выстрелы. Пулемётчик показался снова. Илья вскинул автомат. После бега дыхание не восстановилось, ППД в руках «ходил», но уловил момент, дал очередь. На этот раз попал, пулемётчик рухнул. В окопах немцы мелькают. Стреляют наши, стреляют немцы. Боковым зрением Илья видел, как падают красноармейцы. Добежав до траншеи, Илья дал длинную очередь по пехотинцам. Развернулся в другую сторону, а там пусто. Траншеи всегда делались в виде зигзага в плане, чтобы угодивший в траншею снаряд или мина не поразили всех. Он забросил автомат за спину, схватил готовый к бою пулемёт, перепрыгнул траншею. Вскинул пулемёт, нажал на спуск. Водил стволом по траншее, где показывались угловатые немецкие каски. Подавить огнём неприятеля, хотя бы на несколько секунд, дать бойцам возможность перебежать траншею. Пулемёт проглотил последний патрон, смолк, Илья его отшвырнул, сам побежал уже вдогонку бойцам. Вслед раздавались редкие выстрелы. Когда половина нейтралки была уже позади, слева и сзади слышались хлопки миномётных выстрелов.

– Ложись! – закричал Илья.

У немцев пехота имела миномёты, в каждой роте по четыре 50-мм миномёта. Стреляли прямо из траншей. Начали рваться мины. Одна за одной, с малыми интервалами. Миномётчики пристреливаться стали. То позади взрывы, то впереди. Классическая вилка. Сейчас задробят прицел и накроют. Илья вскочил.

– Вперёд!

И побежал. За ним солдаты. Через несколько секунд на месте, где они лежали, взрывы. Мины ротных миномётов небольшого калибра, взрывчатого вещества мало, радиус убойного разлёта осколков невелик. Кого-то из бойцов ранило, но убитых не было. Так и добежали до своих, попрыгали в траншею. Все хрипят, ртами воздух жадно хватают. Сколько пробежали? Два километра? Три? Да не налегке, в спортивном костюме, а по пересечённой местности, с оружием, отстреливаясь. Когда отдышались, Илья спросил:

– Бойцы, где политрук?

Переглянулись, молчат.

– А старшина?

И тоже нет ответа. Видно – на поле боя остались. Если ранены, дело скверное. Немцы от артоналёта отошли, так же как от внезапной атаки русских из тыла, и вытащить с нейтралки никого не позволят.

К бойцам в траншею вошёл старший лейтенант.

– Кто старший?

– Сержант Сафронов. Командовал прорывом младший политрук Лабушкин, ещё старшина был. Наверное, убит.

– Сержант, по траншее выводите своих бойцов, до поворота и в тыл. Оружие сдать, на повороте старший сержант примет.

– Есть.

Слова о разоружении Илье не понравились. Автомат, как и приказали, сдал, а пистолет трофейный остался в кармане. По ходу сообщения вышли в тыл, в небольшую рощу за склоном. Немцам рощица не видна, однако миномётами при желании накрыть могут запросто. В роще их уже ждал контрразведчик.

– Построиться в шеренгу, документы сдать для проверки.

Построились, сдали. И радостно, что к своим вышли, и некоторое недоумение. Почему оружие забрали? Кто дезертировать хотел, те к политруку не прибились бы. Переоделись в гражданское, бросили оружие, да и остались бы в какой-нибудь деревне на оккупированной территории. Старший лейтенант из войсковой контрразведки в сторону отошёл, стал документы изучать. Илья команду отдал.

– Вольно!

Контрразведчик, как команду услышал, подбежал.

– Кто команду отдал?

– Сержант Сафронов. В роту, которую вывел, теперь я за старшего.

– Вы не рота, а сборная солянка! И старшим вас, сержант, никто не

назначал.

– Младший политрук Лабушкин назначил командиром взвода. Он погиб при прорыве, автоматически старшим стал я, принял командование на себя.

– Вы сейчас в действующей армии, а не в немецком тылу! Всё, вы теперь не командир взвода!

– Так точно! Разрешите идти?

И чего взбеленился старший лейтенант? Власть свою показать хочет?

– Идите.

Илья отошёл к солдатам, встал в строй. Всё же самодур особист. Простояли в строю около часа. Контрразведчик уходил, возвращался, похоже – тянул время. На поляну вышел майор, как позднее узнал Илья, командир полка. Между особистом и майором пошёл разговор, потом на повышенных тонах, оба начали размахивать руками. До солдат доносились обрывки фраз.

– Не позволю, они в окружении были.

Это особист.

– Я тоже в окружении был.

Это уже майор.

– Фильтрация...

Это уже особист, одно слово только слышно было.

До чего договорились, неясно, а только майор подошёл к бойцам.

– Следуйте за мной.

Майор привёл бойцов к полковой кухне. Каждому по котелку супа налили и куску хлеба. А ложек ни на кухне нет, ни у бойцов. Но суп – не каша, отпивали из котелков. Многие не ели горячей пищи несколько дней, съели быстро. Вместо майора старший лейтенант пришёл, принёс красноармейские книжки, раздал.

– Отныне вы все вливаетесь в подразделения нашего полка. Стройся, за мной шагом марш!

Дошли почти до траншей, старлей команду отдал.

– По одному в ход сообщения. В траншее старшина встретит, распределит по взводам.

Старшина брал из кучи оружия, оставленной окруженцами, винтовки, вручал бойцам.

– Патроны во взводе получите. Десять человек направо, остальные налево.

Что интересно, трофейный автомат МР 38/40 не отдали. Старшина сказал бойцу.

– Не положено воевать оружием врага, не табельное оно. Во взводе получишь.

Но Илья свой автомат получил. Пришли в роту, распределили красноармейцев по взводам. Жиденькие взвода, половина состава. Оружие разномастное – трёхлинейки, СВТ, АВС, один «ППШ». Илья у командира взвода – старшего сержанта, сразу про боеприпасы спросил.

– В землянке возьми.

В землянке винтовочных патронов неполный ящик и в небольшом холщовом мешочке две пригоршни пистолетных. Илья магазин набил, а запасного нет. Придётся патроны экономить, стрелять одиночными. Пока перезнакомился с солдатами отделения и взвода, вечер настал. В батальоне и полку острая нехватка командиров. Взводами вместо лейтенантов командовали старшины и сержанты. Средний срок жизни командира взвода на войне – трое суток. В первую очередь командиров выбивали пулемётчики, снайперы. Да и в атаку, на пулемёты, командиры поднимались первыми. Зачастую принимая огонь на себя. Первым быть всегда трудно, а на войне – смертельно опасно.

Утром немцы начали обстреливать наши позиции из тяжёлых миномётов. Бойцы попрятались в окопы, ячейки, землянки, сделанные наскоро, укрытие плохое. В блиндаже безопаснее, но ни одного не было. Блиндажи требуют серьёзного обустройства, сверху накат из брёвен в четыре – шесть слоёв, такой мина не пробьёт, только гаубичный снаряд.

Налёт продолжался четверть часа и прекратился внезапно. И тут же крик дозорных.

– Немцы! Танки!

Со стороны немецких позиций рёв моторов. Илья в стрелковую ячейку встал. За танками пехота бежит, довольно далеко пока, из автомата стрелять – патроны жечь попусту. Танков четыре, Т-III. Проблема в том, что противотанковых средств в полку нет. Кто-то закричал.

– Танк с тылу!

И правда, танковый мотор ревёт. Паника поднялась. Заметались красноармейцы. Ни гранат, ни бутылок с зажигательной смесью, ни бронебойных ружей. У Ильи холодок по спине, был он уже в такой ситуации. А как танк показался, отлег-ло от сердца. Наш, советский KB-1, тяжёлый, но в единственном экземпляре. С короткой остановки выстрел сделал и один из немецких танков сразу замер, дым из него повалил. А KB-1 через нашу траншею прошёл, переваливаясь. У бойцов сразу боевой дух поднялся. Немецкие танки огонь из пушек открыли. Снаряды по нашему KB попадают и с визгом рикошетируют. Здоров танк, мощный. KB

ещё раз выстрелил с остановки, ещё один Т-III застыл. Другие два танка в единоборство вступать не стали, начали пятиться. Пехота без поддержки танков наступать не стала, отступила, атака захлебнулась. Илью, как и других бойцов, гордость обуяла. Один танк всю атаку сорвал. Сейчас таких бы десяток, можно было бы немцев гнать, заставить отступить с потерями. КВ дополз до середины нейтралки, сделал ещё один выстрел и дал обратный ход. Так же неторопливо преодолел траншею и скрылся в тылу. До винтовочной стрельбы дело не дошло.

А через полчаса в небе показались немецкие бомбардировщики, ненавистные пикировщики «Ю-87». Пехота немецкая вызвала их по рации. Сделали круг над нашим ближним тылом, потом бомбить с пикирования стали. Взрывы бомб следовали один за другим. В тылу дымы поднялись. Бойцы переживали – не наш ли КВ горит? Бомбардировщики улетели, снова заработали немецкие миномёты. Когда обстрел прекратился, немцы пошли в атаку. Два уцелевших в прежней атаке Т-III и четыре бронетранспортёра, которые начали пулемётный обстрел наших позиций. Когда немцы преодолели половину нейтралки, вновь из тыла выполз наш КВ. Выстрел, и немецкий Т-III горит. Другой танк и бронетранспортёры не стали испытывать судьбу, сразу пятиться стали. Против пушки КВ их броня слаба, а сами повредить наш тяжёлый танк не могут. Нашла коса на камень!

До вечера немцы попыток атаковать не предпринимали. В сумерках на позиции пехоты два бойца принесли термосы с едой – суп и каша, в сидорах хлеб. Обед и ужин сразу. Поев, улеглись отдыхать, выставив караулы.

Глава 7

Отступление

Илье выпало заступать караул с нуля часов. Устроился в стрелковой ячейке. Ночь, тишина, видимость минимальная. Спать хочется, а нельзя. Тешил себя тем, что недолго бодрствовать – четыре часа. Ночью не только и не столько зрение задействовано, но и другие органы чувств, в первую очередь слух. Около трёх часов ночи шорохи впереди слышались. Немцы или наши из окружения выбирают? Ветерок лёгкий со стороны немецких позиций. Унюхал Илья – гуталином пахло. Им немцы сапоги чистят, а наши – ваксой. Запахи разные, не спутать. Илья по уставу окрикнуть должен – стой, кто идёт? Пароль? Только в боевых условиях в ответ гранату запросто получить можно. Илья автомат с предохранителя снял, огонь открыл на звук. В кого-то попал, вскрик и ругань на немецком.

Разведка! Тут уж он не церемонясь дал длинную очередь веером. Потом в соседнюю ячейку перебежал. Его положение по вспышкам выстрелов засек-ли. На фронте дал очередь, смени позицию, иначе пулю сам получишь. В ответ автоматная стрельба из двух стволов. А уже бойцы из землянок выскочили, не видя цели, стрельбу открыли. Илья-то хоть по звуку стрелял, но не прицельно. Со стороны нейтралки огня не открывали. Бойцы в траншее до рассвета сидели. А как светать стало, увидели в двух десятках метров от траншеи двоих убитых, немного дальше ещё четвёртого одного, и через полсотни метров. Все в камуфляже, в касках. Немцы решили языка взять, да сорвалось. Илья вызвался сползать. Только выбрался, к первому убитому подполз, как немцы огонь из миномётов открыли. Первые две мины с недолётом упали. Илья ждать не стал, пока накроют. После первых разрывов вскочил и бегом в траншею. Только спрыгнул, ещё два взрыва, уже ближе. Немцы из бинокля или в стереотрубу наблюдали, не дали подобраться. Так немцы убитые и лежали до вечера. Как стемнело, Илья всё-таки выбрался из траншеи. Трупы сильно осколками посечены. Документы попробовал найти, да не было их. Вообще-то наши разведчики при выходе в поиск оставляли у старшины награды, документы, а немцы имели с собой. Подобрал два автомата, снял подсумки с магазинами. У наших бойцов с автоматическим оружием плохо, будет подспорье. А ещё снял нож в чехле и две гранаты, с длинными деревянными ручками. Добытое богатство в своей стрелковой ячейке в

нишу пристроил. Жаль, что при немцах не было ранцев с провизией, налегке шли.

Утро снова началось с атаки. Миномётный обстрел, три танка и бронетранспортёры. Подтянули за ночь немцы резервы. Да только хитрость применили.

Когда из наших тылов показался КВ, с двух флангов раздались выстрелы. Немцы за ночь успели установить и замаскировать две зенитные 88-мм пушки. Орудия очень мощные, в дальнейшем их качающиеся части – ствол с казёнником, были установлены на танк Тигр Т-VI. Оба выстрела достигли цели, КВ замер, из распахнувшегося люка выбрались двое танкистов. Один помогал другому, прихрамывающему, добраться до наших траншей, расстояние было невелико. Один из танкистов ругался.

– Вы что же, пехота, не видели, как пушки установили?

Вопрос без ответа остался. Ночью никто не слышал моторов тягачей. Вполне могло быть, что расчёты подкатили пушки к передовой руками. КВ не загорелся, танкисты поглядели с сожалением.

– Ничего, главное – пожара нет. Ночью тягачом вытащим и в ремонт, восстановим.

Танкисты ушли в тыл. Немцы, видя наш подбитый танк, осмелели, продолжили атаку. Танки всё ближе, из пушек стреляют, пулемёты почти непрерывно бьют. Пехота с бронетранспортёров спешила, за танками бежит. Наши бойцы из винтовок стрелять начали. Немцы потери стали нести. До немцев уже триста метров, двести. Неожиданно с нашего правого фланга длинной очередью ударил станковый пулемёт. Стрельба прицельная, точная, у немцев сразу десяток пехотинцев упали. Один из танков остановку сделал, башню повернул. Выстрел из пушки, ещё один. «Максим» замолчал. Залёгшие было немцы, снова поднялись в атаку, а «максим» ожил. Видимо, погибшего пулемётчика заменил другой.

Главная ударная сила немцев – танки, этот броневой кулак вермахта. Илья прикинул шансы. Может получится, если действовать быстро. Автомат не взял, только мешать будет. Выбрался из траншеи, по пластунски пополз к КВ. За танком вскочил, сейчас застывший исполин прикрывал его от пуль, от наблюдения немцев. Взобрался на корму танка. Набрал воздуха в лёгкие, как перед прыжком в воду, залез на башню и спрыгнул в открытый люк. Ой, мама! Впереди, в отделении управления, мешанина из костей и человеческого мяса. Всё кровью забрызгано. В лобовой броне две пробоины зияют. Но в башне всё на своих местах. Ещё в училище их учили стрелять из БМП – пушки, пулемёта. Командир обязан владеть оружием, которое будет во взводе, роте. Вытащил из боеукладки снаряд, загнал в

казённик. Мягко клацнул затвор. Для тяжёлого танка, коим был КВ, пушка слабовата. Такая же Ф-32, какая стояла на среднем танке Т-34. Средним танкам положена своя пушка, тяжёлым – более мощная.

Сел на место башнёра, как называли наводчика пушки, приник к прицелу. Во всю оптику лоб Т-III, в центре прицельной марки – немецкий крест. После выстрела надо быстро покидать танк. Зенитчики второго выстрела дать не дадут. Конечно, лучше бы покинуть танк через нижний, десантный люк. Но там сейчас кровавое месиво. Нажал на педаль спуска. Пушка в закрытом пространстве грохнула оглушительно. Казённик откатился, со звоном выбросил латунную гильзу, башня наполнилась пороховыми газами, зашипало в носу. Илья вскочил ногами на сиденье, потом подтянулся, выбрался. Беглый взгляд вперёд. Не зря рисковал! Немецкий танк застыл на месте, из всех щелей валил чёрный дым. Илья с башни на корму скатился, сильно ударился локтем. Спрыгнул на землю и бежать. С ходу спрыгнул в траншею. Тут же по брустверу ударили пули. А затем один выстрел зенитки, другой. У зениток «голос» особый, хлёсткий. У танков он глухой. Из КВ дым повалил, почти сразу из открытого люка пламя вырвалось.

Один из бойцов, наблюдавший за Ильёй, спросил.

– Ты что, с пушкой обращаться умеешь? Танкист?

– Папа в детстве показывал, – пошутил Илья.

– А... – растерялся боец.

Одним танком меньше стало, но другие полз-ли на позиции. Бойцы палили из винтовок почти неприцельно. Вот уже и пехота в ста метрах, следует за танками. Для автомата это дистанция почти предельная. Илья поставил переводчик огня на одиночные выстрелы. Прицелился, выстрелил. Мимо! Немец как бежал, так и бежит. Второпях не перевёл целик на нужную дистанцию. Исправил ошибку, выстрелил снова. Попал! Немец упал. Илья стал переводить ствол на других пехотинцев. И стрелял, стрелял. В полусотни метров от него танк въехал на траншею, стал вертеться на месте, обрушивая стенки, погребая под собой бойцов, которые не успели убежать. А за танком уже накатывается цепь солдат в мышиноного цвета мундирах. Илья переводчик на автоматический огонь поставил, дал длинную очередь, ещё одну. Всё, патроны кончились. Илья автомат свой отбросил, схватил из ниши стрелковой ячейки трофейный, стал стрелять в набегающих врагов. Немцам укрыться негде, как на ладони. И новая волна набегают. Илья вовремя о гранатах вспомнил, схватил одну, начал колпачок откручивать, потом за фарфоровый наконечник запала схватился, дёрнул резко. У немецких гранат запал тёрочный, резкого движения требует.

Метнул гранату. Пока запал горел долгих пять секунд, успел вторую гранату в готовность привести. Как только взрыв хлопнул, бросил вторую. После второго взрыва заменил магазин в автомате на полный, голову над бруствером поднял, а стрелять не в кого, перед его сектором только убитые да раненые валяются. Стал стрелять в соседние секторы, где немецкие пехотинцы уже ближе, чем на бросок гранаты от нашей траншеи. Эх, сейчас бы пару наших лимонок, немецкие гранаты слабоваты. Несколько пехотинцев убил, несколько залег-ли. Один немец достал из голенища сапога гранату, дёрнул запал, стал размахиваться. Сейчас гранату бросит в траншею, Илья дал очередь, немец ткнулся головой в землю, через несколько секунд граната сработала. Раздались крики и стоны раненых. Илья схватил в руку немецкий патронташ, в другую – автомат, побежал по траншее влево, там фашисты готовились к броску, а красноармейцев осталось двое-трое, судя по редкой винтовочной стрельбе. Не успел добежать, немцы в атаку поднялись. Илья стрелял, пока не кончился магазин. Залегли, кто уцелел. Илья сам присел в траншее, сменил магазин. Сзади рёв мотора на уши давит. Обернулся – немецкий танк в его сторону ползёт, пропуская траншею между гусеницами. Танкисты стрелять по тем, кто в траншее, не могут, мёртвая зона, пулемёт не имеет большого угла склонения. Стены траншеи обрушить хотят, раздавить, завалить землёй. Илья кинулся в боковой ход, а он ещё мельче. На колени встал и на четвереньках пополз. В конце хода стрелковая ячейка полного профиля, туда забился, голову над бруствером приподнял. Танк уже на том месте, где Илья недавно был, стал разворачиваться. Стенка траншеи обрушилась, танк на одну сторону завалился. Мотор ревёт, гусеницы вращаются, а танк на месте. Илья из ячейки выскочил и побежал в сторону тыла. Взорвать или поджечь танк нечем, в автомате последний магазин. Из наших траншей уже ни одного выстрела не слышно. Большинство погибло, единицам, вроде Ильи, в последний момент повезло отступить. Проиграли сражение, но немцам победу рано праздновать, у них потери при атаке большие и без подхода резервов они наступать не смогут. Илья побежал по роще, спустился в низину. А там полуторка трогается, в кузове несколько бойцов. Илья ходу прибавил, бойцы руки протянули, Илья ухватился, его рывком втянули в кузов. От бега отдышался, бойцов спросил.

– Куда едем?

– А кто знает? К своим, до ближайшей части.

Полуторка, завывая мотором, взобралась на пригорок. Километра не проехали, как впереди в небе точка возникла. Один из солдат закричал.

– Воздух!

И стал бить кулаками по крыше кабины. Не дожидаясь, пока грузовик остановится, Илья прыгнул, перевалившись через борт. Самолёт в пологом пикировании огонь открыл, сразу из пушек и пулемётов. Бах, бах, бах! Снаряды ударили по капоту машины, кабине, кузову. Один боец, как и Илья, прыгнул на ходу, только в другую сторону, а второй замешкался и был убит. Грузовик замер, из пробитого радиатора пар валил. Илья подбежал к полуторке, распахнул дверцу. Водитель убит, залит кровью. На пассажирском сиденье особист, который документы у вышедшей из окружения группы проверял. Пуля ему в голову угодила, наповал. Злой на него Илья был. Но, по римской пословице – о мёртвых хорошо или ничего.

Боец подбежал.

– Что?

– Оба наповал.

Боец на заднее колесо грузовика встал, руками за борт подтянулся, сразу прыгнул.

– От товарища моего... головы нет. Оторвало!

Боец аж заикаться стал.

– Оружие твоё где?

– В кузове осталось.

– Забери. И документы сослуживца тоже.

– Может – ты?

– Чего боишься? Мёртвые ничего не сделают. А я у этих, из кабины, документы заберу. Выйдем к своим, сдадим, расскажем, где убиты.

Илья документы у водителя взял, потом обошёл грузовик, забрал из кармана гимнастёрки особиста командирское удостоверение. Глядь, ремешок сумки виден. Потянул, командирский планшет на себя вытянул. Открыл. О, находка ценная – карта топографическая, советского производства. А ещё несколько листов бумаги, и чистые и исписанные. Интересно стало, читать принялся. А это рапорт на командира полка, дескать, окруженцев в фильтрационный лагерь запретил отправлять, направил в качестве пополнения в батальон. На двух других листках протоколы допросов военнослужащих. Вот же.... Слов не нашлось добрых, только матерные. Илья бумаги на мелкие клочья разорвал, пустил по ветру. Боец спросил.

– Ты что порвал?

– Личное письмо.

– Темнишь! Доносы, небось!

Видимо, боец особиста знал. Илья отвечать не стал. Из кобуры убитого вытащил табельный «ТТ» и запасную обойму, в карман опустил. У бойца

на плече трёхлинейка.

– Патроны к ней есть?

Боец открыл обе патронные сумки на поясе – пусты.

– Забери у товарища, пригодятся.

Боец с видимой неохотой в кузов полез, выбрался назад с тремя обоймами в руке.

– До своих неизвестно сколько идти, и патронов много никогда не бывает, учти. Есть возможность – пополни.

– Мы с Андреем одного призыва, из одного котелка ели, – понуро ответил боец.

– Понимаю, сам товарищей терял. Но соберись, нам ещё топать. За мной.

Сначала шли по грунтовке, когда слева стали слышны выстрелы танковых пушек, забежали в лес. Слева поле, вдалеке танки показались немецкие. Их по серой окраске издали узнаешь, по угловатым очертаниям корпуса. Илья в лес углубляться начал, боец не отставал. Через полчаса хода Илья остановился, сел на поваленное дерево, карту достал. Надо сориентироваться. Получалось – северо-западнее Смоленска. Город переходил из рук в руки и чей он сейчас, Илья не знал. Решил – к городу идти опасно. Надо держать путь на восток. Сейчас это самый краткий путь до своих, хотя и не самый безопасный.

Смоленск обошли с севера, на юге громыхало, похоже, битва у Смоленска ещё продолжалась. Больше всего неприятностей для Ильи и Валерия, как звали бойца из грузовика, доставляли реки. Небольшие ручьи переходили вброд, сняв сапоги и галифе. Можно и не снимать, но мокрая обувь натирала ноги до кровавых мозолей. По примеру Ильи раздевался Валерий. Но с реками беда. Плыть с оружием неудобно, ко дну тянет, а ещё боязно патроны замочить, они могли подвести, дать осечку в самый неподходящий момент. А реки, как назло, одна за одной. Сначала Большой Вопец, потом Хмость, за ней Орлея. И все – поперёк движения. Удалось подхарчиться в Малявчино, потом в Подроще. В каждой деревне Илья расспрашивал – где немцы? А деревенские и сами толком не знают. Радио нет, как и газет. Все новости узнают от проходящих красноармейцев. Илью интересовал вопрос – в чьих руках Ярцево? До него полтора десятка километров. Стоит туда идти или обойти?

Подшли с Валерием к деревне Горки. Ой! По дороге машины идут, лошади с телегами, пешком народ идёт. Гражданские тележки везут со скарбом, малыми детьми, ведут за собой коров. А ещё военные. Вышли Илья с Валерой недалеко от слияния Вопи и Днепра, у деревни Соловьёво.

Печально знаменитая Соловьёвская переправа. Единственный уцелевший деревянный мост, узкий, старый, не приспособлен для такой нагрузки. Днепр в этих местах уже полноводен, не всякий решится переправиться вплавь. В помощь мосту сновал паром, да не механический. С берега на берег канат переброшен, который тянут руками. И над переправой штурмовики немецкие висят. Когда бомбёжка, люди от дороги разбегаются, улетели самолёты, снова к мосту и парому собираются. Убитых полно, но их не хоронят, спешат на восточный берег Днепра перейти. А ещё немецкая дальнобойная артиллерия донимала. Стрельба издалека велась, рассеивание снарядов большое, но почти все достигали цели. Если не в мост угодит, так в толпу перед переправой. По скромным подсчётам, у переправы погибло больше ста тысяч гражданских и военных. Наступающих немцев с трудом сдерживали обескровленные части Красной армии, но люди у моста понимали, что времени у них мало. В любой момент немцы прорвутся, тогда быть большой беде.

Немцы 13 августа форсировали Днепр у Рогачёва, обошли 61-й корпус Петровского, остававшийся на рубеже между Рогачёвым и Жлобиным. Наши войска пытались атаковать немецкий 46-й моторизованный корпус Фиттенгофа, занимающий Ельнинский выступ.

Ввиду тяжёлого положения, больших потерь личного состава, Ставка ВГК приняла приказ № 27 «О борьбе с дезертирами, трусами и паникёрами», где говорилось «... имеют место факты сдачи в плен не только красноармейцев, но и начальствующего состава. Приказываем драться до последней возможности всеми средствами, а сдающихся в плен уничтожать. Семьи сдавшихся в плен лишать государственного пособия и помощи...»

Илья, так же как и его попутчик, о приказе не знали. И без него сдаваться не намеревались. Но иногда ситуация складывалась так, что крупные немецкие соединения брали в кольцо наши части – полки, дивизии, даже корпуса. Израсходовав боеприпасы, потеряв технику, бойцы вынуждены были сдаваться. Некоторые стрелялись, особенно командиры. Наибольшее количество пленных немцы взяли под Духовщиной и в Вяземском котле, счёт шёл на сотни тысяч.

- Давай отойдём повыше по течению и переплывём.
- Боюсь, я пловец неважный.
- Найдём какие-нибудь коряги. А здесь только время потеряем.

С запада слышались уже отдельные пушечные выстрелы. Илья знал, что звуки отдельных выстрелов слышны за семь километров. Стало быть, немцы уже недалеко и надо поторапливаться. Отошли вверх по течению с

километр. Илья учитывал, что течением их снесёт к мосту. И не дай Бог в это время быть бомбардировке. В воде оглушит, как рыбу. Вон её сколько у берега, кверху пузами, погибшей. Илья высматривал место поудобнее, чтобы берег пологим был. А ещё – коряги, выброшенные ящики, в общем – всё деревянное, что может на плаву держать. Для Валеры нашлась деревянная дверь, как она на берегу оказалась – загадка. Илье же пришлось довольствоваться корягой. Разделись донага, форму и оружие на свои плавсредства уложили, осторожно в воду вошли. Течение сразу подхватило, понесло. Одной рукой приходилось корягу держать, другой – грести. У Валеры ситуация получше – грудью на дверь лёг, ногами работает. Дверь плоская, её не так быстро сносит, как корягу. Уже вдали мост показался. Но не доплыли, раньше к противоположному берегу пристали. Радость у обоих – живы, на восточном берегу, где точно наши. Из бойцов и командиров, которые перебрались на берег, по-быстрому сколачивали взводы и роты, посылали занимать позиции. И ни у одного бойца нет сапёрной лопатки. Чем окопы, траншеи копать? Кто-то стальным шлемом землю рыть начал, другие рыхлили штыками и выгребали руками. Каждый знал – не успеешь сделать окоп, пусть не полного профиля, при первом же обстреле или бомбёжке будешь убит. Для пехотинца главное условие – зарыться в землю. Она, родимая земелька, от пули и осколка спасёт.

Бойцы чувствовали себя за рекой в некоторой безопасности. Ни танк не подъедет, ни пехота вражеская в атаку не кинется. Как стемнело, привезли походную кухню. Многие бойцы, как и Илья, ели впервые за несколько дней. И ненавистная раньше перловка или «шрапнель», как её называли солдаты, на «ура» пошла. Наевшись, улеглись спать в окопчиках. А утром ротный из политруков приказал рыть ходы сообщения. А чем? Для себя с трудом окопчики вырыли. Ротный поматерился и затею оставил. Беда пришла, откуда не ждали, с тыла. Немцы выбросили парашютный десант. Видели самолёты, парашюты, но далеко, километрах в трёх-четырёх. Из стрелкового оружия не достать. Уже через час десантники атаковали жиденькую цепь роты. Массированная автоматная стрельба, немцы в комбинезонах, в смешных шортах, какие только у парашютистов были, стальные шлемы необычные, не как у вермахта. Красноармейцы отстреливались, за спиной река, отступать некуда. Илья стрелял из автомата одиночными выстрелами, а немцы набегают. Уж большая часть их выбита. Единственный магазин опустел, Илья из кармана «ТТ» особиста выхватил. Выстрел в набегавшего немца, второй – в другого. В некоторых местах до рукопашной дошло. Десантники дюжие, откормленные, хорошо физически подготовленные. И наши – отощавшие, небритые. А только

наша взяла. Прикладами отбивались, штыками кололи. У немцев ни секунды нет, чтобы магазины в автоматах поменять. Илью здорово пистолет выручил. Кабы не он, быть ему убитым. Немец набежал, автомат направил, а выстрела не произошло. Илья же ему в грудь выстрелил. Затвор на задержку встал, опустел магазин. Илья на запасной поменял. Восемь патронов и всё, хоть зубами грызи. Да только нет десантников живых, одни трупы. И роты фактически нет, с десятков человек осталось. Илья пространство перед окопом обошёл, забрал патронташи с магазинами у немцев. Что у германцев хорошо, конвейерное производство. Любой магазин от одного автомата подходит к другому. У нас же сборка почти вся ручная. К «ППШ» два магазина прилагается, подогнаны. А от другого автомата не подходят, то в горловину не лезут, то при подаче патронов перекосы. Проблема исчезла значительно позже, когда вместо круглого магазина промышленность перешла на секторный. Он имеет меньшую вместимость, 30 патронов, зато надёжен, заряжать быстро можно, в отличие от круглого, подсмотренного у финского «Суоми» в 1939 году. Только у финнов культура производства другая, магазины не капризничали.

К вечеру остатки роты отвели в тыл, посадили на грузовики. Целая автоколонна сформировалась из таких остатков подразделений. Тряслись на грузовиках долго, а когда прибыли в запасной полк, Илья услышал – Вязьма. Сразу вспомнился из истории Вяземский котёл, где не одну нашу дивизию немцы уничтожили. В запасном полку формировались маршевые роты, которые шли на пополнение наших частей. В полку отбирались красноармейцы в разные рода войск. Представители войсковых частей или «покупатели», как их прозвали, отбирали артиллеристов, связистов, танкистов, сапёров. Проще взять бойца уже подготовленного, чем учить заново, что в боевой обстановке затруднительно, а то и просто невозможно. Всё оружие было изъято, документы сданы в штаб. Танкистов и артиллеристов противотанковой артиллерии забирали в первую очередь.

Когда на третий день старший лейтенант из «покупателей» крикнул.

– Кто служил в разведке или желает добровольно? Шаг вперёд!

И Илья шагнул. Пехота – не его стезя. В училище его готовили бороться с террористами, диверсантами. А для этого их методы знать надо. Фактически – он готовый разведчик. Владеет приёмами рукопашного боя, ножом, огнестрельным оружием, в равной мере пистолетом и автоматом. В разведке риск велик, но это его стихия. Старлей фамилии добровольцев спросил, на листке записал. Таковых пятеро бойцов набралось. Не все даже смелые люди хотели служить в разведке. На фронте все жизнью рискуют, но в разведке особенности есть. Нет флангов, тыла, поддержки

сослуживцев, артиллерии. А на миру и смерть красна. Пропал разведчик в поиске и не пишут «пал смертью героя», в военкомат по месту призыва бумага идёт – «пропал без вести». А это уже проблема для семьи. У Ильи в этом мире нет семьи, и он по этому поводу не переживал.

Старлей вернулся скоро, всем раздал их красноармейские книжки. Оказалось – трое уже служили в разведке, о чём с видимым удовольствием сказал старлей. Разведчики уселись в кузов полуторки, старлей в кабину, и бойцы отбыли к новому месту службы. И попал Илья на службу в 107-ю танковую дивизию, в стрелковый полк, в полковую разведку. В дивизии после боёв танков осталось едва половина от штатного расписания. Да и когда увидел Илья танки, приуныл. Ни одного современного на то время – Т-34 или КВ, всё устаревшие БТ-5, БТ-7 и несколько тяжёлых Т-35, многобашенных, малоподвижных мастодонтов, лёгкой мишени для пикировщиков. Все танки с моторами бензиновыми, прожорливыми, легко воспламеняющиеся, с тонкой бронёй.

Немцы упорно наступали, бросая в бой свежие части из резерва. Девятнадцатого августа они заняли Гомель, вышли на рубеж Гомель – Стародуб, создав угрозу флангу и тылу Юго-Западного фронта. Двадцать первого августа немецкий 42-й механизированный корпус занял Почеп, вышли к Новозыбкову. Двадцать второго августа, на исходе второго месяца войны, немцы нанесли удар на стыке наших 22-й и 29-й армий, бои пошли на Торопецком направлении.

Илья только успел перезнакомиться с разведчиками взвода, как вечером группа из трёх человек из его отделения, его землянки, отправилась в поиск.

Командующий Западным фронтом С. Тимошенко по указанию Ставки ВГК готовил наступление на Духовщину, требовал от разведотдела фронта сведений о противнике – дислокация, состав. И авиаразведка тоже действовала, хотя немецкие истребители активно противодействовали. А ещё – зенитная артиллерия. С большой высоты ничего не разглядишь, а на малой зенитки представляли серьёзную угрозу. В отличие от наших войск, у немцев насыщенность зенитной артиллерией была высока, даже на марше войска прикрывали. Германия ещё до войны купила патент швейцарской фирмы «Эрликон» и массово выпускала зенитные 20-мм автоматы, сдвоенные и одиночные. Кстати, Швейцария продавала эти зенитные орудия США и Великобритании, модель удачная получилась.

Посланная разведгруппа к утру не вернулась. А командование требовало данные – языка, карты немецкие. Старлей Кузин вызвал к себе Илью.

– Сафронов, ты в немецком тылу бывал? Опыт имеешь?

– Так точно.

– Тогда готовься, подбирай двоих бойцов из своего отделения. Вечером выходишь, я сам на передовую провожу.

– Слушаюсь. Только сапоги немецкие нужны и лучше бы автоматы фрицевские.

– Ты где такое слышал? Дури набрался? Советское оружие лучше. Узнает особист или политрук, горько пожалеешь!

– Вы не так меня поняли, товарищ старший лейтенант. У немецких сапог подковки, другой рисунок подошвы. На грунте влажном следы долго остаются. И с оружием, случись перестрелка, если из нашего автомата стрелять, сразу понятно – советский воин.

Илья при словах старлея о сапогах и оружии едва в ступор не встал. Кузин – командир разведвзвода, такие мелочи знать должен. Да и не мелочи это, от них успех поиска зависит. Видимо, обучали Кузина плохо, оно понятно, доктрина была в РККА, воевать будем на чужой территории, малой кровью. Можно подумать, на чужой земле разведка не нужна. Ничего, поднаберутся опыта на ошибках, научатся наши командиры воевать, только каждое упущение или ошибка – это человеческие жизни. Впрочем, людей в сорок первом – сорок втором годах не жалели.

Кузин хмыкнул, помолчал.

– Разумно. Знаешь, Сафронов, у меня такое впечатление, что это не я учился в училище, а ты.

– Никак нет. Во взводе, где я служил, командир служил во время финской войны, в тридцать девятом. Нам опыт передавал.

– Ладно, попробуем. Сапоги не обещаю, а оружие найду.

Илья двоих парней из отделения отобрал. Один сухощавый, такие в реакциях быстры, а ещё ножом он владел. Илья сам видел, как после завтрака Александр финку в дерево кидал – прямым хватом и обратным. Владение ножом для разведчика – ценное умение. Это сейчас в спецназе или разведке стреляющие бесшумно ножи и пистолеты. А во время войны о таком оружии даже мечтать никто не мог. Вторым был молчаливый татарин Рахим. Молчун, он если друг, то друг, а если враг, то враг. Весельчаки, балагуры, которые хороши на посиделках за шашлыком, в серьёзном деле сдуваются, весь пар в свисток уходит. Парней о поиске предупредил.

– Можете отдыхать, ночь бессонная будет. С немецким оружием обращаться умеете?

Оба кивнули. Не только разведчики, пехотинцы умели, жизнь заставила пользоваться трофейным оружием. Вечером старшина выдал

бойцам группы маскировочные костюмы. По штату ножи полагались, но в наличие не было. Но у всей троицы ножи были. Илья немного воды на землю налил, размешал пальцами грязь, на лицо нанёс. Александр засмеялся.

– Немцев пугать?

– И тебе рекомендую, чтобы лицом в темноте не выделялся.

И Александр и Рахим тут же намазали лица. Коли сержант говорит, значит, не зря, опробовано. Кузин, когда разведчиков увидел, явно удивился, но вида не подал, показал на трофейные автоматы и магазинные под сумки в углу землянки.

– Забирайте. Но по прибытии сдать.

– Товарищ старший лейтенант. Мне бы ещё карту.

– Германская устроит?

– Вполне.

Слово «германские», звучало чаще, чем «немецкие», потому что в армии вермахта служили не только немцы, но и австрийцы, чехи, финны, а в частях СС были поляки, французы, прибалты и прочие народы.

Кузин вывел их на передовую. На немецкой стороне взлетела осветительная ракета.

– Видишь, откуда ракета взлетела? – спросил старлей. – Правее пятьдесят – пулемётное гнездо, не нарвитесь. Мин на нейтралке, вплоть до германских траншей, нет, сапёры прошлой ночью проверяли. Удачи.

Не сложилась ещё традиция посылать к чёрту. Позже возникнет. Как можно командира посылать? Пехотинцы в траншее не поймут.

Илья, а за ним группа выбрались из траншеи на нейтралку. Сейчас это ничья земля и опасностей может поджидать много. Даст дежурный немецкий пулемётчик очередь и всю группу наповал положит. От случайностей никто не застрахован. Парни кое-какой опыт имели, потому что шагали за Ильёй след в след. Хотя бы азам разведки в поиске учить не надо. Конечно, Илья испытывал беспокойство. Парней в деле он не видел, не знал, на что способны, можно ли на них надеяться, не подведут ли в критический момент. Когда отошли на сотню метров от своих, Илья приказал остановиться.

– Теперь попрыгайте.

И сам попрыгал. У Александра автомат на ремне, касался рукоятки ножа, издавал металлический стук.

– Ножны на ремне сдвинь или автомат на другое плечо повесь.

Саша и сам свою оплошность осознал, исполнил приказание.

Ещё стометровку прошли, потом легли, пополз-ли. Несмотря на

уверения Кузина, Илья руками землю перед собой ощупывал. Немцы мастаки на сюрпризы, под покровом темноты могли установить противопехотные мины.

Мин не было, как и колючей проволоки. Немцы прагматики, не стали тратить время и силы на инженерное оборудование позиций. Наверняка планировали наступать, а не держать оборону долго. По плану «Барбаросса» немцы должны были взять Москву через шесть недель. Уже прошло восемь, а немцы половину пути не прошли, неся серьёзные потери. В Германии мобилизационные возможности и резервы невелики. Каждый день на германо-советском фронте перемалывались лучшие силы Германии, медленно и верно ковалась будущая победа.

Пальцы Ильи наткнулись на пустую консервную банку. Осторожно перенёс жестянку в сторону. Бутылки, банки и прочий мусор немцы бросали за бруствер. И у себя чище, и в случае появления русской разведки банки могли звякнуть, сигнал подать. Траншея уже рядом, метров десять. Табачным дымом потянуло, глухо доносится разговор. Илья ладонь поднял, знак – стоп. Сам к траншее подобрался. Метрах в десяти от него два немца стоят, курят. У одного винтовка на плече с примкнутым штыком. Ага, часовой, с сослуживцем болтает, коротая время. Пять минут прошло, десять, пятнадцать. Время неумолимо идёт, до рассвета шесть часов осталось. Наконец солдаты разошлись. Илья знак своим парням сделал, сам через траншею перемахнул. Автомат на изготовку взял, страхуя. Саша перебрался, через секунды Рахим. Дальше поползли. Та же земля, воздух, а ощущения иные, кажется – опасностью всё пропитано.

У немцев траншеи в два ряда, но во второй линии часовых не было. После второй траншеи ещё немного проползли, потом встали. Ползком много не одолеть, а задание было – взять языка в тылу, желательно офицера. Знать бы ещё, где какие подразделения стоят, а то карта девственно чиста. При позиционной войне противники много знали друг о друге – где дислоцирована та или иная часть, численность, вооружение. Даже если не было активных боевых действий, разведка не дремала. И с нашей и с немецкой стороны еженощно разведгруппы действовали. Штабы требовали свежих данных, обстановка в тылу противника могла меняться ежедневно. А это жизненно важно – где артиллерийские батареи, сколько танков и где.

Илья едва не свалился в промоину, по весне талые воды к реке текли, землю вымыли.

– Спускайтесь. Рахим, поглядывай. Саша, накрой.

Саша куртку маскировочную снял, над Ильёй на вытянутых руках

расправил. Илья карту раскрыл, зажёл немецкую зажигалку. Выменял вчера на пайку махорки. Фонарик бы, да где его взять?

При тусклом, колеблющемся свете определил предположительно район нахождения. Слева впереди рошица должна быть. Укрытие для техники не очень мощное, но всё же не голое поле. Туда и решил направиться. Зрительная память у него отличная, группу к роше повёл. Не доходя, залегли. Илья прошептал.

– Наблюдаем.

Уже через пять минут Рахим, наблюдавший сектор слева, шепнул.

– Вижу часового. Штык у него отблёскивает.

Илья голову повернул. И в самом деле, когда луна из-за облаков выглядывала, плоский штык на винтовке блики давал. Раз есть часовой, значит, есть что охранять.

– Ползком – за мной!

Подобрались поближе, замерли. Роша не проглядывается, темно. И что там – танки, пушки или полевой госпиталь, – не понять. Только бы не госпиталь или склад, от «языка» из этих подразделений толковых сведений не получишь.

Илья решил часового не трогать, вдруг смена караула, обнаружат убитого, поднимется тревога, разведгруппа попадёт в сложное положение, не выполнив задания. Их задача – взять «языка», часовой априори не подходит. Что он может знать, кроме своего фельдфебеля?

– Как часовой подальше отойдёт, ползём в рошу.

Часовой развернулся, пошёл влево. Илья пополз, за ним разведчики. Сейчас главное – не издать шума. В роше тихо, как будто нет никого, но часовой пустую рошу охранять не будет. Впереди прямоугольная яма, в природе таких не бывает. Руками пощупал – бруствер по периферии ямы, стало быть – капонир. Сделал знак разведчикам – лежать на месте. Сам капонир вокруг ополз, обнаружил пологий спуск, спустился внутрь. В центре капонира миномёт стоит тяжёлый. Илья поднялся, руку в ствол сунул. По калибру – не меньше 120 мм. Такие миномёты на два-три километра бьют. Значит, миномётная батарея в роше. Артиллерийские офицеры, а миномётчики относятся к этому роду войск, обычно самые грамотные, а ещё при картах всегда. Теперь вопрос – где командир? Как его найти? Глупо будет сдуру вломиться в землянку, а как не офицеры, а рядовые миномётчики. Илья выбрался из капонира.

– Парни, расходимся в стороны, ищем землянки или палатки. Жду здесь через пятнадцать минут.

У всех разведчиков наручные часы трофейные. В разведке без часов,

как без ножа. Наручные или карманные часы среди красноармейцев – редкость, а у солдат немецкой армии у всех. Но качества разного. Были дешёвенькие, штамповка. Но встречались солидные хронометры известных фирм. Разведчики не брезговали снять такие у пленных или убитых.

Сам Илья стал перебегать от дерева к дереву. О! Темнеет что-то большое. На землю лёг, подполз. Огромная армейская палатка, вмещающая не меньше взвода, офицеров здесь точно не будет. В Германии офицер – особая каста, с рядовым составом не будет вместе спать есть, и мыться. Для этого складные ванны были. Впрочем, командиры РККА тоже имели офицерский паёк – не махорку, а папиросы и продукты дополнительные.

За первой палаткой ещё одна и тоже большая. Илья на часы посмотрел. Пора возвращаться к капониру. Подошёл крадучись, а парни уже ждут. У Рахима хорошая новость – палатку в отдалении обнаружил, но рядом часовой, приблизиться не смог. В отдалённой палатке и офицеры могли быть, но в равной мере и склад боеприпасов. Мины не могли храниться рядом с личным составом, в случае обстрела противником боеприпасы могут сдетонировать и батарея будет уничтожена.

Единственный способ выяснить, что в отдалённой палатке – забраться внутрь.

– Веди, – распорядился Илья.

За Рахимом пошли. Двигались разведчики бесшумно, Илья доволен остался. Кое-какой опыт у Рахима и Александра был. Вот и палатка, от больших, которые Илья выявил, довольно далеко, метров сто. Но у входа часовой прохаживается. Два-три шага в одну сторону, поворот, два-три шага в другую. Илья тронул Александра за плечо, показал на часового и сделал движение, как будто нож кидает. Александр понял, кивнул, вперёд пополз. Илья автомат со спины стянул. Если неудача, может дойти до стрельбы, что сильно нежелательно. Стрельба в разведке – последнее дело, считай, сорванное задание.

В темноте только смутно различима фигура Александра. Как разведчик нож кинул, Илья не заметил. Часовой рухнул, звук падения изрядный. Если в палатке люди, могли проснуться. Саша к немцу метнулся, нож из тела вытащил. Илья с Рахимом к нему подошли. Илья прошептал:

– Страхуйте, я внутрь.

Илья подкрался к палатке, полог отогнул, прислушался. Нет, это не склад, слышно дыхание людей. Сколько их? Двое, трое? В палатке темень, хоть глаза выколи. Илья опустил на колени, на четвереньках пополз. Полметра вперёд, рукой перед собой пространство ощупывает. Четверть часа потерял, но определил – офицеров трое, на раскладных железных

кроватях спят. Назад по-тихому убрался, разведчикам знак сделал – за мной. Отошли подальше, Илья прошептал:

– Даю расклад. Немцев трое. Две кровати по разные стороны от входа, ещё одна в дальнем торце палатки. Тихо заходим, Рахим, ты берёшь левого, Александр правого. Убить ножом, только чисто, с одного удара. Сначала тихонько толкните, пусть проснётся, потом бейте.

– Толкать зачем?

– Будешь спящего бить, обязательно вскрикнет. На себя беру того, что в торце. Как со своими покончите, помогайте. И ещё. Если командирские сумки обнаружите, забрать с собой, там карты, приказы и прочие бумаги. Вопросы? Идём гуськом.

Пока наставления разведчикам давал, ситуация изменилась. Один из офицеров по нужде вышел. Благо виден был, белое шёлковое бельё на нём, как привидение. Стоит, покачиваясь, только журчание слышно. Илья пальцем на Александра ткнул, потом ладонью поперёк горла. Саша приказ понял, выдвинулся вперёд. Офицер в исподнем повернулся, Саша нож бросил. Офицер рухнул, не вскрикнул. Илья Рахима тронул за рукав, сам первым в палатку вошёл. Эх, не так делать надо было, ошибочку допустил. Надо было на офицера напасть, оглушить и к передовой тащить, а в палатке не трогать никого. Быстрее бы получилось и риска меньше. Илья к дальней стенке двинулся, он решил бить «своего» офицера по голове рукоятью ножа. Тут главное – рассчитать силу удара. Прослабишь – заорёт офицер, перестараясь, проломишь череп, что равносильно убийству, в боевых условиях без госпиталя не выжить. Илья наклонился, пощупал койку, а она пуста. Офицер, которого Александр убил ножом, с этой кровати был. Пришлось план менять. Илья вернулся к кровати у входа. Рахим своего толкнул, немец что-то спросонья спросил и тут же нож в грудь получил. Илья офицера по голове ударил. Тот дёрнулся, застонал, но не крикнул. Илья голову из палатки высунул.

– Саша!

А разведчик рядом с палаткой стоит с автоматом в руках.

– Вяжи его и кляп в рот, я сумки поищу.

Верёвки с собой брали, связали быстро, а вместо кляпа отрезали кусок лёгкого одеяла, затолкали в рот. Нехорошо, офицер в белом исподнем, виден будет. Пришлось развязать, натянуть китель и галифе, потом снова связать.

– Берите, выносите, я впереди.

Выходили из рожи прежним маршрутом. Илья на часы посмотрел. Стрелки и цифры фосфоресцирующие, чётко видны. Десять минут

четвёртого. Два часа с лишним до рассвета есть, шансы перейти передовую велики, если происшествий не произойдёт. Зрительная память у любого разведчика хорошая, у кого плохая – отсеиваются в первом же поиске, если в живых остаются. Что поделаться, жёсткая специальность.

Уже вторую линию немецких траншей прошли, когда немец дёргаться начал, в себя пришёл. Илья нож достал, к глазам офицера поднёс, палец к губам приложил. Немец глаза вытаращил, но угрозу понял, кивнул. По случаю вспомнилось – доброе слово и «кольт» убеждают лучше, чем доброе слово. Сначала Илья, как старший группы, ползал в тылах за траншеей, высматривал подходящее место. Если бы не было языка, перемахнули быстро. Теперь осторожничали, пленного надо было доставить в целости. Илья место подобрал, где часовой редко показывался, за группой сползал. Пленного подтащили, Илья в траншею спрыгнул, Александр перепрыгнул на бруствер. Буквально на руках, как ценный груз, перетащили через траншею связанного немца. Рахим перепрыгнул траншею, Илье руку подал, буквально выдернул наверх. И снова Илья впереди, руками пустые жестянки и бутылки убирает. Ножом землю приходилось ощупывать. Выходили не по прежнему пути, и Илья не исключал минных полей. Осветительные ракеты взлетали уже далеко, встали. Илья распорядился немцу ноги развязать, пусть сам идёт. Почему-то пришлось идти долго. Илья сомневаться стал, не сбился ли с пути? На звёзды посмотрел. Слева Полярная звезда, двигаются правильно. Самое неприятное, если бы по нейтралке шли параллельно линии фронта. Наконец окрик часового.

– Стой! Кто идёт? Стрелять буду!

– Свои, разведка!

– Пароль!

Илья назвал, а часовой кричит.

– Неправильно. Ложись! Сейчас начальника позову.

Через несколько минут уже другим голосом.

– Кто такие?

– Разведка, сто седьмая дивизия.

– Так она два километра левее.

– Нам что теперь, по нейтралке ползти?

Илья громко выматерился. Убедило. Немцы, даже владеющие русским на уровне родного, так витиевато, с коленцами, не могли.

– Ладно, спускайтесь. Только оружие за спинами держите.

Перебросили автоматы за спины, подошли к брустверу, Александр спрыгнул, принял немца. Потом уже Илья и Рахим спустились в траншею.

– С вами что – немец? – удивился незнакомый воин.

– А ты кого хотел увидеть? Любовь Орлову?

Орлова была известной в СССР киноартисткой. Их отвели в землянку командира роты. Тот по телефону связался с начальством.

– Приказали ждать! – развёл руками старший лейтенант.

– Телефонуйте тогда в дивизию, скажите, что с «языком» вернулись.

– Сержант, командиру указывать будешь?

– Виноват. Вчера группа в поиск ушла и не вернулась.

Через полчаса в землянку вошёл капитан.

– Эти, что ли? Кто старший?

– Командир группы сержант Сафронов, сто седьмая танковая дивизия.

– Из поиска?

Не похож капитан на особиста. Уж очень заинтересованно на немца смотрит. Обошёл его и вдруг спросил.

– Ты кого в плен взял, сержант? Это же капеллан.

Словечко знакомое, но кто это, Илья не вспомнил. Оказалось – дивизионный священник. Немцы большей частью протестанты, другие католики. У нас в армии политруки, в немецкой капелланы.

– Откуда мне знать? В офицерской палатке он спал. Мы двоих германцев ножами сняли, думали – он старший.

– Знаки различия знать надо, сержант.

Илья почувствовал, как щёки загорелись. Опростоволосились! Позже узнал, что в каждой дивизии вермахта официально было два священника – католический и протестантский. Носили офицерскую форму, чины эквивалентны званиям от гауптмана (девятый военный священник) до полевого епископа (генерал-майор). В отличие от боевых офицеров носить оружие священникам не полагалось, на форме не было погон, а ваффенфарбе был фиолетового цвета, как и канты на сюртуке и фуражке. Ваффенфарбе – это цвет окантовки погон или петлиц. У артиллеристов он ярко-красный, у пехоты белый, у танкистов розовый, у разведчиков медно-коричневый, у врачей синий. Этих «мелочей» Илья не знал. Да и знал бы, как в тёмной палатке цвет различишь?

Капитан к пленному интерес сразу потерял, махнул рукой.

– Можете отправлять.

Старлей свою лепту внести решил.

– Оружие у них не табельное. Изъять?

– Оставь. Правильно делают. Ещё бы сапоги немецкие одели, совсем хорошо было.

Капитан вышел. Илья понял, что встретил настоящего спеца, профи

своего дела.

– Это кто такой? – спросил он.

– Капитан Кольцов, из разведроты дивизии. Можете быть свободны. Старшина вас проводит.

Уже через полчаса ночных переходов по траншеям и ходам сообщения прибыли на передовую своего полка. Светать начало. Кузин ждал их в траншее, периодически оглядывая нейтралку в полевой бинокль.

– Живы? И языка взяли? Молодцы!

– Мы на участке соседней дивизии вышли.

– Ничего, главное – языка взяли.

– Капитан Кольцов из разведроты сказал – священник он. Но командирские сумки я прихватил.

– Возвращаемся во взвод, там подробно доложишь.

Капеллан оказался «языком» ценным. По роду службы он посещал полки и подразделения дивизии, на допросе чётко показал дислокацию, назвал номера частей, фамилии командиров. Вкупе с картами офицеров-миномётчиков это давало информацию для штаба. Илья пожалел, что убили стрелковых командиров, которые более информированы, но кто мог предполагать нахождение священника в палатке.

Группа получила благодарность и два дня отдыха. Во взводе, как узнали, кого они взяли в плен, втихомолку посмеивались.

Через день командир взвода Кузин вызвал Илью.

– Знаешь, священник твой интересные сведения дал. Слева от наших позиций у немцев нет сплошной линии обороны, а есть ротные узлы обороны с большими разрывами между ними. Между ротами, в глубине, – миномётные батареи, разрывы прикрыть. Причём батареи без пехотного прикрытия. Не наводит ли на какие мысли?

– Наводит. Удобно в немецкий тыл проникнуть, «языка» взять.

– Молодец. Вот завтра вечером и пойдёте. Группа в прежнем составе, на передовую сам провожу.

Через наши траншеи разведчиков или сапёров всегда выводил командир подразделения, он и отвечал за своих людей. Потому что были удачные попытки изменников Родины. Под видом сапёров или разведки проходили в пехотную траншею, свободно выходили на нейтралку и шли сдаваться. После нескольких случаев выход стал только с командиром. Несколько позже наши «органы» воспользовались ситуацией в свою пользу. Группа якобы предателей шла через нейтралку, подходя к немцам, кричали.

«Не стреляйте, сдаёмся».

А когда до окопов или траншеи десятков метров был, лжепредатели

забрасывали немцев гранатами и пускались наутёк. Несколько раз обман удавался. Потом немцы стали расстреливать из пулемётов перебежчиков, настоящих и ложных. Переходы прекратились. Перебежчики были, но одиночные, чаще всего уходили часовые – украинцы, прибалты, татары, русские, ненавидящие советский строй. Да и не в национальности дело, в идеологии. У кого-то родителей после революции раскулачили, другие рождены были в дворянстве и происхождение успешно скрывали. Многие советская власть обидела, часто незаслуженно.

На этот раз Илья срисовал на свою карту расположение опорных пунктов врага, линию фронта, где была, дислокацию частей. Всё по итогам допроса капеллана и ещё одного языка. По крайней мере, какая-то ясность есть. Вместе с группой наметили маршрут перехода. Александр сначала предложил пройти по небольшой ложине. Илья идею отверг. Немцы не дураки, сами понимают, где непрошеные гости с наибольшей вероятностью пойдут. Либо мины поставят, либо пулемётное гнездо. Идти надо там, где не ждут, отталкиваться от противного.

– Вот здесь перейдём, а дальше по полю.

– Рискованно.

– А кто увидит ночью?

Илья едва не ляпнул, что приборов ночного видения нет. Как старший группы, он распорядился приготовить верёвки и кляп.

Одна-две группы из взвода ежедневно уходили в поиск за линию фронта, но никто ни разу не проболтался – куда, с каким заданием, секретность соблюдали все.

Следующей ночью Кузин проводил их в траншею. Уже стемнело, и группа сразу выбралась на нейтралку. Кузин при них, ещё когда в траншее были, расспрашивал командира роты, нет ли минных полей.

– Да я и немцев не каждый день вижу, – ухмыльнулся ротный. – Врать не буду, не знаю, наши сапёры к их позициям не ходили.

Илья на этот поиск подготовился более тщательно. Выпросил у старшины фонарик и трофейный компас. А про себя решил, если в поиске увидит в командирской сумке немца компас, курвиметр или ещё что-нибудь нужное, заберёт себе, хотя полагалось всё сдавать. Негоже быть попрошайкой.

Шли долго, потом легли и поползли. Да где же траншея? Неожиданно руки, которыми он перед собой землю щупал, погрузились в грязь. Дождей не было неделю и грязи быть не должно. Почти сразу голос подали лягушки. Судя по карте, которую внимательно изучал перед выходом, ни ручья, ни болта на нейтралке или в тылу немецкой позиции, не было.

Вариант был один – сбились с пути, отклонились в сторону. Илья назад попятился, шепнул Рахиму.

– Прикрой меня, карту гляну.

Илью накрыли плащ-накидкой, он фонарик включил. Болотистое место обозначено было, но левее метров на триста. Немудрено, ночь безлунная, небо низкими тучами закрыто, ориентироваться сложно. А только место это было уже в тылу немцев. Прошли линию фронта и не заметили. Хорошо бы этим путём назад выйти. На карте карандашом помечен овал, ротный узел обороны, но он правее. Илья решил, что брать языка из роты не стоит, слишком мало знает. Тем более после случая с капелланом хотелось реабилитироваться, притащить действительно ценного языка. На карте через десять километров от передовой обозначен склад. Гражданское лицо полагает, что склад, это место скучное. Между тем полки получают боеприпасы, и по их расходу понятно, где предполагается наступление. Перед атакой за несколько суток воинские части получают не только боеприпасы, но и топливо для техники, перевязочные материалы, провизию. А ещё мешки для трупов. У немцев каждая мелочь отлажена. Каждый военнослужащий носит овального вида железный жетон с просечками. На обеих половинах личный номер солдата или офицера. В случае гибели жетон ломается пополам по просечкам. Одна часть, что на цепочке, остаётся на теле, вторая сдаётся в штаб. Всё чётко, и неизвестных солдат нет. Кроме того, гробов на всех в военных условиях не напасёшься, промышленность выпускала длинные мешки из плотной крафт-бумаги, довольно долго не гниющие в земле. Немцы убитых хоронили в них, специальные похоронные команды. Команды подобные были и в РККА, только мешков не предусмотрели. И с натальными медальонами промахнулись. Изначально были выточены из дерева. Пожар или долгое пребывание в воде, и дерево уничтожено, записку внутри не прочитать. Ещё один неизвестный солдат. Родственники его числятся родней пропавшего без вести. Соседи смотрят косо – в плен попал или вовсе перебежчик, предатель. Государство семье не помогает по потере кормильца. Меж тем воин свой долг сполна исполнил. Позже смертные медальоны из эбонита делать стали. Илье обидно было, семьдесят лет с гаком, как война закончилась, а поисковые отряды до сих пор косточки из земли выкапывают. Известно ведь, война не закончена, пока не похоронен последний солдат.

Конечно, немецкая военная машина отлажена, почти каждая мелочь предусмотрена. Солдаты и офицеры обучены по полной программе, а не сокращённой, как у нас. Боевой опыт имеют, слаженность действий, что

немаловажно. А ещё – командиры в бою самостоятельно решения принимают, а у нас в начале войны – с оглядкой на начальство, всё с опозданием.

Глава 8

Поиск

– Парни, сейчас ходу. Десяток километров в одну сторону для разведчика ведь не крюк?

Разведчики переглянулись. Десять туда, столько же обратно, да «языка» взять, времени уйдёт много, к рассвету не вернутся. Илья их мысли понял. Конечно, не получится вернуться к рассвету, пересидят день в каком-нибудь укромном месте. Но повезло им в поиске несказанно. Километра через три, когда грунтовку перебежали, увидели поодаль автомобиль. Вернее, сначала лампочку-переноску, потом железный стук. Наших машин здесь быть не должно.

– Проверим, – распорядился Илья. – За мной!

Сначала шли, потом поползли. На дороге легковая машина «Опель-капитан», водитель-солдат меняет пробитое колесо, подсвечивая переноской. О, эти фронтовые дороги, сколько колёс на них проколото, порезано, сколько крови шоферам они попортили! Осколки мин и снарядов, куски проволоки, потерянные проходящей техникой болты, подковные гвозди лошадиных обозов, все железяки так и норовили в покрывку впиться в самом неподходящем месте.

Илья сразу сообразил – в легковой машине командира роты, да и батальона возить не будут, для них бронетранспортёр или бронеавтомобиль, боевые машины. А ночью – вполне объяснимо. Партизан ещё нет, а самолёты РККА, в частности лёгкие ночные бомбардировщики У-2 – есть.

Илья на ухо Александру прошептал.

– Ножом водителя тихо сними. Рахим, ты подбираешься к машине справа, я слева. Как Саша своё дело сделает, открываем двери. Кто в машине, брать живыми. Стрельба в крайнем случае, нам «язык» нужен, не труп.

Александр вперёд пополз. Шофёр делом занят, по сторонам не смотрит, поторапливается. Илья и Рахим сзади машины, присели за кузовом, наготове. Звук падения тела, это Саша сработал. Илья вскочил, рванул на себя ручку дверцы, распахнул. На заднем сиденье офицер сидит, на коленях портфель. Рахим нож к горлу офицера подставил, Илья бесцеремонно кобуру открыл, пистолет вытащил, небольшой «вальтер РР».

У боевых офицеров на передовой – «Парабеллумы 08». Стало быть – штабной! Офицер, довольно упитанный, глаза спросонья таращит, только рот открыл, как Рахим клинком на шею надавил. Офицер рот закрыл, поняв ситуацию.

– Рахим, тащи его на себя, я портфель возьму.

А не получилось, портфель за руку к запястью офицера наручниками пристёгнут. Рахим и возникший рядом с ним Саша немца вытащили, повалил на землю, руки связали спереди, кляп в рот воткнули. Действовать надо быстро. Не дай Бог, на дороге другая машина появится. Илья схватил переноску, осветил ею кабину. Ничего интересного для разведчиков нет. На колесо посмотрел. Водитель его уже заменил, пару гаек осталось закрутить.

– Рахим, уводи немца от дороги. Саша, тащи труп подальше в кусты.

Сам Илья колёсные гайки на шпильки наживил, ключом подтянул, домкрат опустил. И ключ, и домкрат подальше забросил, за руль уселся.

– Сержант, ты далеко собрался? – удивился Саша. – А мы?

– Ждать здесь, я машину с дороги уберу.

Илья руководствовался соображением, что, если найдут пустую машину, сразу начнут поиски. А разведчикам надо выиграть время, часа два-три, чтобы успеть к своим перебраться. Он завёл машину, проехал немного, увидел съезд, свернул. Хорошая машина, мотор тянет мощно, подвеска мягкая. Вломился на ней в лес, подминая кусты. Заглушил мотор и бегом по дороге к своим. На офицере витые погоны, наверное – важная птица. А ещё заинтересовал портфель, пристёгнутый к руке.

– Уходим.

Обратно шли тем же порядком. Впереди Илья, за ним Рахим, сбоку пленный, замыкающим Александр. Илья поглядывал на звёзды, да и путь запомнил хорошо, хоть и темно было. Обладал он незаменимым для разведчика чувством пространственной ориентации. Такое не воспитать, оно врождённое. Прошли мимо ротных узлов обороны, потом нейтралка. Скоро должна быть наша передовая. Такого лёгкого поиска у Ильи не было ни до, ни после, а главное – столь ценного, как оказалось позже, языка. И тут выстрел! Ни оклика и бах! Все упали на землю. Неужели Илья ошибся и вывел не туда? И только после близкого выстрела окрик.

– Твоя стоять!

Илья разразился громким матом.

– Твоя ругаться на мою мать будет, моя стрелять!

– Разводящего позови или старшего, мы из разведки.

Несколько минут тишины и ругань на русском.

– Эй, кто там?

– Разведка.

– Подходи.

Оказалось – часовым был молодой киргиз. С перепугу устав забыл, сначала выстрелил, а уж потом окликнул. Да ещё русским владел плохо. От точки выхода Илья отклонился на сотню метров всего. Кузин был на передовой, проводил время в землянке командира роты. Судя по запаху, с пользой, водочкой попахивало.

– Сафронов? Быстро обернулся! Или неудача?

– «Языка» взяли, товарищ старший лейтенант. Офицер с портфелем.

– А что там?

– Не смотрели.

– Хм, идём во взвод.

Как оказалось на допросе, офицер был порученцем командира дивизии, майором по званию. И документы при нём были ценные – приказы командирам батальонов, карта с подробной дислокацией частей дивизии. Кабы не придурочный часовой, так вообще поиск прошёл без сучка и задоринки.

За поиск и ценного языка Илья получил звание старшего сержанта, которое обмыл в отделении. Звания от ефрейтора до старшины присваивались приказом командира полка, а офицерские, с младшего лейтенанта – командармом.

Потом было ещё несколько поисков в тыл врага, и неизменно группа Ильи возвращалась в полном составе, что было в разведвзводе не всегда. То немцы обстреляют, то на mine подорвутся или вообще группа не вернётся. Ушли разведчики и канули в неизвестность. Илья считал, что невернувшаяся группа совершила роковую ошибку, была обнаружена и уничтожена. Могла быть не ошибка, а трагическая случайность. Поиск – всегда мероприятие рискованное с непредсказуемым исходом. Между тем во взводе Илью и его группу стали называть везунчиками. Но по этому поводу ещё Суворов говаривал. «Раз везение, два везение, а где же умение?». Это он завистникам отвечал, которые считали, что Александру Васильевичу везло – противник был слаб или звёзды так сложились.

В военном деле везение почти исключено. Всё решает опыт, предвидение командира, способность оценить ситуацию и найти наилучший выход, что не каждому дано. Да и в любом деле так – кто способен аналитически мыслить, заглядывать вперёд, только тот может добиться победы. Конечно, сложно противостоять значительно мощному противнику, но Красная армия вымотала противника, обескровила в упорных оборонительных боях. В боевых действиях выдвигались вперёд

командиры инициативные, способные мыслить не традиционно, выполнять задачу с малыми для подразделения потерями. Ушли в тень, оказались не способны руководить армиями С.М. Будённый, К. Ворошилов и многие другие, стоявшие на трибуне мавзолея рядом со Сталиным во время парадов.

Всё же немцам удалось обмануть наше командование. Авиаразведка и полевые разведчики сообщали об активности немцев, подтягивании техники к шоссе Смоленск – Вязьма. И высшие командиры РККА решили, что немцы будут наступать вдоль шоссе, ударив в стык наших 16-й и 19-й армий, подтянули туда немногочисленные резервы. Немцы же сосредоточили силы в районе Духовщины и Рославля. Их преимущество в пехоте было в 3 раза, в танках в 1,7 раза, пушках в 3,8 раза, а у Рославля в танках в 8,5 раза. И нанесли два удара севернее и южнее шоссе, но с направлением на Вязьму. Этот удар был частью операции «Тайфун», нацеленной на Москву. В итоге группе армий «Центр» удалось окружить западнее Вязьмы четыре наших армии в составе 37 дивизий, девяти танковых бригад и 31-го артиллерийского полка РГК. Потери РККА в итоге составили убитыми и ранеными 380 тысяч человек, 600 тысяч попали в плен. А самое трагическое и страшное, немцам была открыта дорога на Москву. Ни одной крупной, боеспособной части, способной остановить немцев, не было. Советское командование экстренно принялось укреплять Можайскую линию обороны, бросив против наступающих немцев плохо вооружённых и необученных ополченцев, а также курсантов военных училищ. Из Сибири срочно, литерными поездами, перебрасывали дивизии. Над Москвой и страной нависла страшная угроза.

Но эти события произойдут немного позже.

Когда немцы начали атаковать, Илья проснулся от сильного грохота. Разведчики выскочили из землянки. Уже побывавший в подобной переделке Илья оделся, взял скромный сидор, в котором лежали запасные магазины, портянки и бритва, выскочил вслед за сослуживцами. На передовой, ясно видимой в километре, стоял сущий ад. Разрывы снарядов и мин накрывали наши траншеи сплошной полосой. Огонь, дым, пыль. Артподготовка продолжалась четверть часа. Илья полагал, что после столь массированного огня на передовой не осталось живых. Сразу после прекращения артогня из нашего тыла к траншее по приказу выдвинули всех, кто был способен стрелять – сапёров, обозников, разведчиков, связистов. И Илья вместе с взводом во главе с Кузиным побежал к передовой. После артподготовки всегда следует атака. Только добежали, успели залечь в местах разрушенной траншеи, в воронках, как показались

немецкие танки. Пехотные подразделения полка при обстреле понесли потери, но не катастрофические. Укрыла родная земля пехоту – в окопах, землянках, блиндажах.

Сильно досталось полковой артиллерии. Немецкие самолёты-разведчики «Фокке-вульф 189», прозванные «рамой» за двойной фюзеляж, не зря несколько недель висели в небе, делали снимки. Пушки и танки, как ни маскируй, почти всегда различимы по капонирам. А цейсовская оптика, стоявшая у немцев на прицелах, в фотообъективах, на тот момент была лучшей в Европе.

У пехоты уже гранаты появились, бутылки с зажигательной смесью. Бронебойные ружья, хотя в малом количестве. Как только танки ближе подползли, бронебойщики открыли огонь по гусеницам, смотровым щелям танков. А ещё начала стрелять единственная уцелевшая дивизионная пушка. Видел Илья эту батарею Ф-22 УСВ. Сразу несколько танков загорелись. Бойцы в траншее, стрелковых ячейках приободрились. За первой волной танков видна вторая. Полк, в котором служил Илья, оказался на острие атаки немцев со стороны Духовщины, северный удар на Вязьму.

Первая волна танков почти вся подбита была, застыли на нейтралке. Но танкисты огнём пушек подавили наши огневые точки бронебойщиков, молчала и пушка. А на позиции накатывается вторая волна танков, пехота за ней видна. Хуже того, на участке соседнего полка немцы прорвали оборону, немецкие танки стали давить тылы. Наша пехота, лишённая поддержки артиллерии, бронебойщиков, не выдержала, стала отступать. Илья, как и многие бойцы, не знал, что им ещё повезло. Все те воинские части, что оказались левее, попадут в окружение, печально известное Вяземское кольцо.

Пока пехота была в траншее, Илья, как и другие бойцы взвода разведки, вёл огонь. Короткими очередями бил по пехоте, с удовлетворением видел, как падали ненавистные фигуры наступающих. В критический момент, когда танки были близко и пехота побежала, тоже стал отступать. Танки стреляли из пушек, пулемётов. Надо уходить из сектора обстрела и Илья побежал влево, где виднелся небольшой лес. Он точно помнил, что на карте перед лесом небольшая река. Танки туда пойти не должны. Следом за Ильёй бежали ещё бойцы. С ходу прыгнул в реку, неглубокой она оказалась, по грудь. Выбрался на другой берег – мокрый, грязный. Подскользнувшись на траве, упал. К нему подбежал Александр.

– Сафронов, ты не ранен?

Ба, да за Ильёй и другие уцелевшие бойцы разведвзвода, оказывается, бежали. И Рахим, и ефрейтор Бузулуцкий, и младший сержант Минаев.

Добежали до леса, укрывшись за деревьями, стали воду из сапог выливать, отжимать обмундирование. Когда отступали, Илья никому команд не отдавал, а разведчики следом за ним побежали. Ну, своя группа – понятно, так и из другого отделения.

– Проверить магазины, дозарядить или заменить, – приказал Илья.

Нужно быть готовым к боестолкновению в любой момент. Отдыхались бойцы, снарядили магазины. Хотя и суматоха случилась, когда немцы артналёт устроили, а все сидоры с собой прихватить не забыли. Илья досадовал – на себя, на командование. Разведку же вели, пленных брали, почему наступление проморгали? Ладно, полковая разведка недалеко в тыл врага забирается, могли подтягиваемые резервы врага не увидеть. Но где армейская разведка, она в глубинные рейды ходит, до пятидесяти километров в глубину вражеского тыла. Где авиаразведка? Массовое скопление танков, как ни старайся, не замаскируешь. Да и в глубоком тылу должны же партизаны быть, агентурная разведка. По железной дороге, по шоссе должны цистерны с бензином идти, бензовозы.

После драки кулаками не машут. Группа разведчиков теперь на него с надеждой смотрит. Он по званию старший и боевой опыт есть, ему решать. Илья из сидора трофейную карту достал. В вощённую бумагу она завёрнута была, но всё равно подмокла немного. Определился с положением, решил вести бойцов на северо-восток, направлением на Гжатск, практически параллельно шоссе Смоленск – Вязьма – Гжатск – Можайск. Только севернее дороги километров на двадцать.

– Передохнули? Вперёд! По дороге обсохнем.

А лето уже кончилось месяц назад. Днём ещё тепло, а ночи прохладные. Сейчас бы телогреечку. На склады полка их привезли, а бойцам раздать не успели. Бойцы отдыхались, Илья приказал.

– За мной, бегом!

Бойцам после форсирования реки согреться надо, иначе простынут, и лучший способ сейчас – бежать. Четверть часа бежали. Илья впереди, за ним гуськом остальные. Потом на шаг перешли, впереди деревья реже, видно – опушка. Запахло едва уловимым запахом бензина. Илья руку поднял, разведчики остановились. Принюхался Илья – вроде не пахнет. Показалось? Выкинул руки в стороны ладонями вниз. Разведчики разошлись от Ильи по обе стороны, легли. Сам же Илья вперёд короткими перебежками. Невнятный разговор послышался. Дальше уже ползком. Нет, не почудился запах бензина. За лесом убранное поле, между лесом и по окраине поля грунтовая дорога, а на ней немецкие мотоциклисты, три экипажа. На мотоциклах с колясками немцы всегда по двое ездили –

водитель и пулемётчик. Видно, недавно подъехали, мотоочки с лиц на каски подняли, моторы потрескивают, остывая. Двое закурили. Разведка? Немцы всегда в наступлении впереди себя дозоры на мотоциклах пускали. Илья назад обернулся, рукой махнул. Бойцы к Илье поползли. Он дождался, когда разведчики соберутся, прошептал.

– Мотоциклисты, шесть человек. Подползаем к опушке, по моему сигналу огонь на поражение. Патроны экономить. По мотоциклам не стрелять.

Кивнули бойцы, вдоль опушки расползлись. До немцев пятнадцать-двадцать метров. Илья осторожно затвор взвёл, чтобы не клацнул, посмотрел по сторонам. Бойцы готовы, сигнала ждут. Илья прицелился, дал короткую очередь в спину ближайшего немца. Загрохотали и почти сразу смолкли автоматы. Немцы повалились. Держа на изготовку оружие, Илья подошёл. Все мотоциклисты наповал, раненых нет. Илья рукой махнул.

– Бузулуцкий, Минаев – по сторонам смотреть. Александр, Рахим – осмотреть коляски. В первую очередь жратва, а ещё гранаты.

Мотоциклисты иной раз забирались довольно далеко, отрываясь от своих частей, поэтому возили с собой запас провизии, выпивку, запас патронов. Нашлись галеты, консервы, шпик, копчёная колбаса. Александр тут же, на коляске, поделил всё на пять частей.

– Рахим, на тебя шпик делить?

– Обязательно.

– Ты же мусульманин.

– Аллах велик, простит.

Саша ножом шпик на пять частей поделил, колбасу. Разведчики голодные были, на еду накинулись. Когда съели, Саша выудил из багажника коляски бутылку шнапса.

– Старшой, по сто грамм?

– Разрешаю.

Пили из горлышка, по два булька. Разведчиков не смущало, что рядом убитые немцы. На войне к смерти, трупам привыкают быстро. Илья поглядывал на мотоциклы.

– Кто-нибудь мотоцикл водить умеет?

Разведчики переглянулись, промолчали. До войны в семьях велосипед редкостью был, а уж мотоцикл и вовсе диковиной. И умеющих обращаться с мотоциклом, машиной, трактором было не так много. С началом войны бойцов стали готовить на краткосрочных курсах, армии срочно были необходимы шофера, танкисты, водители тягачей. Немецкая армия была в значительной степени моторизованной, мобильной. С началом войны наши

заводы стали в разы больше выпускать боевой техники – бронев автомобилей, танков, тягачей. А ещё пошли поставки по ленд-лизу. Кроме обучения на курсах фронтовики учились сами. Захочешь выжить, научишься быстро. К концу войны большая часть армии вполне сносно могла управляться с техникой.

Илья исходил из того, что хотел воспользоваться мотоциклами. Пешком идти долго, а пока немецких танков и пехоты нет, быстро добраться до своих.

Неожиданно раздался писк, разведчики вздрогнули. Пищала включенная рация, притороченная к коляске, между ней и мотоциклом.

– Тьфу ты, напугала!

По прикидкам Ильи, наши тыловые подразделения и вторая линия обороны не должны быть далеко. Он открыл пробку бензобака, заглянул. Наполовину полон, на пару сотен километров хватит.

– Две коробки с лентами к пулемёту в коляску этого мотоцикла, – распорядился Илья. – А эти два поджечь.

Разведчики выполнили распоряжение с охотой. Сорвали шланги с карбюраторов, бензин самотёком полился, струю направили на двигатель, потом бросили зажжённую спичку. Пламя сразу рванулось, опалив Александру брови. Илья мотор завёл.

– Как-нибудь устраивайтесь. Лучше в тесноте ехать, чем на своих двоих топать.

Сам за руль уселся, крупный Бузулуцкий сзади. Александр в коляску, за пулемёт, а Рахим с Минаевым с трудом пристроились на запасном колесе коляски. Просел мотоцикл от чрезмерной нагрузки, но мотор тянул ровно. Илья ехал медленно, объезжая кочки и рытвины. Ветер в лицо дул, выжимал слёзы. Илья пожалел, что не снял с немцев мотоочки, для защиты глаз. Бузулуцкий с заднего сиденья прокричал.

– Эх, хорошо едем! Так бы до Гжатска!

Смогли проехать километров десять, как впереди мост деревянный показался. Метров двести до него, а Александр, что за пулемётом сидел, предупредил.

– Блеснуло за мостом что-то!

Блестеть от лучей солнечных может прицел или бинокль. Илья затормозил резко, а со стороны моста пулемётная очередь. Пули близко от мотоцикла взбили фонтаны земли. Разведчики сразу мотоцикл покинули, за мотоциклом улеглись. Какое-никакое, а укрытие. Кто впереди? Немцы или наши? Илья рискнул, поднялся в рост, руками размахивать начал. Если у тех, кто за мостом, есть оптика, разглядеть должны. Немцы стрелять

начнут, а наши хоть какой-то сигнал дадут. Выстрелов не последовало, а оптика блики дала. Потом на мост вышел человек, руками махнул. Из-за расстояния не видно, какого цвета форма на нём – зелёная наша или серая немецкая.

– Едем, вроде свои.

Уселись прежним порядком. Илья Александру приказал:

– Пулемёт приготовь. Если немцев увидишь, стреляй сразу и патронов не жалей.

Поехали. Разведчики пытались разглядеть, кто впереди. Как бы бинокль сейчас пригодился! Сто метров проехали, глазастый Саша сказал.

– Свои, фуражка на нём с красным околышем.

Напряжение сразу спало. У немцев рядовые пилотки носят, офицеры в первые месяцы войны фуражки носили, но красных околышей не было. Но в сорок втором году офицеры вермахта на кепи и пилотки перешли.

Въехал Илья на мост, мотоцикл остановил, слез, к командиру пошёл. Ба! Да это же капитан Кольцов из разведроты дивизии. Илья встречался с ним, когда его группа капеллана в плен взяла. Илья руку к пилотке вскинул.

– Старший сержант Сафронов!

– Узнаю! Ты какого чёрта на мотоцикле? Мы вас за немцев приняли, едва не постреляли.

– Немцы оборону полка прорвали, мы с остатками взвода выходили, наткнулись на немецких мотоциклистов, постреляли их.

– Пулемётник с мотоцикла лишним не будет, а то у нас один диск на Дегтярёва. Занимайте позиции за мостом.

Разведчики пешком пошли, Илья завёл мотоцикл, мост проехал, развернулся, технику в кусты загнал, но так, чтобы сектор обстрела хороший был. К разведчикам подошли другие бойцы.

– Хлопцы, покурить есть?

А разведчики некурящие оказались, руками развели. Довольно долго никого не было, потом на дороге показался мотоцикл-одиночка, за ним два крытых грузовика. Капитан бинокль к глазам поднял.

– Немцы, приготовиться к бою.

Разведчики, что с Ильёй были, подбежали к мотоциклу. Александр за пулемёт уселся, а остальные разобрали гранаты. Илья к Кольцову за кустами пробежал, упал рядом.

– Подпустим поближе, сразу из двух пулемётов ударим, – сказал Кольцов.

– Думаете, пехота в грузовиках?

– А ты думаешь, жратву тебе везут? Как мотоциклист на мост въедет,

так и стрелять начнём.

Маленькая колонна приближалась быстро. Уже отчётливо видны лица за лобовым стеклом кабины «Опея». Илья взвёл затвор, прицелился в мотоциклиста. Вот уже немец на мост въехал. Чего медлит капитан? Кольцов крикнул.

– Огонь!

Два пулемёта сразу огонь по грузовику открыли. Илья первой же очередью мотоциклиста снял. Грузовик, никем не управляемый, прокатился вперёд немного, наехал колесом на упавший мотоцикл и встал. Второй грузовик, прикрытый от огня первым, свернул в поле, пытаясь развернуться. Оба пулемётчика огонь на него перенесли. Хлопали выстрелы винтовок, стучали автоматы. «Дегтярь» замолк. Александр же патронов не жалел. Из кузова грузовика смог выпрыгнуть один солдат, да тут же и упал, сражённый пулей. Стрельба стихла.

– Сафронов, подойди, посмотри.

Илья окликнул Рахима.

– Сопиев, за мной!

Держа оружие на изготовку, подошли к первому грузовику. Илья на фаркоп ногой опёрся, руками ухватился за борт, заглянул в кузов. Мёртвые все, навскидку человек пятнадцать, да в кабине двое. Перешли ко второму грузовику. И здесь ситуация похожая. Разведчики вернулись. Илья доложил.

– Пехотный взвод, все двухсотые.

– Если взвод, так какие двести?

– Извините, товарищ капитан, убитые.

– Попонятней выражайся.

Илья мысленно чертыхнулся. Это в современной армии со времён афганской войны в радиопереговорах двухсотыми называли убитых, а раненых – трёхсотыми. За языком следовало следить, а то подозрения навлечёшь.

– Неплохо поработали!

Капитан довольно потёр руки.

– Товарищ капитан, выделите бойцов, оружие у немцев собрать надо, патроны. Пригодятся ещё.

– Разумно. Бери своих, тащи сюда всё, что найдёшь.

Пришлось сделать несколько ходок. Винтовки, несколько автоматов и один ручной пулемёт, а ещё три ящика винтовочных патронов. У немецких винтовок и пулемётов патроны одинаковые. Впрочем, в Красной армии тоже.

Кольцов раздумывал.

– Поджечь грузовики? А, сержант?

– Я бы не стал, дым издаleка виден, как сигнал – русские здесь.

– Пожалуй, верно. Пусть стоят. Мост перегородили, по нему сейчас никто не пройдёт. Танк мост не выдержит, а грузовику хода нет.

До вечера больше никто не беспокоил. Слева, на удалении километров семь-восемь, гроыхали пушки. Кольцов поморщился.

– Наших долбают.

– Откуда знаете?

– У нашей дивизии пушек уже не осталось, значит, германцы.

Кольцов на ночь караул выставил, назначил смены. Остальные спать улеглись, день у всех выдался тяжёлый. А утром зарядил унылый осенний дождь. Бойцы под деревья прятались. Илья спросил у Кольцова:

– Товарищ капитан, долго нам здесь стоять?

– Пока приказ об отходе не доставят.

– Как бы не забыли. Есть охота.

– Пошли бойца, если по дороге, в двух километрах село. Пусть хоть что-нибудь выпросит.

Самым разбитным Александр был, его Илья и послал. Спустя время из-за пелены дождя послышался рёв мотора, лязганье гусениц. Из серой дождевой мути показался Т-II, лёгкий танк, вооружение – 20-мм пушка и пулемёт. Из-за небольшого веса, 9 тонн, немцы использовали его как для разведки, так и для поддержки пехоты. Бойцы ничем себя не проявляли. Да и что сделаешь стрелковым оружием бронированной технике? Танк подполз к грузовикам, встал. Откинулась крышка люка, осторожно выглянул танкист. Илья на Кольцова посмотрел, тот палец к губам приложил. Танкист осмотрелся, ничего опасного для себя не обнаружил, выбрался на броню. Потом спрыгнул, подошёл к грузовикам, видимо определить, из-за чего грузовики встали. Если мины, двигаться дальше опасно. Увидев только пулевые пробоины, решил продолжить путь и проехать по мосту. Танк немного тяжелее грузовика, мост должен выдержать. Танкист махнул рукой, из танка выбрался ещё один член экипажа. Со стороны кормовой части танка достали трос. Ага, решили взять грузовик, стоявший на мосту, на буксир, оттащить назад, освободив проезд.

Илья повернулся к капитану, показал два пальца. Кольцов кивнул. Илья прильнул к пулемёту в коляске мотоцикла. В голове сразу план – не убивать, а ранить. Тогда третий член экипажа должен как-то помочь. Чеченцы во время боевых действий так и действовали. Ранят нашего

солдата в ногу, дождутся, когда к нему на помощь придут, а потом убивали. Илья дал короткую очередь по ногам танкисту, тянувшему трос к грузовику, потому что ещё пару секунд и его закроет кузов. Потом перенёс прицел на другого и тоже по ногам выстрелил. Оба упали, стали кричать. Увидел их механик-водитель или услышал, но люк открыл. Илья и в проём люка очередь дал. Если впрямую не попал, то пули должны от ricochet от брони, хотя бы ранить. Кольцов и Илья выжидали. Если танкист цел, переберётся в башню, откроет огонь из пушки и пулемёта по кустам и деревьям.

– Сержант, вон из мотоцикла, ложись.

И в самом деле, нечего испытывать судьбу. Илья плюхнулся на мокрую землю. Но ни башня не поворачивалась, ни ствол пушки не шевелился.

– Сафронов, бери пару человек и туда. Раненых добей, госпиталя у нас нет, как и лагеря для военнопленных.

– Слушаюсь.

Илья, прихватив Минаева и Рахима, побежал к мосту. За грузовиком сразу отправил Рахима к танкистам.

– Добей!

А сам с Минаевым к танку. Обходили его с двух сторон, вкруговую, чтобы не попасть в сектор обстрела пулемёта. Вдруг танкист только ранен и сейчас ловит их в прицел? Но башня и спаренный с пушкой пулемёт недвижимы. Илья осторожно в открытый люк заглянул. Механик-водитель сидел, откинувшись на спину сиденья, лицо кровью залито, не дышит. В это время очередь, за ней другая. Это Рахим танкистов добил. Илья вышел в сторону, чтобы из-за грузовика его видно было.

– Чисто!

Через мост быстрой походкой к ним направился Кольцов.

– Хорошая работа!

И в танк забрался через верхний люк. Илья вскарабкался на броню. Заглянул в люк. Капитан уверенно щёлкал тумблерами рации. Зашипело, затрещало в динамике, потом голос на немецком. Илья думал, что Кольцов начнёт вращать верньер, переходя на другую частоту, но ошибся. Капитан слушал с напряжённым видом. Вот это да! Капитан знает немецкий! Для Ильи это открытие. Дослушав передачу, Кольцов начал поиски других станций. На всей немецкой технике рации длинноволнового диапазона, у него есть и плюсы и минусы. Советские части пользовались короткими волнами. Появился знакомый голос Левитана, уже конец передачи.

«...на Вяземском направлении идут упорные оборонительные бои, наши войска уничтожили семнадцать вражеских танков и около батальона

пехоты. На Харьковском направлении...»

Кольцов выключил рацию, вылез из танка с мрачным лицом.

– Слышал? Упорные бои! А немцы вещают, что окружили большую группировку наших войск и ведут уничтожение. Кому верить?

Илья точно знал, что сейчас немцы не врут и в самом деле под Вязьмой случилась одна из крупнейших катастроф для Красной армии. Но высказывать своё мнение не стал. Кольцов со злости пнул танковый каток.

– Сжечь его надо к чёртовой матери!

– Зачем, товарищ капитан? Это же неподвижный ДОТ! Броня есть, пушка, пулемёт! Стоит удобно. Пока его в сторону не убрать, к мосту не подъехать.

– А кто в танке сидеть будет? Ты? С пушкой-то сладишь?

– Не боги горшки обжигают.

Кольцов хмыкнул, посмотрел на Илью как-то странно.

– Где научился?

– Из окружения выходил, пришлось познакомиться.

– Ладно, согласен. Если выберемся из этой передраги, к себе в роту заберу, мне такие орлы нужны.

– Вместе с Сопиевым и Манковым. Группа у нас уже сложилась, товарищ капитан.

С другой стороны моста показался Александр. Руки поднял, в одной плетёная корзина, в другой узел.

– Манков вернулся, похоже – с харчами.

У Александра рот до ушей.

– Харчи прибыли!

Разложили все припасы на коляске мотоцикла. О! Целое богатство по фронтовым меркам. Десяток варёных яиц, несколько луковиц, картошка варёная, два каравая деревенского хлеба и небольшой кусок сала. Манков разложил харчи на девять одинаковых кучек, ножом сало порезал.

– Прошу к столу!

Расхватили вмиг. Почти всё съели, как Манков сказал.

– Эх, фронтовые бы сто грамм, для согрева!

Бойцы вздохнули. Все вымокли и сейчас бы выпивка не помешала. Илья всё намеревался спросить у Кольцова, почему он с пехотинцами, а не разведчиками своей роты. Но интересоваться не стал. После еды Кольцов приказал.

– Сафронов, коли сам напросился, иди в танк. Ты вроде передового поста будешь, наблюдай.

Илья взял с собой Бузулуцкого, вытащить из танка убитого танкиста.

Сидеть рядом с убитым противником ему не хотелось. Сняв поясные ремни, пропустили их под мышками танкиста, вытащили его через люк. Самый удобный способ эвакуации. Такой применяли для раненых членов экипажей боевых машин, ещё в училище тренировались. Бузулуцкий у немца пистолет вытащил из кобуры.

– Пригодится!

Подмигнул и ушёл, чавкая сапогами по грязи. Илья в танк забрался, закрыл люки в башне и у водителя. Снаружи их не открыть, если только специальным ключом, такие бывают у эвакуаторщиков подбитых машин. Стал осматриваться в танке. В башне места для двоих танкистов и одно сидение впереди, для механика-водителя. Потянув рычаг, открыл затвор. Снаряд в стволе, сбоку лента тянется, пушка автоматическая, но калибр мал, снаряды немногим больше, чем у нашего ДШК. И в пулемёт лента снаряжена. Нашёл боеукладку. Случись бой, искать некогда будет. В командирской башенке по кругу смотровые щели, закрытые триплексами, толстыми пуленепробиваемыми стёклами. Обзорность почти круговая. Из-за дождя видимость метров сто с небольшим. Что в танке хорошо, дождь не мочит, а ещё от двигателя за перегородкой тепло идёт. Для фронтовых условий даже очень приемлемо. Но танкистом Илья никогда быть не хотел. В современных условиях боя танковая дивизия живёт недолго, не более получаса. А в спецназе многое от тебя зависит, от умения, опыта, интуиции.

Включил рацию, громкость едва-едва, чтобы снаружи слышно не было. Сделал бы такое кто-нибудь из бойцов его взвода – отругал. Зачем аккумулятор сажать? Тем более рация на танке ламповая, энергопотребление большое. Но ему на танке не ездить. Долговременная огневая точка, сокращённо – ДОТ, предмет неподвижный. Попробовал рукоятью башню повернуть, пошла легко. Развернул её стволом к корме, откуда может появиться противник. Есть и электропривод, но Илья пользоваться им побоялся. Неплохо танк оборудован, изнутри броня листами пробкового дерева подбита. И танкистам меньше синяков при езде по пересечённой местности, и при попадании снаряда по броне мелкие осколки застрянут. А ведь танк этот не самой современной разработки. От еды, тепла от двигателя, от шума дождя по броне, разомлел, в сон потянуло. Ущипнул себя за руку. Спать нельзя, он сейчас по огневой мощи превосходит всех бойцов на том берегу, за мостом. На него надеются, и подвести нельзя. Видимо, на какое-то время, на минуту-две, смежил веки. Разлепил, мотнул головой, к смотровой щели преник. Ба! Фигуры набегают и много. Проявляются из-за дождя, как из ниоткуда. Илья за пулемёт

пересел, такой же МГ-34, как и на коляске мотоцикла. В шаровой установке закреплён надёжно, отсюда кучность стрельбы и точность высокая. Выставил целик на сто метров. Медлить больше нельзя. Дал длинную очередь, с поводкой по фронту. Не ожидавшие стрельбы из своего танка немцы понесли потери, залегли. Откуда они взялись? Шума грузовиков он не слышал. Только позже понял – в танке, как в глухой коробке, слышимость никакая. Немцы хоть и залегли, а видно их на ровном поле. Илья, не торопясь, наводил, давал очередь, переносил прицел на другую цель, ещё очередь. Сделав так несколько раз, прошёлся длинной очередью по залёгшей цепи. Не выдержали немцы огня, стали отползать, потом вскочили и убегать. А Илья, хоть фигуры уже почти не видны за пеленой дождя, дал длинную очередь с поводкой. Пулемёт смолк, кончились патроны. В башне пороховых газов полно, в горле першит. Вытяжной вентилятор бы включить, да где тумблер? Открыл люк, свежий воздух пошёл, дышать легче стало. Илья заменил коробку с патронной лентой. В боеукладке их ещё восемь, надолго хватит. Обычно в танках запас патронов на один пулемёт от двух до трёх тысяч штук. Танковые пулемёты, в отличие от пехотных, имеют мешок для сбора гильз. Не на пол они летят, а напрямик в гильзоприёмник, иначе могут попасть под педали, тяги и заклинить. Илья мешок снял, высунул руку из люка, вытряхнул ещё тёплые гильзы. По броне железный стук. Илья голову поднял. Минаев у танка стоит, прикладом стучит о броню.

– Соскучился?

– Капитан послал узнать, как ты?

– Передай – нормально. Видишь – приборку навожу.

– Кольцов спрашивает – помощь нужна?

– Пока один управляюсь.

Илья люк захлопнул. Скоро темнеть начнёт, время опасное. Немцы могут под покровом темноты к танку подползти, заложить фугас и взорвать. Танк лёгкий, броня тонкая, трёх-четырёх килограммов взрывчатки под днище вполне хватит, чтобы уничтожить боевую машину. Вопрос только в том, есть ли у немцев сапёры? Похоже – наступала пехотная рота, судя по численности. В ротах сапёров нет. Хотя их командир вполне может вызвать по радиации подмогу. Стало быть, желательно ночью не в танке сидеть, а снаружи охранять.

Илья так и сделал. Как стемнело, выбрался из танка. Дождь уже прекратился, но было сыро, промозгло, прохладно. У, до утра задубеешь! Температура что внутри танка, что снаружи – одинаковая, двигатель уже остыл, тепла не давал. Сколько мог, крепился, но в три часа ночи мышцы

уже мелкой дрожью взялись. И приседал и руками размахивал, помогало мало. Решил в танк забраться, там хотя бы ветра нет. Залез, а вокруг массивное железо – пушка, пулемёт, кажется, последнее тепло из тела забирает.

Люк на башне открыт, иначе ничего не услышать. Придрёмывать начал, всё же не железный, но слушал. Ближе к утру шорохи, такое ощущение – под днищем. Илья сапоги снял, портянки. В сапогах, как ни старайся, по броне грохочут. Выбрался из башни, в руке автомат. Броня ноги неприятно холодит. Скользнул на землю с носовой части. Действительно, шорохи слышны из-под танка. Наши бойцы постучали бы по броне, голосом позвали. Чужие возятся. Илья автомат с предохранителя снял, нагнулся, дал очередь под днище. Вскрик, стон. Илья ещё очередь дал, стихло всё. Зато со стороны немцев по танку огонь открыли. Пули били по броне, с противным визгом рикошетировали. Илья корпусом танка прикрыт, но всё равно опасно. На корпус танка взобрался, со стороны немцев его башня прикрывает. А немцы сразу из нескольких стволов лупят. Дождался, пока стрелять перестанут, вскочил на башню, внутрь залез, люк прикрыл. Видимо, звякнул люком неосторожно. Снова пулемёт заработал, но Илья в безопасности. По вспышкам выстрелов прицелился, дал очередь. Нет, надо серьезно проучить. Пересел за пушку, сейчас устроит сабантуй. Дал очередь из пушки, гильзы со звоном на пол полетели. На позициях немцев разрывы. Илья же башню немного повернул и снова очередь, потом башню в другую сторону. Сколько снарядов выпустил, не считал. В башне дышать от пороховых газов нечем. А люк открывать побаивался, с немцев станется, подберутся и в открытый люк гранату забросят.

Забрезжил рассвет, в борт танка постучали. Илья люк приоткрыл, совсем немного.

– Сафронов, ты чего ночью перестрелку устроил?

Голос капитана Кольцова. Илья люк полностью открыл, вылез. Дождя нет, голову влево повернул – множество трупов солдат вермахта на поле лежат.

– Немцы ночью к танку подобрались.

– Да?

Илья спрыгнул на землю, обошёл танк, заглянул под днище. Двое в немецкой форме и рядом деревянный ящик. Илья не погнушался залезть под днище, ящик осмотрел. Ни проводов, ни взрывателя не видно, не успели установить. Вытянул ящик за ручку, Кольцову показал. Капитан наклонился, прочитал надпись чёрной краской.

– Э, брат, повезло тебе. Десять кило тротила. Да танк, если бы тол

рванул, на болтики разлетелся.

– Немцы где?

Слишком спокойно стоял капитан, представляя мишень.

– Ушли, я слышал – моторы вдалеке шумели. В бинокль смотрел – ни одного движения. Ты вот что, сползай ещё под танк. У убитых бикфордов шнур или подрывная машинка быть должны. И взрыватель не забудь. Мы этот ящик под опору подготовим, а в случае необходимости взорвём. Думаешь, почему немцы сюда лезут?

– Мост привлекает.

– Точно.

Илья снова под танк полез. Бикфордов шнур нашёл и два взрывателя, капитану передал. Кольцов ушёл, прихватив ящик и прочие взрывные принадлежности. На мосту, на дальнем его конце, сразу шевеление началось. Насколько Илья понять мог, ящик под ближайший к противоположному берегу пролёт определили. Хотелось есть, согреться.

К восьми утра распогодило. Илья, наполовину высунувшись из танка, наблюдал за дальним лесом, дорогой, полем. Какой-то звук послышался непонятный. Илья головой завертел, пытаясь определить направление и источник.

Из-за леса, на небольшой высоте, вынырнул истребитель. Не наш, это точно. Рубленые концы крыльев, жёлтый кок винта. И с ходу стал по танку стрелять из пушек. Илья из башни выпрыгнул, на землю скатился и в сторону бросился бежать. Неподвижный танк – хорошая мишень, а в одиночного бегущего человека с самолёта ещё попробуй попади. Истребитель свечой вверх пошёл, потом развернулся и стал пикировать. Илья за дальний от танка грузовик спрятался. Оглушающий рёв мотора, свист бомбы и взрыв. Ударило по ушам, грузовик сильно качнуло, потянуло дымом. Самолёт ещё раз набрал высоту, спикировал, обстрелял из пушек и пулемётов. Пули в грузовик попали, дырявили деревянный кузов, брезент. Но все прошли выше Ильи. Самолёт взмыл и исчез. Илья послушал – не возвращается ли? Не слышно. Вышел из-за грузовика, а на месте танка рваное железо. Башня в стороне валяется, корпус развалился на рваные куски. М-да! Хорошо, что в танке не остался. Немцы, потрепанные огнём из танка, вызвали самолёт, и вот результат. Илья направился через мост к бойцам. Встретили его радостно.

– Жив? Мы думали в танке погиб.

– Рано хороните.

Около полудня немцы предприняли новую атаку. Из леса по грунтовке выползли четыре бронетранспортёра с пехотой. Не высаживая солдат,

поползли к мосту, непрерывно стреляя из пулемётов. Пули сбивали листья, ветки. Стрелять в ответ бесполезно, броню не пробить. Кольцов приказал одному из бойцов.

– Поджигай шнур.

Боец ужом по небольшой ложбине, скорее – промоине, к мосту подполз, скрылся под настилом. Через несколько минут выскочил и бегом к группе. Немцы огонь открыли, да мимо.

– Сейчас жажнет и быстро уходим, – распорядился Кольцов.

Бронетранспортёры – полугусеничные «гробы», уже к грузовикам подъезжали. И тут рвануло. Осколочного эффекта нет, поскольку бруски тротила без железной оболочки, но фугасный эффект силен. Вверх полетели брёвна и доски, пыль, дым.

– Всё! Бегом за мной! – скомандовал Кольцов.

Скрываясь за деревьями, бросился не от моста, а в сторону. Бойцы за ним. Один из пехотинцев нёс две коробки с патронными лентами, а сам пулемёт, снятый с коляски мотоцикла, – Александр. Метров через двести лесок кончился, впереди открытая местность, но и бронетранспортёров с солдатами не видно. Отдышались немного.

– Теперь немцам здесь путь заказан, – с удовлетворением сказал Кольцов.

Это верно, один из берегов высокий, метра четыре над уровнем реки, новый мост навести сложно и долго. Не зря истребитель мост не бомбил, пытаясь сохранить для пехоты своей.

Илья помнил, что капитан говорил, вроде приказа он ждёт. Похоже – в суматохе отступления о малочисленной группе у моста просто забыли. Какая группа, если четыре армии в окружении?

Кольцов вёл красноармейцев на северо-восток. В таком же направлении вёл бойцов до встречи с капитаном и Ильей.

Через три дня, голодные, обросшие, бойцы вышли к Гжатску. В городе экстренная эвакуация. У значимых предприятий – банков, горкома партии, исполкома – грузовики стоят. Гражданские люди сносят пачки перевязанных бумаг, железные ящики, сейфы. По Илье – жителей вывозить бы надо – женщин, детишек, а бумаги сжечь. Население, нагруженное чемоданами, узлами, уходило из города само. У некоторых из самого ценного – дети на руках.

Видимо, капитан в Гжатске бывал, шёл по улицам уверенно. Свернули в проулок, а там КПП воинской части. Но на КПП никого нет и ворота нараспашку. Из ворот мужичок с мешком на спине выходит. Явно мародёр. Кольцов закричал.

– Стой!

Мужик мешок бросил и наутёк. Капитан мешок развязал, а там пачки сухарей в вощёной бумаге, судя по фиолетовым штампам, ещё довоенного выпуска.

– Дмитриев, ворота закрыть, стоять на КПП, никого не впускать, не выпускать.

– Слушаюсь.

Капитан группу внутрь территории покинутой воинской части завёл.

– Осмотреть все помещения, посторонних, я имею в виду гражданских лиц, доставить в штаб.

Капитан показал рукой на небольшое одноэтажное здание. Бойцы разбежались выполнять приказ. Илье досталось осматривать склад. Ворота его нараспашку, замок сбит кувалдой, здесь же валяется. На деревянных полках перевязанные стопками гимнастёрки, галифе, исподнее бельё. Для мародёров склад большого интереса не представлял. Илья нашёл в стопках униформу своего размера, переоделся. Прежняя гимнастёрка сильно испачкана, в нескольких местах порвана.

Пошёл докладывать о находке капитану. А из соседнего склада ефрейтор Бузулуцкий двоих гражданских ведёт.

– Ворьё? – спросил Илья.

– Мешки сапогами кирзовыми набили.

Привели их в штаб. Задержанные смотрят злобно. Кольцов первым же вопросом.

– Почему не в армии?

Один ответил – белый билет у него, по здоровью освобождён, а второй заявил – бронь от призыва у него, на оборонном предприятии работал станочником. А попробуй сейчас проверь? Кольцов трубку телефона снял, попытался дозвониться до милиции, чтобы сдать задержанных, да не отвечал никто. Пока Кольцов размышлял, что с задержанными делать, бойцы привели ещё двоих. Эти промышляли на продовольственном складе. Кольцов перед задержанными прошёлся.

– По законам военного времени имею право всех расстрелять, без суда!

Побледнели задержанные, полагали – нет уже в городе власти. Совдепия бежит, немцы ещё не вошли. Однако не стал брать грех на душу Кольцов, отпустил.

Власти в городе в самом деле не было, как и регулярных войск. Лишь седьмого октября был назначен комендант города, в подчинении которого был взвод красноармейцев для охраны складов.

События развивались стремительно. Четвёртого октября войска Резервного фронта оставили Спас-Демянск, а пятого октября начальник Главного политуправления Л.З. Мехлис доложил Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, что дорога на Москву по Смоленскому шоссе до Медыни и Малоярославца открыта. Сталин срочно вызвал в Москву Г.К. Жукова. Немедленно был отправлен сводный отряд в четыре тысячи человек курсантов Подольского пехотного и артиллерийского училищ на Ильинский рубеж, всего в 150 км от Москвы.

Для обороны Гжатска спешно направили своим ходом 18-ю танковую бригаду, но из-за отсутствия горючего к городу она не подошла. В Гжатск из села Касня Вяземского района передислоцировался штаб Западного фронта. В Гжатск смогли перебросить 202-й запасной стрелковый полк. Два его батальона стали занимать позиции на западной окраине города, а третий – с южной, в семи километрах от Гжатска, на стыке дорог. К городу был направлен бронепоезд № 1, построенный на Коломенском паровозостроительном заводе. Он стал курсировать от Гжатска до станции Колесники, поддерживая наши войска огнём из пушек. Но все эти действия были запоздалыми.

Седьмого октября к окраинам города вышли немцы – десяток средних танков и рота пехоты. На Гжатск наступала дивизия «Дас Рейх», а конкретно – полк «Дейчланд». Дивизию СС поддерживала 10-я танковая дивизия вермахта, 90-й полк самоходной артиллерии и 10-й мотоциклетный батальон. На пути немцев к Москве Гжатск был слабым рубежом обороны, а от города до Москвы было всего 180 км.

На складах нашлось несколько ящиков с перловой крупой. Бойцы перловку сварили, посолили. Жаль – ни масла сдобрить нет, ни сала. Но и «шрапнель», как звали солдаты перловку, на ура пошла с сухарями. Запили кипятком, устроились на ночлег в пустой казарме. Видимо, часть военная, бывшая здесь на постое, уходила в спешке, на кроватях матрацы, попользованное бельё. Сыты да на кроватях – выпались отлично, а утром разбужены были пушечной и пулемётной стрельбой. Выскочили из казармы, над городом в разных местах дымы видны. От КПП бежит Дмитриев, кричит:

– Немцы на улице!

Кольцов побежал к воротам, выглянул и почти сразу назад.

– Так, бойцы! На улице танки и мотоциклисты. Минаев, бери сухари, что остались, и уходим через забор.

Минаев в казарму забежал, схватил наполовину опустевший мешок сухарей, все побежали за капитаном к дальнему углу. С ходу подпрыгивали,

хватались за верх кирпичного забора. Илья наверху уселся, принял от Минаева мешок сухарей, обронил на другую сторону. Руку младшему сержанту подал и вдруг грохот. Сняв ворота, на территорию части въехал немецкий танк.

– Быстрее!

Минаев при помощи Ильи буквально взлетел на забор, оба спрыгнули. Несколько частных домов, за ними железнодорожная насыпь. Кольцов к железной дороге кинулся, за ним остальные. Перебежали рельсовый путь, залегли за насыпью.

– Уходить надо, город, похоже – пал.

Город немцы заняли быстро, 9 октября. Штаб Западного фронта едва успел эвакуироваться, буквально за несколько часов до падения города. А 10 октября командующим Западным фронтом был назначен Г.К. Жуков. Западный фронт объединили с Резервным. Немцы продолжали наступление и 19 октября вошли в Можайск.

Группа Кольцова, прикрываясь справа насыпью железной дороги, стремилась выйти из города. Удалось без стычек с противником, дальше по путям пошли. Через полчаса впереди маленький разъезд показался. Кольцов приказал:

– Сафронов, бери с собой бойца, разведай, что там. Мы в кустарнике посидим.

Пару сотен метров по рельсам шли, потом спустились вправо. Вдоль насыпи тропинка шла, по которой жители в город ходили. У входного семафора остановились, потом залегли – понаблюдать. На разъезде небольшое одноэтажное станционное здание и несколько деревянных изб. И никого, тишина.

– Нет здесь никого, ни наших, ни немцев, – сказал Рахим.

– Не торопись. Давай сходим, убедимся. Оружие приготовь.

К станционному зданию подходили, держа в руках автоматы. Предохранители сняты, пальцы на спусковых крючках. Уже на перроне были, как распахнулась дверь и вышли два немца. Илья и Рахим одновременно огонь открыли. Немцы даже автоматы вскинуть не успели. Видимо – тишина их тоже обманула. Илья в здание вокзала через окно заглянул. Зал для пассажиров мал, всего две скамейки, и пуст. Пройдя зал, вышли на другую сторону. На небольшой площадке стоит мотоцикл с коляской. Илья подошёл, двигатель рукой потрогал, отёрнул – горячий. Недавно фрицы подъехали, мотор не остыл. Рахим сразу багажник коляски открыл.

– Сафронов! Тут еда.

– Забирай, я нашим сигнал дам.

Илья вышел на рельсы, рукой помахал. Увидел, как из кустов поднялись бойцы. Тем временем в зал вошёл Рахим. Обе руки к груди прижал, трофеи держит. У Ильи слюни потекли. Два круга копчёной колбасы, несколько банок консервов, галет пачка. С утра не ели и перспективы подхарчиться туманные. К разъезду бойцы подошли, Кольцов спросил сразу.

– Только двое германцев было?

– И мотоцикл с тыльной стороны здания.

– Разведка. Должны к своим вернуться, доложить. Надо уносить ноги.

– Мотор ещё горячий, недавно подъехали. Думаю, их искать начнут не раньше чем через полчаса-час. Сейчас подхарчиться надо, Рахим провизию в мотоцикле нашёл.

Кольцов на часы посмотрел.

– Даю пятнадцать минут.

Пока разговаривали, Сониев ножом колбасу поделил, галеты, консервы вскрыл. Бойцы на еду набросились, подчистую съели за пять минут. Что молодому мужику небольшой кусок колбасы и третья часть банки рыбных консервов? Собрались выходить из станционного здания, как послышался непонятный шум. Бойцы на перрон вышли, стали прислушиваться.

– Вроде на поезд похоже, – как-то растерянно сказал Манков.

И точно – перестук колёс вдалеке, пыхтение паровоза. Откуда ему тут быть?

Глава 9

Бронепоезд

С северо-восточной стороны разъезда показался поезд. Да не грузовой или пассажирский, а бронированный. Кольцов тут же скомандовал.

– Всем в здание!

Укрылись, приникли к окнам. Бронепоезд вкатился медленно и встал. Прямо напротив станционного здания – паровоз, в бронепоездах он всегда в середине состава. Броневагоны тёмно-зелёной краской с разводами окрашены – маскировка. И нигде не видно ни звезд, ни крестов. Чей бронепоезд? Распахнулась дверца вагона, что соседствовал с паровозом, выглянул человек, потом по трапу спустился. Форма на нём чёрная, при приближении оказалось – комбинезон, как у танкистов. Кольцов скомандовал.

– Приготовить оружие!

Защёлки затворы, человека в комбинезоне взяли на прицел. А из дверей бронепоезда появился военный – наш, форма зелёная и на голове фуражка с чёрным околышем. У немецких офицеров околыш тёмно-зелёный, тулья задрана вверх.

– Отставить! – приказал Кольцов. – Выходим.

Капитан первым вышел, который в комбинезоне за кобуру схватился, но понял – свои, руку убрал. Кольцов дождался, когда командир подойдёт, козырнул, доложил.

– Капитан Кольцов, командир разведроты 107-й танковой дивизии.

– Майор Алыбин, командир бронепоезда. Где твоя дивизия, капитан?

– Не могу знать, выходим из-под Вязьмы.

– Твоя работа? – показал на убитых немцев на перроне майор.

– Моих парней, похоже – разведка.

– В Гжатске был?

– Едва ноги унесли. Танки вошли германские, пехота.

Майор кивнул.

– Мы сейчас огонь из пушек откроем, шли бы вы отсюда, а то оглохните.

– Заберите нас с собой, товарищ майор.

Командир задумался. По уставу брать чужих на бронепоезд не положено. Вдруг диверсанты? Бойцы Кольцова при оружии, перебьют

экипаж, захватят бронепоезд, рискованно.

– Документы, Кольцов!

Капитан документы предъявил, не только командирское удостоверение, но и вещевой, продовольственный, денежный аттестаты. Майор документы изучил внимательно, вернул.

– Бойцы все твои? Головой за каждого ручаешься?

– Всех лично знаю, в боях проверены.

– Ладно. Сто бед – один ответ. Залезайте в вагон.

Пока разговаривали, Илья обратил внимание, что все орудийные башни поезда развернулись в одном направлении, пушки стволы подняли. Вот-вот стрельба начнётся. Бойцы в бронев вагон полезли. Предпоследним Кольцов, за ним Алыбин. Майор дверь закрыл за собой.

– Располагайтесь в соседнем вагоне, он пулемётный, места побольше.

Вроде вагон снаружи большой, а внутри тесно. Две артиллерийские башни, стеллажи со снарядами, а центр вагона штабной отсек занимает. Пригнувшись, чтобы головой за выступающие железные части не удариться, прошли в соседний вагон. Здесь просторнее, по две пулемётные точки на каждый борт, посередине железные койки в два яруса, по бортам вагона ящики с патронами. Бойцы группы Кольцова с пулемётчиками бронепоезда знакомиться стали, а потом первый вопрос.

– Закурить не найдётся?

Разведчики – Илья, Александр, Рахим, как и Кольцов, не курили. А пехотинцы истосковались по табачку. Закурили, табачный дым поплыл и вдруг грохот, вагон дёрнулся.

– Спокойно! Это наши пушки бьют, – успокоили пулемётчики.

Темп огня высокий, четыре-пять выстрелов в минуту. Как только отзвучал последний выстрел, загромыхали буфера вагонов, поезд тронулся. На сей раз он пятился, уходя к своим. Интересно Илье было – попали пушки по невидимой цели? Для точного огня корректировщик должен направлять пушки. На одном из вагонов рация была, Илья антенну видел. И внутри вагонов внутренняя телефонная связь, аппараты на стенке висят, по которым командир бронепоезда приказы передаёт экипажу. Илья в бронепоезде в первый раз, интересно. Думал – анахронизм, сгинули бронепоезда после Первой мировой и Гражданской войн, а не довелось увидеть.

Поезд набирал ход, колёса тяжело громыхали на стыках рельсов. Один из бойцов бронепоезда сказал:

– Скоро станция, наша база.

– А как бронепоезд называется? – спросил Манков.

– О! Номер один, а по названию «За Сталина». Новый совсем, в Коломне сделан. Бортовая броня – аж сорок пять миллиметров. Сила!

У танка Т-34 лобовая броня корпуса тоже 45 мм, но она стоит под рациональным углом наклона, снаряды рикошетируют. А у бронепоезда, как заметил Илья, борта вертикальные, да и размер вагонов велик, как у пассажирских пульманов. Расклад простой – чем больше в проекции техника, тем легче в неё попасть.

Манков завистливо вздохнул:

– Везёт же людям. В поезде, под бронёй. Дождь не мочит, грязь не месят, от пуль защита. Живи – не хочу.

Как сглазил. Паровоз дал три коротких гудка, стал тормозить. Заскрежетали колодки, загрели буфера. Тут же зазвонил телефон внутренней связи. Старший вагона снял трубку, послушал, коротко ответил «Есть!»

И пулемётчикам:

– К бою!

Илья приник к бойнице, открыл бронезаслонку. Таких на каждом борту несколько для ведения огня из стрелкового оружия. Рожица, небольшой луг, противника не видно. Перебежал к правому по ходу движения борту, в бойницу посмотрел. Немцы! Немецкие танки на удалении метров восьмьсот, открытое поле. За танками пехота на грузовиках. Отличная цель для пушек бронепоезда. Башни вместе с пушками были такие же, как на танках Т-34. Они же устанавливались на бронекатера.

Пушки бронепоезда открыли огонь. Один танк подбит, другой, третий задымил. Пехота грузовики покинула, залегла. Танки разворачивались к бронепоезду. Грамотно, поскольку лобовая броня корпуса и башни самая толстая, ответный огонь открыли. И почти каждый выстрел – попадание, а пробитий не было. В вагоне ощущение, как будто огромные молоты по стенкам бьют. Но у немцев ещё и самоходки были, Илья заметил их низкие силуэты. На базе среднего танка Т-III, но с более мощной длинноствольной пушкой. Несколько выстрелов и точное попадание в паровоз. Котёл взорвался сразу, дымом и паром затянуло. Поезд мгновенно лишился хода. Ни маневрировать, ни уехать из-под огня. А самоходки стали расстреливать большую и неподвижную мишень. Снаряд пробил стенку броневагона, убив троих из пулемётного расчёта.

– Ну что, Манков, завидно? – прокричал Илья.

Как офицер, как набравшийся боевого опыта разведчик, он понимал, что бронепоезд уже обречён и живёт последние минуты. Помочь экипажу

ни Илья, ни бойцы не могли. Встать к пулемёту? Пехота залегла и далеко. Самоходки, не приближаясь, подавят огневые точки бронепоезда и конец. Десяток-два выстрелов, пять-десять минут и бронепоезд мёртв.

В вагон пулемётный из штабного торопливо вышел Кольцов.

– Снаряд в орудийную башню угодил, комиссар ранен.

Илья Кольцова в угол вагона отвёл:

– Товарищ капитан, уходить с поезда надо.

– Струсил? – сощурил глаза Кольцов.

– Никак нет. Десять минут, и пушки поезда замолчат, паровоз разбит, уехать из-под огня не удастся.

Капитан поиграл желваками на скулах. Кольцов присягу давал, патриот, но как разведчик умел быстро анализировать ситуацию. Пары минут хватило принять решение.

– Да, шансов нет. Что предлагаешь?

– По левому борту на удалении пятьсот, рощица. За бронепоездом группу видно не будет, уйдём.

– Наши товарищи бой ведут, а мы их бросаем!

– Здесь погибнем или в плен попадём, выбор невелик. А наша задача – выжить, да не под юбкой у бабы в тылу. Убить как можно больше врагов, приблизив нашу победу. Убей их сто, тогда умирать можно.

– Ты как комиссар говоришь. Коммунист?

– Не удостоился.

– Вернёмся в свою дивизию, рекомендацию дам. Всё, хватит болтать, открывай дверь.

Илья массивный броневой запор отодвинул, тяжеленную дверь приоткрыл, выглянул. Слева, через пушечный вагон, видно развороченную броню паровоза. Немцев не видно. Илья повернулся к бойцам.

– За мной!

И первым стал спускаться по вертикальному трапу. Бах! В стенку вагона удар. Ещё один снаряд угодил, потянуло дымом. За Ильёй, который залёг за насыпью, спустились другие бойцы, замыкал Кольцов. Побежали к роще. Хоть и невелика, но от чужих глаз укроет. Ещё не добежали, как раздался сильный взрыв. Илья обернулся. Видимо, один из снарядов самоходки угодил в боезапас или пушкари сами взорвали вагон, чтобы не достался врагу. Дым валил из развороченного вагона, пламя по-явилось. С бронепоезда стреляло только одно орудие, но и оно быстро смолкло.

Домчались до деревьев, остановились, обернулись назад. Капитан снял фуражку. У кого были пилотки, стянули их. На их глазах бронепоезд погиб. Нанёс урон немцам, но и сам перестал существовать как боевая единица.

– Уходим, – скомандовал Кольцов.

Группа скрылась в глубине рощи. Не видели, как немцы окружили бронепоезд, вывели всех уцелевших, в том числе раненых, и расстреляли.

Кольцов мрачен был. В середине рощи короткий привал устроил, карту развернул. Где немцы, где наши, куда идти?

Кольцов принял решение идти на восток, вдоль железной дороги, так с пути не собьёшься. А ещё – больше шансов наши части встретить. Немцы всё время вели наступления по ходу шоссе и железных дорог, там есть мосты, на дорогах – твёрдое покрытие. Капитан правильно рассудил, что к шоссе соваться нельзя, там немцы огромной силой идут. А по железной дороге пока только наши поезда или дрезины, колея в СССР широкая, не европейская.

Сейчас группа находилась между станцией Колесники и деревней Курьяново. Фактически железная дорога шла севернее шоссе Смоленск – Москва, параллельно ей на удалении 5–15 километров. А группа стала двигаться севернее железной дороги на километр, не выпуская из вида рельсовый путь. До вечера успели до Дровнино дойти почти. Вот оно – село, на виду. А здесь железная дорога пересекает шоссе с гравийным покрытием, да ещё мосты через реку Лусянку. В небольшом кустарнике группа сидела до полуночи, потому что по шоссе шли немецкие войска. Рядом дорога, а перебежать невозможно. Только когда прекратилось движение, перебежали опасный участок. А потом выбрались на рельсы и почти до рассвета шли с одной непродолжительной остановкой. Плохо было то, что группа Кольцова шла в направлении вражеского наступления на Можайск. В Уваровке уже оказались немцы, пришлось делать крюк, обходить станцию, снова возвращаться на железную дорогу. К утру бойцы выдохлись. И так пройдено по бездорожью и шпалам железной дороги километров сорок. Это если по карте считать, а в реальности больше. Капитан разрешил отдых. Выставив часового, уснули крепким сном. Через пять часов Кольцов группу поднял.

– Идти надо, пока светло. Слышите – громыхает?

В самом деле, южнее, за железной дорогой артиллерийская канонада. Немцы огонь по нашим войскам ведут. Значит, не сдали ещё Можайск, держатся. До города пятнадцать километров, да как их пройти? Шли по железной дороге, очень неудобно. Либо очень широкий шаг надо делать, через шпалу, либо на каждую из них наступать, шаг частить приходилось. Не успели пяток километров пройти, впереди послышался приближающийся звук мотоциклетного мотора. Кольцов сразу приказал с железной дороги вправо сойти, залечь и оружие приготовить. Оказалось –

не мотоцикл, а мотодрезина. Маленькие колёса, одноцилиндровый чахлый мотор воздушного охлаждения и деревянная площадка два на два метра. Рядом с мотором красноармеец сидит. Капитан, как разглядел форму, поднялся, на рельсы вышел, руку поднял. Обороты мотора упали, дрезина скорость снизила и остановилась. Бойцы сразу к дрезине подбежали.

– Боец, откуда и куда?

– Со станции Красный Балтиец, бронепоезд ищу.

– Не номер ли один?

– Так точно, на радиосвязь не выходит.

– И не выйдет, можешь не искать. Мы на том бронепоезде были, разбит он. Сначала паровоз подбили, потом вагоны разнесли. Мы своими глазами видели.

У бойца на дрезине глаза округлились.

– Где? У меня старший брат там.

– Недалеко от станции Колесники.

Боец головой поник. Нерадостную новость ему капитан рассказал.

– Крепись, боец! Скажи, далеко ли наши?

– На станции есть и под Можайском. Нагнали гражданских, противотанковые рвы роют, а немцы на самолётах кружат, листовки сбрасывают.

– До станции подбросишь?

Боец с сомнением оглядел красноармейцев. Их девять, а площадка мала.

– Ну, если поместитесь, то я не против.

Поместиться удалось только стоя. Держались друг за друга, чтобы не упасть. Кольцов предупредил.

– Ты не гони.

– Да куда гнать, коли вес втрое против нормы?

Двигатель затарахтел, попятился назад. Вскоре показалась станция. Дрезина подкатила к перрону, на котором стояли особист и человек в чёрном форменном костюме железнодорожника.

– Фомичёв! Почему так быстро?

Боец мотор заглушил, соскочил с дрезины, побежал к железнодорожнику, стал докладывать. Кольцов с группой бойцов сошли с дрезины, а к ним особист.

– Попрошу предъявить документы!

У особиста своя задача – пресечь проникновение в наш тыл разведчиков, диверсантов. Немцы в начале войны широко использовали, особенно в полосе действий группы армий «Центр», свой разведывательно-

диверсионный батальон «Бранденбург-800», который позже разросся до полка. Все военнослужащие батальона, немцы по происхождению, прекрасно владели русским языком, прошли длительную и серьёзную подготовку, забрасывались в наш ближайший тыл в советской форме и с нашим оружием. В дальнем тылу уже действовали другие подразделения – абвер в первую очередь.

После проверки документов и досмотра сидоров, особист направил группу на сборный пункт.

Заступив в должность командующего Западным фронтом, Г.К. Жуков развернул кипучую деятельность. Под Можайском были созданы три линии обороны, защищала которые 5-я армия под командованием Д.Д. Лелюшенко. У Малоярославца заняла оборону 43-я армия К.Д. Голубева.

Передняя линия обороны проходила по рубежу реки Лама – Волоколамск – Бородино – Ильинское – Детчино – Калуга – Тула. Вторая линия простиралась по рубежу Клин – Истринское водохранилище – Истра – Звенигород – Нарские пруды – Нарофоминск – река Нара – Серпухов. Третья полоса – Хлебниково – Нахабино – Домодедово. До подхода немцев оборудование полос успели завершить всего на сорок процентов. По Можайскому укрепрайону ДОТов – 47, ДЗОТов – 103, противотанковых рвов – 70, эскарпов – 45 и проволочных заграждений – 13. На участке фронта в восемьдесят километров всего находилось пять дивизий. Ничтожно мало!

После взятия Гжатска немцы появились под Можайском и Малоярославцем уже 12 октября, а 13-го начались упорные бои.

Группу Кольцова со сборного пункта определили в 17-й стрелковый полк. Мобилизованное население успело вырыть под руководством военных инженеров траншеи, окопы, ходы сообщения, землянки. Главное для бойцов – они успели получить боеприпасы и телогрейки. Илья, как и другие бойцы, телогрейке был рад, было уже прохладно. К тому же телогрейка в окопах и траншеях удобнее шинели. Не успели обжиться, первый раз за несколько дней поесть горячей каши, как утром пришлось отражать первую атаку.

Сначала пикировщики отбомбили по переднему краю, потом пошли танки, за которыми бежала пехота. Бойцы готовили связки гранат. За неимением противотанковых, использовали осколочные. Бечёвкой, проволокой – связывали по пять штук, одну ручкой вниз, а четыре – вверх, так удобнее кидать. В роте, куда попал Илья, ещё был ящик бутылок с «коктейлями Молотова». Бойцы нервничали, для многих этот бой первый. Но и бойцы с опытом тоже боялись танков. Танки открыли стрельбу.

Молчавшие и замаскированные четыре противотанковые пушки открыли огонь. В основном били по гусеницам, лишая танки хода, а потом били по неподвижной цели. В лоб танк подбить сложно, но при попадании снаряда в гусеницу его часто разворачивало боком, если механик-водитель не успевал среагировать и затормозить машину. Боковая же броня всегда тоньше. Пушки-сорокапятки, прозванные на фронте «Прощай, Родина» за большие потери, могли поразить танки только на близких дистанциях: двести пятьдесят – триста метров, да и то в уязвимые места, которых у танка немного. К началу войны пушки-сорокапятки уже морально устарели. Но всё же удалось подбить несколько танков. Остальные танки начали обстреливать в первую очередь артиллерийские позиции. Несколько минут и наши пушки замолчали, расчёты погибли. Танки поползли на позиции, легко смяли проволочные заграждения, прочищая проходы для пехоты. Бойцы открыли винтовочный огонь. Автоматов в роте было мало, Илья не стрелял, для pistolетного патрона «ППШ» слишком далеко. Двести метров, сто пятьдесят. Пора! Илья стрелял экономными очередями, по три-четыре выстрела. Пехота несла потери, жалась к танкам, укрываясь за их броневыми корпусами. Один из красноармейцев ловко пополз вперёд, держа в руке связку гранат. Илья подсадовал на бойца. Местность открытая, ни ложбинок, ни укрытий. Немцы бойца заметили, пулемётчик из танка открыл огонь. Боец успел заползти в воронку от снаряда. Танк подполз ближе, боец приподнялся, бросил связку гранат и упал в воронку. Тут же взорвались гранаты, перебив трак. Гусеница стала разматываться, танк развернулся. Из траншеи хлопнул выстрел противотанкового ружья. Несколько минут ничего не происходило, потом ахнул взрыв, с танка сорвало башню и сразу столб красного пламени с десятков метров высотой. Германская пехота уже в сотне метров. В траншее показался командир роты с pistolетом в руке.

– Пристегнуть штыки! В атаку!

И сам первым выскочил из траншеи. За ним стали выбираться бойцы. Илья никогда не ходил в штыковую атаку, его служба предполагала другие методы. Да и с автоматом в штыковую атаку? Но поднялся в едином порыве, побежал. Честно говоря – страшно. Пули свистят, у немцев карабины в руках, штыки плоские посверкивают. Илья делал короткие остановки, давал одну-две короткие очереди, бежал вперёд. Сошлись, драка ожесточённая. Крики, мат, лязганье железа. На Илью набегал здоровенный немец. В начале войны они все откорм-ленные были, а во второй половине, когда стали призывать всех – пожилых, в очках, с белым билетом, вермахт стал уже не тот.

Немец автомат вскинул, на спуск нажал, а выстрела нет, патроны кончились. Илья в душе возликовал, сам автомат на немца направил, а затвор клацнул, выстрела не было. Чем «ППШ» хорош, имеет деревянный приклад, увесист. Илья на бегу перехватил автомат за перфорированный кожух, удар прикладом нанёс сверху. Немец свой автомат подставил. Удар! Приклад у шейки треснул, разломился на две части. Немцу сильно по плечу досталось, хотя большую часть удара на себя его оружие приняло. Немец автомат выронил, Илья обломки оружия бросил, нож выхватил. А немец ногой удары наносит, не подпуская к себе. Всё же третьим ударом ножа Илья цели достиг, вспорол штанину галифе и бедро гитлеровцу. И сразу рядом выстрел. Немец упал. Илья голову повернул, рядом Манков, в руках немецкий автомат. Видимо, уже успел трофеем взять. Молодец, вовремя помог. Манков автомат вскинул, дал очередь в набегавшего немца. Тот рухнул прямо у его ног.

– Бери его винтовку и вперёд! – закричал Манков.

Илья схватил карабин и бросился за пехотой. Немцы штыкового боя не выдержали, дрогнули, побежали. Илья оценил всю опасность положения. Немцы сейчас добегут до своих позиций, и их пулемётчики откроют кинжальный огонь, почти в упор набегавших красноармейцев.

– Назад, в окопы! – закричал он.

Кто из бойцов услышал, остановился, назад повернул. Илья карабин немецкий бросил, на бегу короткую остановку сделал, вырвал из руки убитого немца автомат, ножом срезал шлёвку к патронной сумке. Поколебался секунду. Может, ещё трофейный карабин подобрать? У него штык, для контратаки пригодится, да раздумал.

Рота понесла во время штыкового боя большие потери, едва не половину состава. Немцы тоже, телами в серых мундирах усеяно всё поле, но от этого не легче. Эх, была бы сапёрная лопатка! Для таких боестолкновений, самое то! И штык лопаты и боковины точатся до бритвенной остроты и рубит такая лопатка не хуже секиры, очень маневренная, в отличие от тяжёлой винтовки.

Разносчики пищи принесли обед в термосах. По объёму – на полную роту, да многих уже нет. Поэтому предлагали добавку. Илья двойную порцию каши съел, четыре куса хлеба. Кто знает, когда ещё доведётся горячей пищи поесть? Впрочем, загодя всё равно не наешься.

До конца дня немцы попыток атаковать не предпринимали, зализывали раны. В наступлении плановые потери один к трём. На одного обороняющегося трое наступающих. А сейчас немцы понесли потери значительно большие. Чтобы вновь атаковать, надо подтянуть резервы, на

что необходимо время.

К Илье Манков подошёл:

– Жив?

– Как видишь.

– Из нашей группы, что с Кольцовым выходила, только мы двое остались.

– И Рахим?

– Тоже там.

Александр махнул в сторону поля, где ещё чадили дымом подбитые танки.

– Меня нож выручил, а автомат сломался, – посетовал Илья.

– Я с немца сапёрную лопату снял, – похвастался Манков. – Напильник бы где-то раздобыть да наточить её.

– Как стемнеет, сходи в тыл, в полевые мастерские или у шоферов спроси.

Манков уселся в стрелковой ячейке на корточки.

– Как думаешь, Сафронов, возьмут немцы Москву?

– Ни в жизнь. И не вздумай политрука спросить.

– Ой, напугал! Дальше фронта не пошлют, так я уже здесь. Выпить бы.

– Вечером принесут. Потери большие, глядишь – двойную норму получишь.

– Наших помянуть надо. Я с Рахимом не один котелок каши съел.

– Он же мусульманин.

– А какая разница? Сало же ел.

– Голод не тётка.

Как смеркаться начало, по траншее прошёлся комбат Яковлев.

– Разведчики есть?

– Старший сержант Сафронов, – встал Илья.

– Надо взять языка. Собирайте группу по своему усмотрению.

Александр, стоявший рядом, округлил глаза. Илья и сам понимал всю сложность – немцы в наступлении, оборудованных позиций нет, проникнуть к ним проще. Но и сложностей много. Военнослужащие на ночлег будут располагаться вместе, попробуй – возьми одного, да ещё если он крикнуть успеет либо шумнёт как-то.

Германцы разведчиков в плен не брали, захватив, подвергали пыткам и убивали. Впрочем, наши войска сдавшихся или захваченных эсэсманов тоже расстреливали сразу. СС – военизированная, наиболее оголтелая часть нацистской партии, фанатики, вступившие добровольно, в отличие от вермахта, куда призывали.

Когда капитан ушёл, Манков спросил:

– Ты чего вызвался?

– Мы с тобой на фланге батальона.

– И что из этого следует?

– А то, что комбат уже по всем траншеям прошёл, а желающих нет. Мог бы и приказать, но боец без опыта сгинет попусту. А у нас с тобой опыт. Так ты идёшь?

– При одном условии.

– Каком? – удивился Илья.

– Если вернёмся благополучно, впредь меня в наряды только на кухню посылать.

– Тьфу ты!

Собираться не пришлось – всё при них почти, оружие трофейное. А впереди – полная неизвестность. Где немцы? В позиционной войне проще. Вот нейтралка, на другой стороне немецкие траншеи. Командиры рот знают, где у немцев пулемётные точки, есть ли минные поля. Манков перекрестился, чего не делал раньше.

– Ты разве верующий?

Манков с ответом помедлил.

– Перед штыковой атакой перекрестился я, Господу, если он только есть, посулил. Ежели его стараниями жив останусь, веру приму, в храм ходить буду. Смеяться будешь?

– Зачем же?

В войну, когда туго приходилось, когда жизнь на кону, начинали верить заядлые атеисты – в Бога, приметы.

Выбрались из траншеи, в полный рост направились в сторону немцев. Минных полей не было, утром немцы наступали, а во второй половине дня Илья сапёров на нейтралке не видел. В темноте пройденную дистанцию определить сложно, но по ощущениям: метров триста пятьдесят – четыреста прошли.

– Постоим, послушаем.

Оказалось – не зря. Слева едва уловил звук губной гармошки. Вот чего Илья не понимал, так почему у каждого второго-третьего немца губные гармошки? Вроде не такая музыкальная нация, как итальянцы или греки.

Свернули влево, потом поползли. Из темноты показались избы. Да, любят немцы комфорт. Какая-то часть расквартировалась в деревне. Вызвать бы на деревню артиллерийский огонь, да радики нет. Да и была бы, пушек почти нет, а которые после боя остались – противотанковые, не способны стрелять по площадям. Чем противотанковая пушка от полевой

отличается? Высокой скоростью малокалиберного снаряда для пробития брони. Фугасный или осколочный эффект снаряда невелик.

У избы прохаживался часовой. Взять его можно, но много ли толку с рядового? Задами, за огородами, где проползли, где перебежали на другой конец деревни. Здесь укрытые под деревьями с пожухлой листвой стояли танки. Один, два, три... с десятка будет. Подобрались поближе. Лучше взять «языком» танкиста, чем пехотинца. Ждали около часа, благо – время позволяло. По-осеннему темнело рано, светало поздно. Звякнуло железо, от танков отделилась фигура, направилась к избе, ближайшая из которых в полусотне метров. Луны нет, темнота полная. У Ильи в голове план возник.

– Я пойду немцу навстречу. Как шумну, не медли, иди на помощь.

Илья встал в полный рост, не скрываясь, направился в сторону танкиста. Даже попробовал фальшиво насвистывать «Лили Марлен», её часто напевали солдаты. Илья рассчитывал, что немец примет его за своего. А когда сблизятся, Илья его вырубит. Так и вышло. Несколько шагов до немца оставалось, он не заподозрил, что навстречу русский идёт.

– Вилли? – спросил немец.

– Я, я, – ответил Илья. Он и знал-то всего несколько слов.

Немец рядом, Илья резко ударил его кулаком под дых. Немец, не ожидавший нападения, закрыться не успел, согнулся от боли, стал воздух хватать открытым ртом. А Илья ему кулаками в замке по шее сзади. Немец упал, рядом движение – Манков.

– Руки ему вяжи и кляп.

А не взяли с собой ни верёвки, ни кляпа. Что можно прихватить из пехотной траншеи? Манков поясной ремень на немце расстегнул, стянул им сзади руки танкисту, а в рот затолкал пилотку.

– Бери под локти, потащили.

Задами, где часовых не было, убрались от деревни. Сначала осторожничали, а как подальше отошли, быстрым шагом, почти бегом. Илья думал, промахнутся с возвращением, а получилось выйти на позиции своего батальона. Причём даже часовой не окликнул. Плохо, так и немецкая разведка нашего бойца взять языком может. Да только немцы, уповая на данные авиаразведки и агентуры, поисков на данном участке не предпринимали.

Капитан Яковлев не спал, ожидал возвращения. Увидев разведчиков, обрадовался.

– Взяли?

– Танкист.

– Да он хоть живой?

– Очухается, водичкой на него плеснуть желательно.

Комбат плеснул из кружки в лицо пленному водой. Немец сразу вздрогнул, голову поднял.

– О! Майн готт!

Ага, понял, что в плену.

– Парни, по-немецки кто-нибудь понимает?

Ни Манков, ни Илья в переводчики не годились.

– Ладно. Благодарю за службу, отдыхайте.

– Есть.

Комбат, пленный в сопровождении двоих бойцов отправились в штаб полка. Там была женщина-переводчица. Пленный на допросе показал, что у Рогачёва сосредоточены двадцать танков и батальон пехоты, а наступление должно быть утром, после артподготовки. Сведения интересные, их передали в штаб дивизии. Однако существенной поддержки полк получить не успел. К утру к передовым позициям доставили две пушки-сорокапятки, которые к рассвету едва успели замаскировать.

Утром рано заявился политрук, коротко сообщил собравшимся красноармейцам о положении на фронтах. И услышанное не порадовало. Вчера пала Калуга, и немцы продолжали наступать. Политрук пытался воодушевить бойцов, но каждый понимал ситуация складывается более чем скверная.

Принесли завтрак, бойцы за еду принялись. Не успели котелки ополоснуть в близлежащем ручье, как немцы открыли артиллерийский огонь. Сначала снаряды падали на передовой, затем огонь перенесли на вторую линию траншей, где бойцов было мало, на тылы полка. Судя по разрывам, били 105-мм полевые гаубицы, самые распространённые в немецкой артиллерии.

Как только разрывы стихли, из всевозможных укрытий стали появляться бойцы. Показалось – после такой массовой обработки огнём уцелеть на передовой уже никто не мог. А не получилось у немцев, укрыла бойцов родная земля. Конечно, часть траншей обрушена, везде воронки зияют, но в целом оборона уцелела.

Вермахт и на сей раз не изменил себе. Сначала на наши позиции двинулись танки, за ними побежала пехота. Танки периодически стреливали, а больше всего бойцов напрягал нарастающий рёв моторов, лязганье гусениц неотвратимо надвигающейся железной лавины. Человек в такие моменты остро чувствует свою беззащитность, уязвимость. Когда танки подползли, две противотанковые пушки открыли огонь. Выстрелы следовали один за другим. Пушкари понимали, что танкисты много

времени не дадут, постараются накрыть пушечным огнём. Сорокапятки сами по себе низкие, да ещё в капонирах стоят, поразить их непросто. Несколько танков уже застыли на нейтралке. Один горит, другие с перебитыми гусеницами стоят. Быстро смолкла одна пушка, что на дальнем фланге батальона была. Вторая, поближе, огрызалась огнём. На неё сейчас вся надежда бойцов. Главное – выбить, остановить танки, без них наступление захлебнётся.

Ещё один танк горит, второй застыл. Там, где пушка стояла, взрыв, пушка смолкла. Илья побежал на позицию противотанкистов, за ним Манков увязался, он в соседней стрелковой ячейке был до того. По ходам сообщения, по траншее, добежали быстро. Пушечка цела, бронещит спереди во вмятинах от осколков. А расчёт убит. Немецкий снаряд угодил в бруствер, осколками всех посеколо. Снарядные ящики, что в капонире, пусты, под ногами куча стреляных гильз.

– Саша, снаряды ищи!

Обычно запас снарядов не в капонире, а неподалёку, в ровике, на случай, если в хранилище вражеская мина угодит. Тогда от детонации взрыв серьёзный будет. Илья бегло пушку осмотрел. Вроде цела и никаких хитроумных электронных прибабасов нет. Штурвальчики горизонтальной и вертикальной наводки, ручка замка и кнопка спуска, не шнур, как на полевых пушках. Илья рычаг потянул, клин замка опустился, открыв казённый. А уже Манков кричит.

– Нашёл!

И к пушке бежит, в обеих руках по плоскому ящику. Открыли крышку, снаряды маленькие, несерьёзные с виду. Илья снаряд в казённый загнал, замок закрылся. Он к прицелу приник, не видно ничего, только небо. Штурвалом вертикальной наводки ствол ниже опустил, потом взгляд вперёд. Танк метрах в двухстах – левее двадцать градусов. Грубо по стволу навёл, потом снова к прицелу приник. О, разрешение хорошее, отчётливо крест на броне виден, траки блестят. Не мешкая, надавил кнопку спуска, что в центре штурвала была. Резкий выстрел, оглушило. Надо было рот открывать, как это артиллеристы делают, чтобы не оглохнуть.

– Саша, снаряд!

А сам над щитом приподнялся. Надо же посмотреть, что с танком стало. Опыта стрельбы по движущейся цели из пушки не было. Если не считать стрельбы из КПВТ в училище, да нескольких выстрелов из немецкого Т-III у моста. Снаряд, выпущенный им сейчас, угодил в каток гусеницы, танк завертелся и встал, подставив бок. Манков уже снаряд в казённый вбросил. Илья наводку штурвальчиком подправил, выстрелил.

Видно было, куда снаряд ударил. Просверк на кормовой броне, потом сразу дым пошёл. Откинулись люки, танкисты стали танк покидать, тут уж пехота огонь из всех стволов открыла. Танкистов люто ненавидели и ни один не смог убежать, так и попадали рядом с уже полыхнувшим танком.

– Снаряд!

– В стволе уже! – ответил Манков.

Из-за горящего танка показался корпус другого танка. Он явно засёк пушку. Показался на несколько секунд, короткая остановка, выстрел по позиции противотанкового орудия, и дал задний ход, спрятавшись за корпусом горящего танка. Осторожен и хитёр немец! Борт не подставляет и показывается на короткое время, Илья даже пушку навести не успел. К счастью, немец промахнулся, их снаряд с перелётом ушёл, взорвался уже за позициями. Но немец не успокоится. Только где он появится? Слева или справа из-за корпуса горящего танка?

– Илья, справа! – крик Манкова.

Он первым узрел показывавшийся корпус. Илья штурвал вращать начал. Вертикальная наводка в самый раз. Танк только часть корпуса показал, а Илья выстрелил.

– Саня! Снаряд!

– Уже!

Клацнул замок, и Илья выстрелил второй раз. Видно, угодил. Пробоитие было или ведущую звёздочку повредил, за дымом не видно, но танк замер. Манков заорал.

– Так тебе, сука, и надо!

А слева танки уже в сотне метров от нашей траншеи.

– Манков, помоги!

Пушку надо было немного развернуть, иначе не хватало угла горизонтальной наводки. Ухватились за станины, развернули. Пушка даром что невелика, а полтонны весом. Её хорошо ворочать полным расчётом, а не двум бойцам. Справа сзади взрыв, снаряд в бруствер капонира угодил. Почти все осколки на себя Манков принял. Илью слегка посеколо осколками и контузило. Свет в глазах померк, и он отключился. Пришёл в себя вечером, начинало смеркаться. С трудом сел, кружилась голова, в ушах шум. Посидел так немного, лучше стало. Повернул медленно голову вправо. Манков смотрел на него мёртвыми глазами, грудная клетка кровавое месиво из себя представляет. Почему так тихо? Оглух он? Или бой закончился? Отбили атаку? Илья сначала на четвереньки встал, потом ухватился рукой за колесо пушки, с трудом встал. Его штормило, раскачивало, как пьяного. На поле боя трупы, сгоревшие танки и никакого

движения.

– Эй! – попытался крикнуть Илья.

А во рту пересохло, какое-то сипение раздалось. Не, не оглох, слышал себя. Побрёл к траншеям. Ни одного живого, одни трупы. Позы самые причудливые, в каких застала смерть. В голове зрело понимание – прорвались немцы! В нескольких километрах от их позиций Можайск, но частей РККА на пути немцев уже не было. Получалось – вновь один и в тылу немецких войск. Не повезло. Хотя с какой стороны посмотреть. Если сравнить с Манковым или расчётом сорокапятки, так он просто везунчик. Сотни наших бойцов головы сложили, а он жив!

Боровск пал 16 октября, через день Можайск и Малоярославец. Немцев удалось остановить поистине титаническими усилиями, напряжением всех сил на рубеже рек Протва и Нара.

Государственный Комитет обороны 15 октября принял решение об эвакуации дипломатических миссий и правительственных учреждений в Куйбышев и Саратов. Сапёры стали минировать мосты, заводы, театры.

На следующий день город охватила паника. Многие директора предприятий, явив трусость, грузили на машины домочадцев и наиболее ценные вещи, уезжали на восток. Мародёры бросились грабить магазины и склады. Панику и беспорядки с трудом удалось остановить силами милиции и частей НКВД. ГКО 20 октября ввёл в Москве осадное положение – введение пропусков, проверку документов патрулями, комендантский час и прочие ограничения. К Москве срочно, литерными поездами, перебрасывали из Сибири и Казахстана свежие дивизии. Сталин, уже бывший на вокзале у поезда, в последний момент ехать в Куйбышев передумал, остался в городе.

Илья забрался в землянку, решил провести ночь здесь, под крышей. Температура ночью уже опускалась градусов до шести-восьми и ночевать под открытым небом чревато простудой. В его состоянии вполне вероятно сейчас заболеть. На ощупь нашёл топчан, завалился. Стянул с плеча автомат, попробовал затвор взвести, да не получилось. Удивился, неужели так ослаб? Ладно, утром разберётся, по ночам немцы не шастают. Провалился в сон, утром проснулся, как привык, в шесть тридцать. Почувствовал себя значительно лучше. Выбрался из землянки, в рассветной серости разглядел трофейный автомат. На затворной коробке приличная вмятина от осколка. Автомат за спиной висел и принял удар на себя. Можно сказать – жизнь спас. Но отныне это уже не оружие, годен на переплавку. Илья прошёл немного по траншее, подобрал «ППШ», лежавший рядом с убитым бойцом, вытащил запасной магазин из

подсумка. Оружие придавало уверенности. Ничего, он ещё повоюет. Только бы подхарчиться. Обошёл землянки, обнаружил банку немецкой консервированной ветчины. Видимо – кто-то из пехотинцев лазал две ночи назад на нейтралку за трофеями. Делали так по уговору с часовым. Приносили снятые с убитых часы, губные гармошки, сигареты и зажигалки, иной раз шоколад. Много ли добра у солдата, хоть нашего, хоть германского?

Консервы Илья ножом вскрыл, его же вместо вилки использовал. Посмотрел на нейтралку, а там немецкая похоронная команда трупы своих военнослужащих собирает. Надо убираться из траншеи, пока не застукали, в похоронных командах нестроевые служат, но карабины за спиной у всех висят. По ходу сообщения от бывшей передовой пробежал, за кустами встал и зашагал в сторону Можайска. Вскоре сообразил – неправильно делает. С севера к городу Москва-река подходит, делает поворот. В одежде не переплыть. Город немцами занят, туда соваться нельзя. Один вариант – южнее города идти. Так и там опасно, Смоленский тракт проходит, по которому наверняка немецкие войска идут. Им сейчас силы наращивать надо, до Москвы рукой подать. Гитлер, генералы его и вермахт свято верили, что с падением советской столицы СССР капитулирует. Вот дураки-то! Хоть бы историю изучали. Москву и татары не раз брали, жгли. И Наполеон в 1812 году тщетно ждал парламентёров договариваться о почётной капитуляции.

Из всех вариантов выбрал относительно безопасный, по железной дороге. Она почти параллельно шоссе шла, только севернее. Наши поезда по ней уже не ходят, а у немцев подвижного состава для широкой советской колеи нет. Именно так рассуждал капитан Кольцов, когда из Гжатска уходили, и слова его Илья помнил. На станциях опасно, так их обходить можно. До железной дороги добрался, впереди Можайск виден, рельсы туда ведут. С насыпи сбежал на южную сторону, опять плохо. Уже через три километра шоссе, по нему нескончаемые колонны немецкой техники в два ряда идут. Нашёл место поукромнее, залёг. Придётся ждать до темноты. От нечего делать наблюдал за шоссе. Танки, тягачи с пушками, грузовики с пехотой, мотоциклы. Пыль висит, гул моторов слышен. Илья на небо поглядывал. Где же наша авиация? Долбануть бы немцев на марше, устроить им мясорубку! На марше подразделения защищены от ударов с воздуха менее всего. В обороне укрытия есть, а на шоссе спрятаться негде. Пару раз видел немецкие самолёты, а наши так и не показались. Обидно было. Для авиации сейчас самая лакомая цель.

Как темнеть стало, вдоль шоссе пошёл. С пути не собьёшься, гул

моторов справа, лучи фар мелькают. Грунтовку пересёк, километров через пять щебёночный шлях. Понял – Можайск слева и сзади остался. Пора самому на север поворачивать, к железной дороге. Шёл на Полярную звезду, пока в насыпь не уткнулся. Часа четыре бодро вышагивал, пока впереди станция показалась. Как позже узнал – Шаликово. Немного южнее к станции почти вплотную Смоленское шоссе подходило. Не стал искушать судьбу, с севера станцию обошёл. А за Шаликово железная дорога и сама на север отворачивала. К утру, когда темень сереть стала, углядел себе место, спать улёгся. Чутко спал, дремал скорее. Холодно. А в полдень, как оглядел местность вокруг, волосы дыбом встали. По минному полю шёл. Конечно, предупредительных табличек нет, да и кто их ставить будет, противника предупреждать. Но небольшие бугорки чётко в шахматном порядке и трава на бугорках пожухлая. Дёрн срезали, потом им мины прикрыли. Как не подорвался? Зато точно никто не забредёт, если только такой же идиот, как он сам. Вот теперь уснул крепко. Проснулся через несколько часов от взрыва. Сел, плохо соображая, огляделся. Метров за сто от него курилась дымом свежая воронка, рядом валялся убитый кабан. Ну да, откуда кабану знать о минном поле? Илья поднялся, обходя подозрительные бугорки, глядя под ноги, подошёл к кабану. Целой туши не было, разорван на крупные куски. Хм, да ведь это же обед! Илья ножом отсёк крупный кусок передней ноги, осторожничая, добрался до лесопосадки. Тщательно осмотрел место, мин не обнаружил. Собрал сушняк, развёл костерок. Ножом напластал мясо, нанизал на пруттики, стал жарить над огнём. Дым был, демаскировал его местонахождение. Так ведь тот, кто решит проверить, на минное поле наткнётся.

Снаружи куски мяса подгорели, корочкой покрылись, а внутри не пропеклись достаточно. А хуже всего – не было соли. Но голод не тётка. Основательно подкрепился, мясо – продукт сытный. Обошёл Дорохово, крупное село, на табличке прочитал. Полчаса хода и вышел к Москве-реке. Залёг на берегу в кустах, долго наблюдал – кто на другом берегу? За полчаса наблюдения показался местный житель. Озираясь, вытащил из реки сеть, выбрал рыбу, снова сеть закинул и ушёл. Крикнуть бы, выпросить, да далеко. Да и кричать остерегался, только себя выдаст. Но и сидеть на одном месте не выход. Надо перебираться на другой берег. Походил, нашёл кусок дерева, видимо – местные пилили по весне, спил уже грибком покрылся. Разделся донага, оружие и обмундирование на дерево уложил, в воду спустился. Бр-р-р! Холодно, аж ноги сводит. Поплыл, толкая перед собой импровизированный плот. Течение сильное, сносит. Илья одной рукой загребал, активно ногами работал. Уткнулся в

противоположный берег, вещички и оружие схватил, выбрался на землю. Колотун бьёт, зуб на зуб не попадает. Октябрь холодный выдался, а в ноябре уже снег выпал и морозы ударили.

Оделся на мокрое тело, теплее стало. Впереди, в полукилометре, деревня видна. Ровное поле, укрыться негде. Решил рискнуть, к деревне пошёл, держа наготове автомат. Нелепо, конечно. Если в деревне немцы, разглядев, застрелят ещё на подходе.

В избах трубы печные дымом курятся. И вроде обстановка мирная. Из-за угла избы красноармеец вышел, увидев Илью, вскинул винтовку.

– Стоять! Кто такой?

– Из окружения выбираюсь, из-под Можайска.

Часовой пару шагов назад сделал, крикнул что-то за угол. Потом приказал.

– Оружие на землю!

Илья подчинился, автомат положил, но аккуратно, не бросил. К часовому подошёл военный. Петлиц не видно, в телогрейке, возраст слегка за сорок.

– Что у тебя, Матвеев?

– Человек, говорит – из-под Можайска выбирается.

Военный подошёл.

– Документы.

Илья красноармейскую книжку достал, протянул. Воротник телогрейки не полностью запахнут, мелькнули четыре треугольника на петлицах – старшина. Старшина документы изучил, к себе в карман сунул. Нагнулся, автомат поднял.

– Шагай. У нас как раз вчера боец из-под Можайска вышел. Не знакомец ли?

Ага, старшина проверку устроить решил. Но Илья не боялся, он в самом деле воевал на первом рубеже.

Лицо бойца показалось знакомым. Да и боец присмотрелся к Илье.

– Ты не из первого батальона?

– Точно, комбат Яковлев у нас. А ты ни разносчиком пищи был?

– Было такое, когда в наряде на кухне был.

Старшина улыбнулся.

– Ну, вот. Гора с горой не встречаются, а однополчане – запросто. Держать я вас у себя не могу. Дам провожатого, идите в полк, тут недалеко, пара километров до Морево.

– Старшина, оружие верните, – попросил Илья.

Старшина автомат отдал.

– Хорошая машинка, побольше бы нам таких.

Вместе с провожатым направились в полк, но дойти было не суждено. Шли по грунтовке, местность открытая. Откуда взялся немецкий истребитель, никто из троицы не заметил. Ни рёва мотора не было, ни тёмной точки на небе. Сразу взрыв бомбы и оглушающий рёв мотора. Истребитель сбросил осколочную бомбу с пике и взмыл в небо. Илья ощутил сильный удар по ноге, упал. А попутчики его недвижимы.

Через небольшое время на грунтовке полуторка показалась. Подвывая изношенным мотором, до-ехала до лежащих бойцов. Из кабины выбрался водитель, подбежал.

– Жив, браток?

– Нога, – простонал Илья.

– Сейчас, сейчас.

Шофёр сбегал к грузовику, вернулся с индивидуальным перевязочным пакетом. Перебинтовал прямо поверх галифе.

– Потерпи, браток! Держись за шею. – Подвёл Илью к кабине, посадил на сиденье, затем уселся за руль, тронул грузовик. Трясло немилосердно. Илья какое-то время крепился, потом в глазах потемнело, и он потерял сознание. Очнулся от яркого света, голосов рядом.

– Всё, можете снимать со стола. Счастливчик парень. Осколок рядом с бедренной артерией прошёл. Мышцы разворотил, а кость цела.

Ага, в полевом госпитале он, – сообразил Илья. Санитары перенесли его на топчан в брезентовой палатке. А через два дня на грузовике, вместе с другими ранеными перевезли в госпиталь в Большие Вяземы, что рядом с Голицыно, ближнем Подмосковье.

В госпитале тепло, кормят сносно, перевязки, уколы. Илья впервые за несколько месяцев почувствовал себя в безопасности.

Вместе с другими ранеными выбирался при помощи костыля в коридор послушать сводки Сов-информбюро. Но сводки не радовали, положение на фронтах было тяжёлым.

Например, в сводке от 22 октября.

«После упорных боёв наши войска оставили город Таганрог».

А неделей позже «Наши части оставили город Харьков. Начались оборонительные бои на Тульском направлении».

Илье в моральном плане было легче, чем другим раненым. Он-то точно знал, что уже в декабре Красная армия начнёт наступательные операции, погонит немцев. За короткий срок будут отбиты многие города, линия фронта отодвинется от Москвы, угроза падения столицы уйдёт. Знал, но сказать бойцам, подбодрить не мог. Примут за придурка после контузии,

да ещё спишут из армии за психическое расстройство. Но и смотреть на мрачные лица раненых после прослушивания сводок с фронтов было тяжело.

Рана заживала, молодой организм, покой, регулярное питание делали своё дело. Уже через десять дней стал ходить без костыля. Надоел он ему хуже горькой редьки, натирал кожу под мышкой. Хромал пока сильно, но ногу разрабатывал. Медсестричка каждый день массаж делала, сам дважды в день упражнения – приседания, «велосипед» в кровати. Некоторые бойцы скалили зубы.

– Далеко поехал?

Илья внимания на весельчаков не обращал, занимался упорно. Хотелось на улицу выйти, подышать свежим воздухом. В госпитале воздух кровью пахнет, гноем, йодом, лекарствами, удушливо. А во двор выйти не в чем. Байковый коричневый халат, из-под которого кальсоны торчат, да тапки дерматиновые – ни шагу назад, поскольку без задников. В госпитале тепло, а в конце ноября уже снег лежал и морозы с каждым днём сильнее.

Первого декабря гитлеровские войска прорвались на стыке 5-й и 33-й наших армий, двинулись на Кубинку. У деревни Акулово им преградила путь 32-я стрелковая дивизия. Артиллерийским огнём часть танков была уничтожена, другие попытались обойти с флангов позиции и подорвались на минных полях.

От Кубинки до госпиталя всего ничего. Госпиталь стали готовить к эвакуации. Поговаривали – в Люберцы. В первую очередь грузили в санитарные машины тяжелораненых. Илья чувствовал себя сносно и обратился к начмеду, как называли заместителя начальника госпиталя по медицинской части, с просьбой о выписке. Таких, как Илья, нашлось десять человек. Разные раненые были. Кто-то тянул в госпитале до последнего, предъявляя жалобы, другие старались выписаться раньше срока.

Начмед пошёл навстречу, в канцелярии оформили справки, в каптёрке выдали одежду. Обмундирование потрёпанное, но чистое, после стирки. Старшина над Ильёй сжалился, не ботинки с обмотками выдал, а кирзовые сапоги и портянки байковые. Да и в них холодно было. Илья это почувствовал сразу, как только в грузовике в запасной полк повезли. Тряслись и в прямом и в переносном смысле, от ветра и мороза, долго. Расположились в холодной и полупустой казарме. Только вчера все запасники ушли на пополнение полков.

Утром снегопад сильный и ветер, на следующий день мороз до минус тридцати шести. В запасной полк должен был прибыть «покупатель», как

называли между собой бойцы представителей 30-й армии. Не прибыл, оказалось – не смогли завести грузовик. И только следующим днём в запасной полк приехали представители на трёх грузовиках. Илья сам вызвался служить в разведке. Уже в полку дивизии получил тёплое обмундирование – валенки и тёплые носки, овчинный тулуп, шапку и рукавицы. Без меховых рукавиц кожа рук к железу прилипала. В разведвзводе приняли новичка радушно. Место в землянке определили, а командир взвода трофейный немецкий егерский нож подарил. Разведчику без него нельзя, как без рук. Несколько часов на формальности ушли – документы, получение оружия.

- В самую горячую пору прибыл, – сказал взводный.
- Куда горячее, плевков на ветру замерзает, – пошутил Илья.
- Послезавтра наступление. Разведчики во втором эшелоне идут.

В первом эшелоне танки с десантом на броне. Видел Илья танки, стоят обмёрзшие, попробуй на таком на ходу удержишься, когда на неровностях трясёт. Под кормовой частью танков, под двигателями и трансмиссиями подогреватели стоят, как большие паяльные лампы, чтобы двигатели не замёрзли. А немцы, наученные горьким опытом, двигатели не глушили.

Глава 10

Долгожданное наступление

Лёжа на топчане в землянке, Илья вспомнил весь свой боевой путь. Большую часть пришлось пешком, километров четыреста, лишь кое-где ехал, поездом, мотоциклом. За спинами товарищей не прятался. Отступал? Да, как и вся армия. Зато немцам ощутимый урон нанёс и в живой силе, и в боевой технике. В общем – удовлетворён был.

Утром в тылу наших войск началось активное движение техники, к передовой подтягивались войска. После завтрака старшина взвода принялся раздавать боеприпасы. Разведчики брали по несколько пачек патронов, бросали в сидор. А ещё в карманы полушубков по одной-две гранаты. В наступлении, если оно удавалось, на прежнюю дислокацию уже не возвращались, потому, хоть не всегда удобно, сидоры приходилось брать с собой, в них всё скудное солдатское имущество. Илья взял три пачки патронов к автомату, в каждой по семьдесят штук, как раз на дисковый магазин. А ещё выпросил у старшины десяток гранат Ф-1.

– Сафронов, ты торговать ими вздумал? Зачем тебе столько? Тяжело ведь таскать будет.

– Своя ноша не тянет, – откликнулся Илья.

Уж он-то знал, что гранатами лучше всего выкуривать противника из ДОТов, ДЗОТов, землянок, да и траншеей расчищать.

День прошёл в тревожном ожидании. А рано утром, в сумерках, раздался истошный рёв, совсем рядом. Бойцы из землянок повыскакивали. Кто в исподнем, кто тулупы поверх белья успел накинуть, но все при оружии. Недалеко от землянок разведчиков расположился дивизион БМ-13, иначе «катюши», реактивные миномёты. Илья раньше, в училище, на учениях, видел, как стреляют «Грады», «Смерчи», «Ураганы». Впечатление сильное. С пусковых направляющих одна за одной срывались ракеты, с воем, огненным хвостом улетали за линию фронта. На немецких позициях бушевали разрывы, пламя. Не зря немцы за характерный звук именовали «катюши» «Сталинскими органами».

Отстреляв боезапас, машины развернулись и уехали. Немцы обычно старались засечь огневую позицию и тут же нанести ответный удар артиллерией.

А через наши позиции к немецким ринулись танки с пехотой на броне.

Казалось, на немецких позициях не осталось живых, ан нет. Послышались выстрелы, пулемётные очереди. Задача первого эшелона наступающих – взломать, прорвать оборону врага и следовать дальше. В первом эшелоне самые большие потери всегда. А второй эшелон зачищает от остатков войск противника территорию, расширяет прорыв, закрепляется.

Гулко ахали выстрелы танковых пушек, частили автоматы и пулемёты. За снежной круговертью уже толком поля боя не видно.

Командир взвода приказал:

– Всем построиться. Ставлю задачу – преодолеваем нейтралку и по немецким траншеям. Тех, кто остался и сопротивляется, добить, кто оружие бросит и руки поднимет, собирайте в группы и под конвоем сюда. Разворачиваемся цепью и вперёд!

Взводный выхватил пистолет и сам побежал первым. Лейтенант в сапогах, а бойцы в валенках, бежать в них неудобно, отставать стали. На нейтралке трупы наших пехотинцев – в шинелях, тулупах. Илья ожидал худшего, больших потерь. Илья сместился левее, побежал по следу танковых гусениц. Там снег примятый, бежать легче. Со стороны немецкой передовой стали раздаваться выстрелы. Один из разведчиков упал. Слева и справа от взвода разведчиков бежали пехотинцы, связисты, сапёры. Илья подбежал к траншее. Несколько убитых немцев, одна стенка траншеи обрушена танком, видны следы. Илья спрыгнул, побежал за нашим бойцом. Выстрел, боец впереди него упал. Илья успел заметить, как немец скрылся в боковом ходе. Выхватив из кармана гранату, сорвал чеку, шаг вправо сделал, укрываясь в стрелковой ячейке, швырнул гранату. Взрыв, чёрный дым. Держа на изготовку автомат, заглянул в ход сообщения. Готов фриц! Лучше бы сдался, остался в живых. Вообще-то немцы, вопреки советской пропаганде, верили в своего фюрера практически до сорок пятого года, как и в чудо-оружие, которое обещал нации Гитлер. А ведь был у Гитлера мудрый советник, Я. Шахт. После первого поражения вермахта под Москвой советовал заключить с СССР мир. Говорил – «доллар начал эту войну, он её и закончит». Убрал Гитлер Шахта со всех постов, поставил Шпеера, но закончилось всё именно так, как предсказывал финансист Шахт. В итоге из кровопролитной войны с прибылью и мощной экономикой вышла Америка, а Германия и СССР понесли серьёзные потери в людских и материальных ресурсах. Война – это прежде всего борьба экономик и ресурсов. Хитрый партайгеноссе Борман с началом войны образовал экономический штаб оккупированных территорий. Под руководством штаба из СССР было вывезено более миллиона тонн железной руды из Курской области, Украины, 175 тыс. станков, сотни тысяч

тонн мяса, молока, яиц, леса, вывезли исторические и культурные ценности.

Один из ДОТов огрызнулся пулемётным огнём долго, пока бойцы не забросали амбразуру бутылками с «коктейлем Молотова».

Наступающий первый эшелон прорвал оборону клином, на узком участке. Второй эшелон пытался расширить фланги, а немцы пытались удержать позиции. Чем дальше продвигались бойцы от места прорыва, тем ожесточённое сопротивление. На помощь пехоте бросили несколько СУ-76, прозванных на фронте «сучками». Они подходили поближе к огневым точкам, расстреливали. На немецкие позиции их подпускать остерегались. На «сучках» сверху брони на рубке нет, стоит забросить сверху гранату, как весь экипаж погибнет. Не танк – лёгкая самоходка, уязвимости больше. Но помогли «сучки» здорово.

Илья действовал ловко. Подбежит к землянке или блиндажу, бросит в дверь гранату и за изгиб траншеи. После взрыва подбегал ко входу, для верности очередь давал. Глядя на него, и другие бойцы начали действовать так же. Разведчики быстро трофеев набрали. Илья себе пистолет, бутылку шнапса и несколько плиток шоколада. Кому повезло – мясные консервы из землянок или часы наручные с убитых снимали, забирали портсигары. Командование такие трофеи осуждало, но не наказывало.

Хоть и в движении все были, а холодно. В рукавицах стрелять или вырывать чеку гранаты неудобно, правую рукавицу снял, убрал в карман, кисть руки от голого железа мёрзнет. Отвинтил крышку на бутылке, отхлебнул, тут же очередь из желающих образовалась, пустили бутылку по кругу, опорожнили. И дальше траншеи зачищать. Первую линию прошли, ко второй кинулись, она метрах в трёхстах от первой. А здесь несколько убитых немцев, а живых – никого. Сбежать успели. За боем большая часть дня прошла. Солдаты возбуждены, довольны. Не всё им отступать, случился и на их улице праздник.

Полевая кухня горячий обед прямо на захваченные позиции привезла. Поели, выпили фронтовые сто грамм, а кому и больше досталось, старшина не жадничал. Водку старшина по списочному составу получал, а потери были, лишняя водка осталась. А командиры, дав время на обед и короткий отдых, снова командуют.

– Вперёд!

За световой день удалось с боями пройти с десятков километров, уже окраины Клина видны. Но с темнотой боевые действия прекратились. Как воевать, коли ни зги не видно? Кроме того, бойцам отдых нужен, техника нуждается в заправке топливом, боеприпасами. Конечно, всякая задержка

наступления на руку немцам – перегруппироваться, резервы подтянуть. Хотя ближних резервов не было, а подкрепление из Франции, как распорядился Гитлер, по-всякому прибыть не успеет. Это СССР с его огромными расстояниями, а не европейская страна, которую на машине за несколько часов проехать можно от края до края.

Думали бойцы, что с утра взламывать немецкую оборону придётся. А германцы оставили в траншеях лишь несколько пулемётных гнёзд, а личный состав отвели в город и предместья. Уличный бой – самый сложный вид боя. Преимущество в танках, в авиации, артиллерии уже роли не играет, всё от пехоты зависит, поскольку драться надо за каждый дом, за каждый квартал. Наступающие всегда значительно большие потери несут, чем обороняющиеся. Немцы город укрепили. Первые этажи заложили кирпичом, оставив амбразуры. В удобных для обстрела местах расставили танки и пушки. Что помогало – морозы. Немецкая техника не рассчитана на столь низкие температуры. Замерзала смазка, не проворачивались механизмы. Немцы не глушили моторы танков, тягачей, машин, тратя попусту бензин и моторесурс. Качественная румынская нефть шла для изготовления бензина для авиации, наземную технику переводили на синтетический бензин, выгнанный из угля.

При штурме самым ходовым видом боеприпасов были гранаты. А ещё бойцы в полной мере оценили маневренность и плотность огня автоматов. В поле винтовка имеет свои преимущества – дальность и точность огня, но в теснённых городских условиях её габариты мешали, а мощность была избыточна.

Бойцы забрасывали гранаты в подъезды, в окна, потом очередь веером в дверной проём и только тогда забегали. Кли́н, родина великого русского композитора Чайковского, был городом небольшим. Но немцы сопротивлялись упорно, и на взятие города ушла неделя. Может быть, немцы сопротивлялись и дольше, однако реальная возможность попасть в окружение их пугала. Вермахт всеми силами старался удержать шоссе Кли́н – Солнечногорск. Девятого декабря 8-я танковая бригада овладела Ямугой, а 21-я танковая бригада перерезала дорогу Кли́н – Рогачёво. Армия Рокоссовского 11 декабря заняла Солнечногорск, а 13 декабря 47-я стрелковая бригада перерезала последнюю дорогу Кли́н – Высоковск, замкнув кольцо вокруг Кли́на.

Немецкие части оказались в окружении, лишившись подвоза топлива, боеприпасов и продовольствия. Но сильнее голода немцев донимал мороз. Солдаты жгли в кострах и печах всё, что могло гореть, – книги, мебель, заборы. Кли́н обороняла немецкая 36-я моторизованная дивизия, и потерь

от обморожения было не меньше, чем от ранений. Конечно, немцы с наружной стороны кольца пытались деблокировать окружённый гарнизон, предприняв не одну атаку, причём с поддержкой танками. Наша артиллерия танки выбила, и атаки захлебнулись. Резервов в своём тылу немцы не имели и усилить наступающих не могли.

Троих разведчиков, в том числе и Илью, направили для захвата языка. Сплошной передовой в её классическом понимании не было. На окраине города один дом мог быть занят нашими, а соседний – немцами, иной раз на дальности броска гранаты. Снег и мороз для разведчика первые враги. На снегу следы остаются, кроме того, снег при морозе ниже пяти градусов скрипит. А мороз долго в снегу лежать не даёт. В засаде или в поиске иногда подолгу в неподвижности находиться надо. Были случаи, когда разведчики из поиска возвращались с сильным обморожением, когда портянки снимались вместе с кожей. Таких отправляли в госпиталь, заживление шло плохо и зачастую после обморожения бойцов комиссовывали. Да только выбора у бойцов не было.

Старшим группы был назначен старший сержант Тимохин, старожил разведвзвода, к нему под команду – ефрейтор Аршинов и Илья. Тимохин сразу сказал – надо устраивать засаду. Немцев в городе полно, идти в глубь кварталов рискованно, снег скрипом выдаст. Решили просочиться за домами, залечь. Немцы от холодов в домах укрываются, в землянках. Около танков или пушек часовые, которых по такой погоде меняют через два часа. Можно дожидаться смены караула, напасть, работать ножами. На разведчиках белые маскировочные халаты, автоматы обмотаны бинтами. С десятка шагов разведчики на снегу не видны, тем более ночью. Ползли медленно, один за другим, по следу. Всё равно снег предательски поскрипывал. Только хруст этот никто не слышал, попрятались немцы от морозов. Залегли у полуразрушенного дома, от руин гарью тянуло. Впереди две пушки видны, немцы их на прямую наводку поставили. Возле пушек часовой прохаживается. Шинель поверху тряпками обмотана, а на ногах эрзац-валенки из плетёной соломы, их обувают прямо на сапоги. Ходить в них неудобно, а стоять неподвижно часовому на морозе невозможно, холод сквозь тонкую шинель пробивается. Разведчики лица салом намазали от обморожения, на ногах кроме тёплых байковых портянок ещё вязаные шерстяные носки – подарок из тыла. Зимой часто в действующие части посылки приходили с тёплыми вещами – носки, перчатки, шарфы, да по мелочи – кисеты для табака, носовые платки. Вместо адреса и фамилии адресата надпись – «Бойцу на фронт». Часто в посылках письма. Детские, женские.

«Дорогой боец! Шлю тебе от чистого сердца посылку. Связала сама. Бей фашистов! С горячим комсомольским приветом. Соня Перминова».

Через полчаса ноги в сапогах замерзать стали. Под комбинезоном телогрейка, в тулупе маскировочный костюм не натянешь, да и движения он сковывает. Слева из проулка вышел разводящий с солдатом. Часовой, который сменялся, снял эрзац-валенки, передал их сменщику. И разводящий и часовой быстрым шагом, почти бегом, направились в дом. Нет, к разводящему, обычно это офицер или фельдфебель, не подобраться. Оставалось снять часового. Но много ли знает рядовой?

По команде Тимохина поползли к пушкам. Часовой как встал на одном месте, так и стоит неподвижно, отвернувшись от ветра. На немце стального шлема нет, поверх кепи женский пуховой платок повязан. До немца уже несколько метров, от разведчиков его пушка прикрывает. Тимохин пальцем в Илью и Аршинова ткнул, потом в часового. Надо фрица брать, жесты понятные. Тимохин подстраховывал. Разом вскочили разведчики, бросились к часовому. Ефрейтор на снегу поскользнулся, упал. Часовой, шум заслышав, стал поворачиваться. Илья кулак вперёд выкинул, ударил немца в подбородок. Вырубил сразу, часовой на снег упал. Аршинов подбежал, руки за спину часовому завёл, связал ремешком. Заранее приготовленный кляп в рот часовому сунули. Под локти подхватили, от артиллерийской позиции бегом метров на тридцать оттащили, залегли. Вроде тихо, не обеспокоился никто. Местные жители, из немногих оставшихся, в подвалах прячутся. Немцы спят, пытаются согреться, трубы печные дымят. Темно, ветер, мороз, пусто на улицах. Назад выбрались прежним маршрутом, по своим же следам. Только тяжелее. Фашист с виду не крупный, а тяжёлый. Разведчики немца тащат, Тимохин сзади отход прикрывает. Обошлось. Немца затащили в дом, по щекам похлопали. В себя пришёл, глаза в ужасе округлил. Командир взвода попробовал его допросить, а не понимает его немец. Командир на разведчиков с упрёком.

– Вы кого приволокли?

– Языка.

– Он по-немецки толком не понимает.

Пленного переправили в штаб полка, оказалось – финн. А финского языка никто не знает. В общем, старания разведчиков «языка» взять обернулись провалом. «Язык» есть, а узнать ничего невозможно. Это плохо, считай – не выполнили задание. И на следующую ночь поиск приказали повторить. Тимохин в замешательстве.

– Кто предположить мог, что фашист не немец? У него что – национальность спрашивать надо?

В вермахт вступали добровольцами жители союзных Германии стран – чехи, финны, словаки. Не отставали оккупированные – Франция, страны Прибалтики, Бенилюкса. Кроме того, на Германию работала промышленность этих стран. Чехи поставляли лёгкие танки, пушки, Румыния – бензин, Норвегия – полиметаллическую руду для танковой брони.

Наша страна большие потери понесла, не сравнимые с немецкими. На 1 июля 1941 года население СССР составляло 200 миллионов, за время войны сократилось на 40,2 миллионов, из которых 18 миллионов – военные. К первому декабря 1941 года немцы оккупировали территории, где проживали 92 миллионов советских людей, каждый третий житель погиб. Да и воевать научились не сразу. Немцы в октябре 1941 года захватили Тульскую и Орловскую области, с населением 5 миллионов, потеряв убитыми 2 тысячи человек. РККА, отвоёвывая эти области, потеряла убитыми 500 тысяч воинов. Например, в феврале – апреле 1942 года в сражениях на Орловском направлении, когда ни на метр не смогли продвинуться вперёд, потеряли 50 тыс. убитыми и 50 тысяч ранеными. Только к сорок третьему году военачальники всех уровней стали применять грамотное планирование операций, научились беречь людей. А кроме того, и войска насытились новой боевой техникой. Кроме танковых появились самоходные полки, чего раньше в РККА не было. В истребительной авиации стали летать маневренными парами, а не устаревшими в тактическом отношении звеньями из трёх самолётов.

Поскольку предыдущий поиск был неудачным, «языком» взяли финна, ночью снова отправились в разведку группой в прежнем составе. Тимохин посетовал:

– Плохо, что ни один из нас германским языком не владеет. Опросили бы после захвата. Коли немец – к своим тащим, если нет – убить сразу.

В Подмосковье хоть не было венгров, румынов, итальянцев, как в Крыму или на центральном участке фронта.

Удачно просочились через немецкие позиции. Мороз нынешней ночью помягчел, по ощущениям – градусов двадцать. После предыдущих дней, когда мороз до сорока доходил, почти тепло, всё познаётся в сравнении.

Миновали позиции, где пушки стояли и где пленили финна.

– Дальше продвигаемся, а то снова возьмём какого-нибудь иноземца, – прошептал Тимохин.

Углубились квартала на три от немецкой передовой. В одном из частных дворов свет блеснул на короткое время. Сразу в снег попадали, замерли. Разговор слышался, вроде на немецком. Для разведчиков

электрический свет, как приманка. В землянках у немцев коптилки, у офицеров зачастую в блиндажах карбидные лампы, аккумуляторные фонари и вовсе редкость. А электричество у большого начальства. Тимохин ткнул пальцем на Илью и вперёд показал. Понятно, вперёд посылает посмотреть, что за источник света. Пополз Илья. Там, где у хозяев раньше огород был, стоит грузовик с крытым кузовом, кунг называется. Возле него часовой топчется. Такие машины часто применяются как штабные или пункты управления, радиостанции. Антенна и впрямь из кунга торчала. Хоть штабная машина, хоть радиостанция, для разведчиков находка ценная. Там по-любому документы быть должны, а это важнее любого «языка». А если радиомашинка, то радиокоды есть. Тогда наши, пока немцы коды шифрования не сменят, смогут слушать вражеский радиообмен. У Ильи от перспектив получить важные данные глаза загорелись.

Илья шустро пополз к Тимохе, как между собой разведчики Тимохина называли. На ухо все доводы изложил.

– Часового Аршин снимет, он мастак, так в машине офицерёе наверняка есть! Начнёшь стрелять, сюда вся немчура сбежится, не уйти нам.

– Пусть Аршин немца снимет, а я в машину.

– Если там один фриц, в ножи его! Только документы заberi.

– В руках нести?

Да, сидор с собой не брали. Шли-то за «языком».

– Я Аршину скажу, как часового снимет, пусть следом за тобой в грузовик лезет. Найдёте какую-нибудь тряпку, в узел сложите.

Тимоха отдал приказ ефрейтору. Он к машине первым пополз, следом Илья. Как только Аршин часового снимет, мешкать нельзя. Тимохин автомат к бою приготовил. Если немцы из избы на помощь своим придут, его дело – задержать. Вот только надолго это не поможет, гитлеровцев вокруг полно, будут гнать, как волков на облаве, пока всю группу не уничтожат.

До кунга десятков метров, Илья замер. Аршин правее полз, к часовому, тот у кабины болтался. Смутная в темноте фигура часового видна, а Аршинова нет. С другой стороны подбирался? Вдруг часовой упал. Со стороны посмотреть – подскользнулся. Всё, теперь не медлить! Илья к дверце грузовика, что была сзади, подскочил, поднялся на пару ступенек, ухо к двери приложил. Есть кто-то, слышен бубнящий голос, потом писк рации. Неужели двое? Илья нож вытащил, ручку двери потихоньку опустил, дверь на себя потянул. В тоненькую щёлку посмотрел. За столом, спиной к двери радист сидит в наушниках. А больше никого не видно,

сектор обзора мал. Илья рывком дверь отворил и к радисту побежал. От двери до немца метра два. Радист звуков не слышал, наушники не давали, а движение холодного воздуха почувствовал, поворачиваться стал.

Кроме командира подразделения, начальника штаба и офицера-шифровальщика, никто в радиомашину входить права не имел. Увидеть вошедшего радист не успел. Илья ударил его ножом сверху, в надключичную ямку. Удар этот всегда смертельный, клинок или в сердце попадает или в аорту. Радист со стула повалился. Больше в кунге не было никого. В закрытом кузове тепло от буржуйки. Илья сразу дверь прикрыл, чтобы свет не виден был. А её снаружи Аршин тянет. Внутрь забрался, дверь мягко прикрыл, чтобы не стукнуть.

– Что у тебя?

– Ты досматривай правую сторону, я левую и стол. Увидишь сидор, бери. И документы все, в полку разберутся.

Документы были, напечатанные на машинке и написанные убористо от руки, а ещё толстые тетради, вроде амбарных книг, а там строчки – буквы и цифры попеременно. Похожи на книги приёма и получения радиogramм.

Аршин сказал.

– Ранец нашёл.

– Что внутри?

– Личные вещи.

– Вытряхивай на пол.

Уложили найденные документы в солдатский ранец из телячьей кожи, еле закрыли клапан, на обе застёжки застегнули. Илье только стол осталось досмотреть. Нижний, самый большой ящик открыл, а там мягкий пакет. Хотел отшвырнуть, на документы не похоже. Но любопытство выиграло. Открыл пакет, внутри ткань. Вытянул, развернул. Ба! Да это немецкое знамя! Свастика в белом круге, полукругом надписи готикой.

– Аршин, глянь!

– Да брось ты эту тряпку, документы важнее.

Нет, знамя для любой воинской части – святыня. Илья знамя свернул, засунул под маскхалат, на грудь. Топорщилось, наверняка ползти будет мешать. Но это неудобства временные, можно потерпеть.

– Уходить надо, – распорядился Илья. Хоть и быстро разведчики действовали, а всё равно минут десять-пятнадцать потеряли. Много! Выбрались из кунга, пробежали немного, упали рядом с Тимохиным. Старший сержант шипит злобно.

– Где вас так долго носит? Ноги уносить надо, и побыстрее.

Сначала ползли, в некоторых местах короткими перебежками по очереди, минуя открытые пространства. Похоже – последний дом, занятый немцами. В поиске повезло и не хотелось под занавес пулю схлопотать. Ползли по очереди, сначала Аршинов, за ним Илья, замыкал Тимохин. Наконец из темноты окликнули.

– Стой!

– Свои, разведка.

Разговор на пониженных тонах. Наши пехотинцы знают, что разведка ушла, должны возвратиться. И боязно, а вдруг немцы подберутся, гранатами закидают? За углом дома поднялись. Илья на ногах пальцев не чувствовал, замёрзли. Командир пехотного взвода сам их в тыл провёл, относительно безопасным путём. Он знал, где немцы пространство простреливают.

Командир взвода разведки не спал, в холодной комнате накурено, хоть топор вешай. Печь в доме есть, а топить нечем. Всё, что могло гореть, немцы уже сожгли. Немцев декабрьские морозы многому научили. Из угольных районов Германии стали привозить на фронт брикеты мелкого угля, а ещё тёплые вещи – меховые куртки, перчатки зимние, шерстяные носки. Ранее подобные вещи в перечень амуниции вермахта не входили, только в горно-егерские части.

– А где «язык»?

Лицо командира взвода вытянулось. С него спрос строгий. Аршин на стол немецкий ранец водрузил. Тимохин сразу рапортовать стал:

– В глубине обороны наткнулись на штабную машину. Крытый грузовик с антенной. Парни часового сняли и радиста. Собрали документы. Я решил пленного не брать, если документы ценные, риск их потерять велик.

Лейтенант ранец открыл, стал доставать бумаги. Многие с печатями, сверху надписи – «Секретно».

– Похоже, улов на самом деле ценный. Отнесу переводчику в штаб полка.

– Это не всё, товарищ лейтенант!

Илья комбинезон расстегнул, достал знамя, развернул. При тусклом свете коптилки серая ткань смотрелась почти чёрной. Лейтенант голову наклонил, читать стал, вскинул удивлённо брови.

– Ты знаешь, что это такое? Знамя тридцать шестой мотопехотной дивизии! Вот это трофей!

Лейтенант стал накручивать ручку полевого телефона.

– Товарищ пятый, это тринадцатый. Разведка документы захватила в

штабной машине и знамя. Да, тридцать шестая моторизованная дивизия вермахта. Да, слушаюсь! Сейчас будем.

Карпов трубку положил.

– Приказано прибыть в штаб полка. Сафронов, бери знамя, Аршинов, за тобой ранец. Ну, парни, по медали точно получите!

Прошли между домами квартал. У одного из наиболее сохранившихся домов часовой. Лейтенанта хоть и узнал, а потребовал пароль. А из двери уже полковой комиссар показался.

– Неужели знамя дивизии захватили? Надо в политотдел армии телефонировать! Первое знамя противника, которое мы взяли, это событие, товарищи!

В комнате, куда все вошли, уже и командир полка, и начальник штаба, и переводчик. Ранец с документами ему вручили. Командир полка приказал:

– Самое важное переведи, если шифровальные книги есть, вызывайте «особиста». Ну, Карпов, не томи!

Командиру полка, как и остальным военачальникам, хотелось убедиться, что знамя настоящее, а не то, которое на дверях комендатур или других воинских учреждений вывешивают. Илья знамя достал, развернул. Тут же переводчик подошёл, прочитал.

– Всё верно, товарищ майор. Знамя тридцать шестой дивизии.

– Ура, товарищи! – почти прокричал комиссар. – Я немедленно иду телефонировать в полит-отдел армии! Какое событие!

Качая головой, комиссар ушёл. Командир полка всмотрелся в лица разведчиков.

– Благодарю за службу!

– Служим трудовому народу! – гаркнули дружно бойцы.

– Карпов, пиши на всех бойцов представление к наградам, я подпишу.

В сорок первом-втором годах награждали редко. В ГКО, а может и Сталин лично, считали – Красная армия отступает, несёт тяжёлые потери, о каких наградах может идти речь? Недостойны!

– Карпов, останься, вы свободны.

Это комполка разведчикам.

– Есть!

Повернулись, вышли. Уже в землянке разведвзвода, доставшейся от немцев, Аршинов хитро подмигнул, выудил из кармана маскхалата бутылку шнапса.

– Обмоем?

– Аршин, да ты очумел? К командиру полка с бутылкой!

– А что ей, пропадать? Я в штабной машине взял. Законный трофей, для сугрева.

Ну, раз так, разлили по кружкам, выпили.

– Как немцы такую дрянь пьют? Слабый шнапс-то и сивухой отдаёт.

Но от выпитого, да в тёплой землянке согрелись. Сняли маскхалаты, прямо в телогрейках на топчаны улеглись. Сон сморил мгновенно. Илье показалось, только смежил веки, а его за руку тянут.

– Сафронов, подъём! Нехорошо заставлять командира ждать!

Всю троицу, ходившую в поиск, подняли. Илья на часы посмотрел – десять. Всего-то и удалось пять часов поспать. В комнате командира взвода сам Карпов, батальонный комиссар и фотограф. На столе коробочки с медалями. Карпов под щелчки затвора фотоаппарата вручил разведчикам медали и удостоверения к ним. Батальонный комиссар короткую речь сказал. Конечно – о роли партии большевиков, о высоком моральном духе. И в конце обмолвился, что в армейской газете заметка про разведчиков выйдет.

Во взводе, как узнали о наградах, поздравляли сослуживцев. Каждый хотел медали сам посмотреть, а ещё требовали обмыть. Медаль «За отвагу» была на фронте почитаема, не юбилейная какая-нибудь, вроде «20 лет РККА». Медалью своим приказом мог наградить командир полка или дивизии. Орденом «Красной Звезды» командир армии или фронта, а «Ленина» – уже президиум Верховного Совета, и вручали их отличившимся или в Кремле, или командир фронта. Ещё ценилась медаль «За боевые заслуги», но бойцы её рангом пониже ставили, чем «За отвагу».

У немцев, кроме «Железных крестов» разных степеней, были знаки отличия – «За штыковую атаку», «За танковый бой» и прочие.

В РККА только нашивки за ранение красного цвета и золотистого. После введения гвардии появился ещё гвардейский знак.

Всё же разведчики – народ ушлый. И консервы нашлись, и водка, да ещё с полевой кухни несколько котелков каши с мясом принесли. Всё равно отметили награждение сослуживцев, первое за много месяцев.

Бои продолжались, город освободили 15 декабря. Армия двинулась дальше, Клинско-Солнечногорская операция продолжалась. За полмесяца напряжённых и трудных боёв наша армия продвинулась на некоторых участках на сто километров. Угроза захвата столицы миновала. Это была первая крупная победа в череде непрерывных отступлений. Сводки об освобождённых деревнях и городах, о количестве захваченной вражеской техники известило Совинформбюро, все газеты СССР. Для народа событие радостное, долгожданное. А ещё знак для всего мира – сильна Красная

армия. Развития событий за рубежом ждали многие. С падением Москвы в войну должна была вступить Япония, колебалась Турция, известный враг наш на юге и союзник Германии во многих войнах. И Америка решилакратно увеличить поставки техники, боеприпасов, продовольствия, бензина, стратегического сырья, вроде алюминия.

Полк при взятии Клина и уничтожении засевших там немцев понёс большие потери, и когда наступление застопорилось, его отвели для пополнения в Лобню. Рано или поздно любые наступления выдыхаются, наступает неустойчивое равновесие противоборствующих сторон. Противники теряют боевую технику, личный состав. У немцев резервы, как и у Красной армии, исчерпаны, передышка вынужденная. Из полка, где служил Илья, едва бы мог набраться полноценный батальон. После полумесечных боёв, почти непрерывного нахождения в холоде, нерегулярному питанию, бойцы вымотались. С наслаждением отогревались-отсыпались в тёплых казармах. Приняли долгожданную баню, постриглись, сменили бельё. А ещё горячая еда по расписанию. Многие пехотинцы не хлебали горячего супа неделю, а то и больше. Командиры разъехались по запасным полкам в качестве покупателей.

Требовались все воинские специальности – сапёры, связисты, миномётчики, артиллеристы, разведчики. Пополнение прибывало группками. Хорошо, когда среди вновь прибывших были люди обстрелянные, после госпиталей или расформированных по разным причинам частей. Хуже было, когда новобранцы, не умеющие стрелять, в лучшем случае стрелявшие из «мелкашки» в тире по неподвижной мишени, в спокойной обстановке. Парни необстрелянные, необученные, но равнявшиеся в бой.

То ли взятие знамени и награда сыграли роль, то ли остро не хватало младшего командного состава, но Илье присвоили звание старшины. Мелочь, но приятно, хотя ответственности больше, поскольку вместе со званием назначили командиром отделения. На войне из-за потерь, из-за проявленных личных качеств, люди продвигались быстро.

Новички во взводе и отделениях были, пришлось заняться обучением. Илья сам показывал то, что знал. В первую очередь обращению с оружием, отечественным и трофейным, навыкам обнаружения мин. Работе с ножом помогал новичкам Аршинов. А ещё изучали немецкие звания, обозначения родов войск. Все командиры, от майора до сержантов, торопились. Понимали – отдых кратко-временный, приказ выступить может последовать в любой момент. И от того, как быстро они смогут «натаскать» новобранцев, зависели успехи в будущих боях или провал и потери.

Увольнительных не было, занимались с подъёма и до отбоя, с перерывами на приём пищи. Наступление Нового 1942 года встретили скромно. На обед вместо ржаного хлеба выдали пшеничный и вместо чая компот из сухофруктов. Старослужащие и рады бы отметить, да фронтовые сто грамм или «наркомовские», как их называли, выдавались только на передовой, а не в тылу, а трофейной выпивки не было.

Чему бойцы радовались, так это смягчению морозов. Даже на Крещение, когда всегда морозы трещат, было десять градусов.

Отдыху, как и всему хорошему, рано или поздно приходит конец. Одним днём на плац полка въехала целая автоколонна грузовиков «ЗИС-5». Даже последний новобранец понял – отправляют на фронт. Грузились с оружием, с сидорами.

Западный фронт наступал на Вязьму, 24 января вышли на линию Погорелое Городище – Дурыкино – Шанский Завод, 28 января 113-я, 338-я и 160-я стрелковые дивизии достигли рубежа Кузнецовка – Морозово, в 30 километрах от Вязьмы, 29 января заняли Сухиничи.

Ставка требовала продолжения наступления. «Наступательными действиями изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы...».

Командующий Западным фронтом Г.К. Жуков считал иначе. «Наступательными действиями мы изматывали свои войска во много раз больше, чем вражеские. Это изматывание было выгодно противнику, а не нам. Наши силы исчерпаны до предела. Ставка и Генштаб не хотели видеть настоящего положения дел».

Пятая Армия РККА упёрлась в оборонительный рубеж врага, прорвать его не смогла. Да и как, если во многих дивизиях осталось по две с половиной тысячи человек вместо двенадцати по штату. Кроме того, сильно мешал глубокий снежный покров. Артиллерийская поддержка наступающих слабая из-за малого числа орудий и недостатка снарядов. Пока пехота, утопая в снегу, доберётся до немецких траншей, большая её часть выбита пулемётным огнём.

Полк, где служил Илья, везли на грузовиках до вечера, высадили в какой-то деревне, рядом с лесом. В километре впереди оборону держит сильно потрёпанный наш полк. Командиры батальонов получили у командира полка свои участки обороны. За ночь полк занял позиции, сменив потрёпанный, понесший большие потери, его отвели в тыл. Что радовало бойцов – уже отрытые траншеи, стрелковые ячейки, пулемётные гнёзда и землянки. Рыть их в мёрзлой земле – ещё та работёнка, врагу не пожелаешь. Только обустроились, командование задачу ставит – взять

«языка». В ночь сразу три группы отправились в поиск. Илья, по праву командира отделения, мог не идти, но сам набрал группу из старослужащих, три бойца и он, как старший.

Плохо то, что не было времени понаблюдать за позициями немцев, установить, где у них пулемётные гнёзда, ракетчики. Отступая, немцы не установили минные поля, да и сделать это в морозы, при большом снежном покрове, затруднительно. А вот проволочные заграждения были, Илья их сам днём видел. Немецкие позиции в полукилометре от наших.

Экипировались – белые маскхалаты, автоматы обмотали бинтами, в карманах гранаты, как называли их тогда – карманная артиллерия. У всех бойцов ножи, заранее принесли куски верёвок, связать пленного. И пара тряпок для кляпов.

В полночь выбрались из нашей траншеи. Большую часть нейтралки шли во весь рост. Если бы ползли, времени на преодоление нейтралки потратили много, сами из сил выбились. И так шли цепочкой, след в след и первого бойца Илья менял. Снега по колено, местами до середины бедра. Неожиданно ударил очередью немецкий пулемёт, трассирующие пули прошли левее группы. Но пулемётчик оказался ближе, чем предполагали, метрах в семидесяти. Разведчики сразу попадали в снег. У всех есть фронтовой опыт, никому приказывать не надо.

Когда стрельба прекратилась, поползли вперёд. Замешкались у проволочного заграждения. Между кольями натянуты спирали Бруно, довольно плотно, густо. У ефрейтора Сергеева с собой сапёрные ножницы. Он колючую проволоку резал, рядовой Фатеев концы придерживал, чтобы не звякнули. Узкий проход проделали, поползли к траншее. Илья на бруствер заполз, заглянул – пусто. Никого, даже часового не видно. За поворотом прячется от ветра? Вопрос существенный, нахождение часового определить надо, иначе он может по-явиться внезапно в самый неподходящий момент. Минут через десять напряжённого ожидания размеренные шаги. Часовой вышел справа. Автомат поперёк груди, обе руки в карманах, от мороза прячет. Здесь участок траншеи прямой и входов в блиндажи или землянки не видно. Надо брать немца. И что на руку разведчикам, на голове немца стального шлема нет, холодно в нём. Сделать своим знак Илья не успевал, а голосом приказ отдать невозможно, часовой услышать может. Илья приготовился, когда часовой с ним поравнялся, прикладом «ППШ» ударил по затылку. Обычно по голове старались не бить. Сложно рассчитать силу удара, можно череп проломить. А кому нужен тяжелораненый «язык»? Но получилось. Немец упал, как подкошенный, загремело железо. Илья рукой махнул. В траншею

спрыгнули двое разведчиков, ухватились за немца, из траншеи на бруствер выбросили, сами выбрались. Фатеев с шеи немца автомат снял, на себя перевесил. Первым делом кляп в рот. И быстро поволокли за руки к проходу в проволочном заграждении. Как только миновали колючку, связали «языку» руки во избежание возможных эксцессов. И по своему следу в сторону наших позиций. Сначала ползли максимально быстро, потом встали. Двое разведчиков немца под локти держат. Одного не предусмотрели. Сами разведчики в белых масках, со снегом сливаются. На немце шинель тёмно-серая, на белом фоне заметна. Узрел немецкий пулемётчик нечто непонятное, дал очередь. Пули рядом прошли. Разведчики залегли. Пулемётчик их из вида потерял, стрельбу прекратил. Дальше поползли. Один разведчик за ворот шинели немца тянет. Немец на спине, чтобы дыхательные пути снегом не забились. «Языка» теперь оберегать надо, командованию он живой нужен. Холодно, а вспотели все, хоть и местами менялись. Немец худощавый вроде, а по глубокому снегу его волочить, усилия большие нужны. Наконец оклик часового.

– Стой! Пароль!

– Свои, разведка. Мушка.

Обычно пароль брали немудрящий, зачастую название детали оружия. А отзывом – город на ту же букву.

– Москва, – отозвался часовой.

Сначала два разведчика в нашу траншею спрыгнули, бережно немца приняли. Тут же кляп изо рта вытащили. Илья обеспокоен.

– Жив?

– Дышит, но не стоит, сволочь.

– Потрите ему уши снегом.

Бесчувственное тело – это плохо. «Язык» командованию «петь» должен. Помогло. После жёсткого натирания ушей снегом очнулся фриц. Дёрнулся, а оружия нет и руки связаны.

– Что, фашист? Гитлер капут! Допросят тебя и в лагерь для военнопленных. Кончилась для тебя война.

Немца доставили в штаб полка, допросили. Рядовой гитлеровец знал немного, но хоть понятно стало, какой полк перед нами стоит, чем вооружён, где располагаются тылы, батареи. Ещё одна поисковая разведгруппа взяла «языка», и какая-то картина начала складываться. А третьей группе не повезло, немцы обнаружили их, обстреляли. Группа понесла потери и отошла. Одного раненого и убитого вынесли с собой. В разведке непреложное правило – своих не бросать. Немцы своих убитых бросали, а в тяжёлых ситуациях раненых добивали сами. Их разведка тоже

действовала активно. Не проходило ночи, чтобы кого-нибудь из военнослужащих не выкрали. Особенно досаждал способ их разведчиков, прозванный нашими – «на хапок». Пользуясь преимуществом в миномётах и артиллерии, их разведгруппа подбиралась к нашим позициям. В обусловленное время их миномёты или гаубицы накрывали наши траншеи плотным огнём. Затем огневой налёт резко прекращался, немцы врывались в нашу траншею, хватали двух-трёх уцелевших и наутёк. Миномётчики сразу прикрывали отход своих огнём.

Двое суток отдыха, и снова приказ «взять языка», причём обязательно офицера. Илья в поиск отправился сам, группа в прежнем составе плюс один новичок, новобранец из Челябинска Котоврасов. Как стемнело, группа вышла на нейтралку. Подобрались к немецкой траншее, колючую проволоку перерезали, первую линию траншей перешли. Илья рассудил – уж коли рисковать, так брать офицера в ближнем немецком тылу. На передовой младшие офицеры – командиры взводов, рот. А хотелось дичь покрупнее, хотя бы командира батальона или батареи. Эти знают больше, а информация нужна как воздух. Насколько понимал Илья, наши войска готовили новое наступление. Обычно разведка активизировалась по приказу командования перед наступательными операциями.

С предосторожностями преодолели вторую линию траншей. Обычно здесь немцы ведут себя более беспечно. Из землянок, блиндажей трубы торчат, дымят, сгоревшим углём пахнет. Илья выбрал землянку несколько поодаль от остальных. Подобрались к землянке. По логике офицер должен быть здесь. Немецкие офицеры – особая каста, с солдатами держат дистанцию, многие выходцы из благородных семейств, фамилии имеют приставку «фон», дворяне.

Офицеры, начиная с командира батальона, помощников имеют – денщиков или ординарцев. И не факт, что офицер в землянке один. Ворваться в землянку можно, но как бы на выстрелы не нарваться. От передовой, случись перестрелка, с километр, а то и полтора будет. Прорваться к нейтралке будет в таком случае затруднительно, а скорее всего, невозможно. К Илье новичок подполз, прошептал:

– Товарищ старшина, позвольте их выкурить?

– Хм, валяй.

Решение было неожиданным. Котоврасов на скаты землянки заполз, снял с себя шапку и на трубу одел. В таких случаях тяга в трубе прекращается, весь дым в землянку идёт. Группа рядом с ходом сообщения залегла, готовая к действию. Минута, другая, пятая прошла. Приоткрылась дверь землянки, показался солдат. Из двери дым валит, солдат кашляет,

глаза трёт, они от дыма слезятся. Илья рукой махнул, на немца сержант Охмянин прыгнул, ударил ножом. Убитого тут же в боковой ход оттащили. Илья в сомнениях. Ждать, пока офицер покажется, или самим в землянку идти? Оба варианта плюсы и минусы имеют. И снова Котоврасов с предложением.

– Я шапку сниму, тяга восстановится, дым вытягивать в трубу начнёт. Тогда и входить надо. Офицер подумает – солдатик вернулся.

– Годится, давай!

Котоврасов шапку с трубы снял, дым сразу повалил. Илья ткнул пальцем в Сергеева, он самый мощный. Сам в траншею спрыгнул, дверь в землянку распахнул. Ему в затылок ефрейтор дышит. За первой дверью вроде небольшой комнаты, два на два метра, здесь же топчан для солдата. Вторая дверь в отсек офицера идёт. Илья дверь резко распахнул, ворвался. Офицер на настоящей кровати с панцирной сеткой лежит, одеялом укрылся. Взгляд влево-вправо. Офицер один. Илья к кровати подошёл, из кобуры пистолет вытащил. Офицер почувствовал рядом с собой движение, проснулся, глаза открыл. А рядом с ним два призрака в белом. Илья командует: «Хенде хох!»

Офицер руки поднял, сразу оценив – положение у него проигрышное. Он один и в постели, а русских двое, оружие наготове и рожи зверские. Руки поднял.

– Сергеев, дай одежду ему и сапоги, пусть оденется.

Сам Илья землянку обыскивать стал. В кожаном кофре личные вещи офицера обнаружил, ему без надобности. А вот командирский планшет с картой – самое то. Ремешок командирской сумки себе на шею набросил. Офицер тем временем форму одел, сапоги натянул – хромовые, с высоким голенищем. Сергеев шинель с гвоздика снял, офицеру бросил. Илья погоны увидел в свете аккумуляторного фонаря, что на столе стоял. Погоны витые, поля чистые. Майор! Офицер шинель натянул, сам с вешалки снял зимнюю шапку. Сшита по образцу егерского кепи, только с мехом из овчины.

– Вяжи его!

Руки офицеру связали сзади, Сергеев кляп в рот пленному воткнул, хотя офицер пытался сопротивляться, мотал головой. Сергеев здоровенный кулак к носу офицера поднёс, тот подчинился.

Теперь главная забота – удачно выбраться. По своим же следам в снегу до первой линии траншей добрались. Выждали, когда часовой мимо пройдёт. Двое разведчиков в траншею спрыгнули, офицера помогли перенести. Через проделанный проход в проволочном заграждении проползли. Дальше и дальше отползали, как Фатеев, ползущий первым,

руку поднял. Знак опасности, замерли все. Илья полз в группе последним, замыкающим. Он к Фатееву подполз.

– Чего?

– Вроде движение впереди, – прошептал Илье в ухо разведчик.

Оба всматриваться начали. Немецкие позиции в сотне метров сзади, шуметь нельзя. Подвесьят осветительную ракету, из пулемётов обстреляют. В самом деле, движение впереди. Один человек, в армейской форме, без маскхалата. И непонятно – наш или немец. Темно, да и фигура не вся видна. Человек проползёт немного и останавливается, осторожничает. Илья к тому времени несколько немецких слов выучил. Руки ко рту рупором приложил:

– Ахтунг! Вас из лос?

Человек впереди замер, потом закричал:

– Господа немцы, не стреляйте! Я добровольно сдаться хочу!

Вот сучонок! Перебежчик! Илья на ломаном русском в ответ:

– Лежать на месте! Оружие брось!

– Нет оружия! Бросил я винтовку.

– Сергеев, ножом гада!

Ефрейтор вперёд пополз. Через время рукой махнул. Группа вперёд поползла. Когда поравнялись с убитым, Илья приказал.

– Обыщи! Документы надо командиру роты сдать.

– Собаке – собачья смерть.

Документы нашлись в нагрудном кармане гимнастёрки. Илья их к себе в карман сунул. Трус и изменник, каково семье будет узнать о бесславной смерти своего сына или отца?

Через полсотни метров встали. Немец сам шёл. Добрались до наших траншей. Командир взвода разведки в землянке сидит, тут же командир пехотной роты. Карпов при виде группы вскочил, разведчиков взглядом обвёл. Все! И «язык» знатный, майор. Илья коротко доложил о пленении, командирскую сумку немца лейтенанту отдал.

– Молодцы! С уловом вас! Идём в штаб.

Разведчики вышли, Илья задержался, командиру роты красноармейскую книжку убитого отдал.

– Немцам сдаваться полз. У самых немецких траншей его встретили.

Командир роты вскочил, документ открыл.

– Он же часовым назначен!

– Для перебежчика самое место. Один, впереди траншеи, никто не видит. Теперь уже не уйдёт, зарезали мы его.

Для ротного это ЧП! Особист нагрянет, политрук. Ротному по шапке

надают – недоглядел, не раскусил предателя. Илья это обстоятельство понимал.

– Мои разведчики молчать будут, старшой. А ты сам решай – давать делу ход или нет.

– Спасибо, старшина. Сочтёмся, я должником быть не привык.

На ротном, на его роте вся оборона держится. Младших командиров – взводов, рот, выбивали быстро, особенно в наступлении. Мало кто больше месяца на передовой выживал, так зачем ещё и неприятности по службе командиру доставлять? Илья не кровожаден был.

Догнал свою группу у штаба уже. Карпов посмотрел неодобрительно. Илья оправдался.

– Живот прихватило, товарищ лейтенант.

«Язык» ценным оказался, мало того, что на карте майора дислокация всей немецкой дивизии нанесена, так ещё и на допросе многое рассказал, переводчик едва успевал переводить, а машинистка печатать.

Разведчиков отпустили на отдых. Улеглись в своей землянке уже под утро. Немцы после завтрака, как по расписанию, открыли артиллерийский огонь. Один из снарядов угодил в землянку, где разведчики отдыхали. Взрыв, огонь, дым. Земля и обрушившиеся брёвна Илью придавили, едва дышать возможно. Кое-как рукой пошевелить можно. Вскоре после взрыва сверху голоса:

– Целое отделение накрыло!

Илья с силами собрался, крикнул:

– Жив я! Завал разбирайте!

Засуетились воины. Брёвна убирают, другие сапёрными лопатками землю отбрасывают, а то и руками. На грудь не так давить стало, потом дневной свет в глаза ударил. За руки подхватили, вытащили. Сразу закричали:

– Санитаров сюда!

Из-под завалов достали ещё одного живого – Котоврасова, новобранца. На одной машине в медсанбат отправили. Илья улыбался. Редко кому так везёт! А впереди ещё три с половиной года войны было.